

ВЕСТНИК МГПУ.

СЕРИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ».

**MCU JOURNAL
OF LEGAL SCIENCES**

№ 2 (62)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / SCIENTIFIC JOURNAL

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2008
Quarterly**

**Москва
2026**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

<i>Геворкян Е. Н.</i> председатель	председатель, доктор экономических наук, профессор, академик РАО, и. о. ректора ГАОУ ВО МГПУ
<i>Агранат Д. Л.</i> заместитель председателя	проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент
<i>Комаров Р. В.</i> заместитель председателя	проректор ГАОУ ВО МГПУ, кандидат психологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

<i>Пашенцев Д. А.</i> главный редактор	доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (МГПУ)
<i>Дорская А. А.</i> зам. главного редактора	доктор юридических наук, профессор (СЗФРГУП)
<i>Беляева О. А.</i>	доктор юридических наук, профессор РАН (ИЗиСП)
<i>Борисова Н. Е.</i>	доктор юридических наук, профессор (Ассоциация историков права)
<i>Диноршоев А. М.</i>	доктор юридических наук, профессор (Таджикский национальный университет)
<i>Ефимова О. В.</i>	кандидат юридических наук, доцент (МГПУ)
<i>Ибраева А. С.</i>	доктор юридических наук, профессор (Казахский национальный университет им. Аль-Фараби)
<i>Илариа Претелли</i>	доктор права (Швейцарский институт сравнительного права)
<i>Мартыненко И. Э.</i>	доктор юридических наук, профессор (Гродненский государственный университет им. Я. Купалы)
<i>Мкртумян А. Ю.</i>	доктор юридических наук, заслуженный юрист Республики Армения (Кассационный суд Республики Армения)
<i>Ростокинский А. В.</i>	доктор юридических наук, профессор (МГПУ)
<i>Рыбаков О. Ю.</i>	доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор (МГЮУ им. О. Е. Кутафина)
<i>Сауляк О. П.</i>	доктор юридических наук, профессор (МГПУ)
<i>Серова О. А.</i>	доктор юридических наук, профессор (Псковский государственный университет)
<i>Смирнов Л. Б.</i>	доктор юридических наук, профессор (РГПУ им. А. И. Герцена)
<i>Черногор Н. Н.</i>	доктор юридических наук, профессор РАН (ИЗиСП)
<i>Честнов И. Л.</i>	доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (СПбЮИ(ф)АГП)
<i>Шевелева С. В.</i>	доктор юридических наук, профессор (ЮЗГУ)
<i>Андреянова Н. Н.</i> ответственный редактор	кандидат юридических наук (МГПУ)

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

СОДЕРЖАНИЕ

Государство и право: теоретические и исторические аспекты

<i>Васильев П. В.</i> Регулирование правоотношений и правовое регулирование: явления и их понятийно-терминологические отражения.....	7
<i>Гусарова М. А.</i> Истоки русского правосознания в правовой культуре Древней Руси и раннем русском Средневековье	16
<i>Дорская А. А., Дорский А. Ю.</i> Проблема единства судебной системы в России: история и современность	24
<i>Караман А. А.</i> Деятельность Совета министров ДНР по организации обороны и обеспечения безопасности Республики в 2014–2015 годах.....	39
<i>Львов А. В.</i> Формирование офицерских кадров российской армии в XVIII–XIX вв.	52
<i>Метшин И. Р.</i> Особенности правовой интеграции кочевых и оседлых восточных народов в состав Российской империи (на примере калмыков и бурят).....	66
<i>Степанов М. М., Шахновская И. В.</i> Правовой мониторинг в России в современных условиях: проблемы и перспективы	73

Публичное право

<i>Певцова Е. А.</i> Космические правоотношения: теоретико-правовой взгляд	82
--	----

Частное право

<i>Чаплин Н. Ю.</i> Специфика вещного права в юридическом мышлении, правовых традициях, преподавании.....	95
---	----

Трибуна молодых ученых

- Копликов Т. А.* Трансформация взглядов на институт юридического конфликта: от мифологических идей к цифровой реальности (историко-теоретическое исследование)..... 102

Критика. Рецензии. Библиография

- Михайлова Н. В.* Рецензия на книгу:
Метшин И. Р. Казанская губерния в составе Российской империи: вопросы сохранения государственного единства. М.: Норма, 2025. 68 с. 114

Научная жизнь

- Пашенцева С. В.* Обзор Третьей Покровской научной сессии Ассоциации историков права 118

- Авторы «Вестника МГПУ. Серия «Юридические науки», 2026, № 2 (62)..... 125**

- Требования к оформлению статей..... 129

CONTENTS

State and Law: Theoretical and Historical Aspects

- Vasiliev P. V.* Regulation of Legal Relations and Legal Regulation: Phenomena and their Conceptual and Terminological Reflections 7
- Gusarova M. A.* The Origins of Russian Legal Consciousness in the Legal Culture of Ancient Rus' and the Early Russian Middle Ages 16
- Dorskaya A. A., Dorsky A. Yu.* The Issue of the Judicial System Unity in Russia: History and Modernity 24
- Karaman A. A.* Activities of the Council of Ministers of the DPR on the Organization of Defense and Security of the Republic in 2014–2015 39
- Lvov A. V.* Formation of Officers in the Russian Army in the 18th and 19th Centuries 52
- Metshin I. R.* Features of the Legal Integration of Nomadic and Settled Eastern Peoples into the Russian Empire (Using the Example of Kalmyks and Buryats) 66
- Stepanov M. M., Shakhnovskaya I. V.* Legal Monitoring in Russia in Modern Conditions: Problems and Prospects 73

Public Law

- Pevtsova E. A.* Space Legal Relations: a Theoretical and Legal View 82

Private Law

- Chaplin N. Yu.* The Specifics of Property Law in Legal Thinking, Legal Traditions, and Teaching 95

Tribune of Young Scientists

Koplikov T. A. Transformation of Views on the Institute of Legal Conflict: From Mythological Ideas to Digital Reality (Historical and Theoretical Research)..... 102

Criticism. Reviews. Bibliography

Mikhailova N. V. Book Review: Metshin I. R. Kazan Province within the Russian Empire: Issues of Preserving State Unity. Moscow: Norma, 2025. 68 p. 114

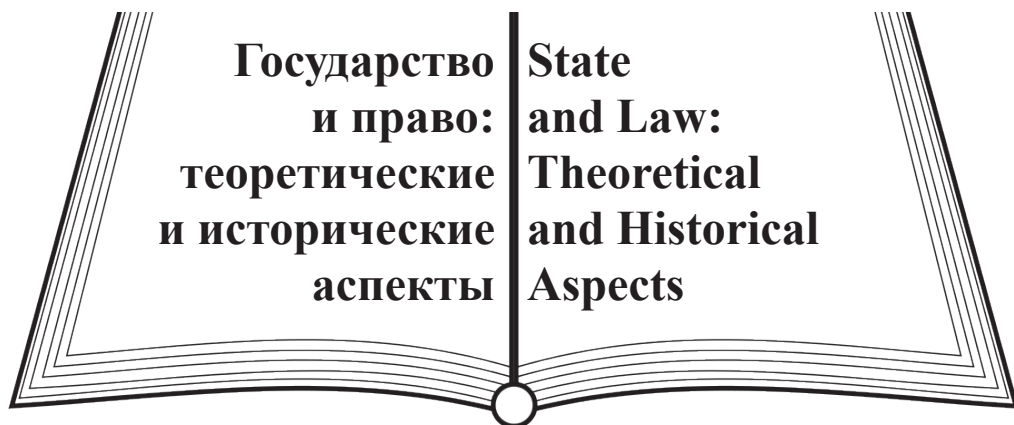
Scientific Life

Pashentseva S. V. Review of the Third Pokrovsky Scientific Session of the Association of Legal Historians 118

**Authors of the MCU Journal of Legal Sciences,
2026, № 2 (62).....**

..... 125

Requirements for Style Articles 129

УДК 34.023

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-262-7-15

П. В. Васильев

Ульяновский филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Ульяновск, Российская Федерация,
vapv22031979@yandex.ru

РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВООТНОШЕНИЙ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ: ЯВЛЕНИЯ И ИХ ПОНЯТИЙНО- ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОТРАЖЕНИЯ

Аннотация. Суть проблемы соотнесения регулирования правоотношений и правового регулирования между собой, а также с их понятийно-терминологическими отражениями состоит в понятийной неопределенности, обусловленной полисемией и синонимией терминов «регулирование правоотношений» и «правовое регулирование». Выявлено разнообразие вариантов использования этих терминов. Определены признаки явлений, к которым в юридической науке применяют термины «правовое регулирование» и «регулирование правоотношений». Установлены свойства явлений, которые систематизированы в четыре отдельных подхода к пониманию правового регулирования и регулирования правоотношений. Также предложено разграничение сфер употребления терминов «правовое регулирование» и «регулирование правоотношений».

Ключевые слова: право; правотворчество; правовое регулирование; регулирование правоотношений; юридическая терминология; интерсубъективная реальность.

UDC 34.023

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-262-7-15

P. V. Vasiliev

Ulyanovsk branch of The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Ulyanovsk, Russian Federation,
vapv22031979@yandex.ru

REGULATION OF LEGAL RELATIONS AND LEGAL REGULATION: PHENOMENA AND THEIR CONCEPTUAL AND TERMINOLOGICAL REFLECTIONS

Abstract. The essence of the problem of correlating the regulation of legal relations and legal regulation with each other, as well as with their conceptual and terminological reflections, is the conceptual uncertainty caused by the polysemy and synonymy of the terms “regulation of legal relations” and “legal regulation”. A variety of use cases for these terms has been identified. The signs of phenomena to which the terms “legal regulation” and “regulation of legal relations” are applied in legal science are identified. The properties of phenomena have been established, which are systematized into four separate approaches to understanding legal regulation and regulation of legal relations. A differentiation of the spheres of use of the terms “legal regulation” and “regulation of legal relations” is also proposed.

Keywords: law; lawmaking; legal regulation; regulation of legal relations; legal terminology; intersubjective reality.

Введение

Проблематика правового регулирования продолжает привлекать внимание исследователей. Так, Р. А. Абрамов и Д. А. Пашенцев рассматривают его в связи с развитием цифровой экономики [1], перспективными выглядят попытки разработки методик определения его стоимости Д. В. Орловым [8].

Однако существующая со времен Аристотеля традиция современного научного познания предполагает анализ позиций, представленных по изучаемым проблемам. Скрупулезное следование данной традиции привело к тому, что обозначить все существующие суждения относительно изучаемой проблематики стало практически невозможно. Более того, даже понимание сути изучаемой отдельным автором проблемы представляет собой немалое затруднение. Последнее часто обусловлено полисемией, которая в научном сегменте культуры существует как результат вполне осознанной практики наделяния одних и тех же терминов принципиально различными смыслами. Так, при чтении работ по проблематике правового регулирования и регулирования правоотношений стало весьма трудно понять тот смысл, который авторы вкладывают

в понятия «правовое регулирование» и «регулирование правоотношений». Кроме того, данная проблема создает основу для нарушения логического закона тождества, требующего использования терминов в одном и том же смысле во всем тексте исследования.

Методы исследования

При наблюдении за работой различных научных конференций выявлено весьма существенное разнообразие применения терминов «правовое регулирование» и «регулирование правоотношений».

Для формирования выборки публикаций, содержащих упоминания о правовом регулировании и регулировании правоотношений, использован метод контент-анализа.

С помощью сравнительного анализа признаков, составляющих содержание дефиниций, определены свойства явлений, которые получили обозначение терминами «правовое регулирование» и «регулирование правоотношений».

Системно-функциональным методом установлены свойства изучаемых явлений, которые систематизированы в четыре самостоятельных подхода к пониманию правового регулирования и регулирования правоотношений.

С опорой на лингвистический метод предложено разграничение сфер употребления терминов «правовое регулирование» и «регулирование правоотношений».

Основное исследование

Применительно к употреблению термина «правовое регулирование» мы выявили как минимум четыре самостоятельных подхода:

- функциональный: правовое регулирование как форма реализации регулятивной и охранительной функций права [10, с. 27, 83–96];
- узкокибернетический: как разновидность движения управленческой правовой информации от ее генераторов рецепторам-адресатам [11, с. 12];
- властнодеятельностный: как деятельность управомоченного лица по упорядочению общественных отношений юридическими средствами [6, с. 5];
- содержательно-отраслевой: как содержание форм права, систематизированного по отраслевому критерию [3, с. 12–13].

Обоснование терминологических решений представлено в нашей более ранней работе «Правовое регулирование: проблемы понимания» [5]. При этом за каждым из подходов практикой словоупотребления закреплены свои области применения. Несложно заметить, что явления, обозначаемые термином «правовое регулирование», так сильно различаются по своим свойствам, что их смешение в одном тексте делает его практически недоступным для понимания.

Причина этого в том, что явления, обозначаемые данным термином, часто не могут существовать одновременно. Например, правовое регулирование как содержание отраслей права возникает в юридической реальности только после того, как прекращает свое существование правовое регулирование в качестве властной деятельности по созданию соответствующих правовых предписаний. Заметим, что время начала существования правового регулирования как содержания отраслей права может не совпадать с возникновением правового регулирования как формы реализации функций права. Наиболее отчетливо это видно на примерах норм права, которые созданы и опубликованы (доведены до сведения адресатов), но еще не подлежат реализации. В связи с этим часто весьма сложно понять, какой смысл автор вложил в данный термин.

Аналогичную ситуацию можно наблюдать при использовании термина «регулирование правоотношений». Воспользовавшись ресурсом «Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU» (6 ноября 2025 года), по запросу «Регулирование правоотношений» без ограничения по другим поисковым опциям и отметкой опции «- искать с учетом морфологии» мы обнаружили список из 115 130 проиндексированных публикаций. Это весьма внушительное и трудно обрабатываемое количество публикаций, которое говорит о значительной распространенности термина «регулирование правоотношений». Ограничив тематику поиска рубрикой «Государство и право. Юридические науки», а опцию «Где искать» — только ключевыми словами, мы получили выборку из 187 публикаций. Попытка несколько обобщить подходы, используемые авторами для определения регулирования правоотношений как самостоятельного юридического явления, демонстрирует использование термина «регулирование правоотношений» точно в таких же значениях, которые ранее были выявлены для термина «правовое регулирование».

Таким образом, мы имеем ситуацию, в которой существуют два термина, наполняемые авторами как минимум четырьмя существенно различными значениями. Кроме того, в одних и тех же работах оба термина часто синонимичны. Мы считаем, что такая ситуация крайне нежелательна, так как она препятствует осмыслению дискурса. Последний, вероятно, возможен только в рамках отдельных научных школ, сформировавших традицию словоупотребления. Но в условиях международных или всероссийских конференций ожидать достижения существенного научного результата, когда все участники понимают суть авторского решения научной проблемы, по нашему мнению, не стоит.

Если попытаться следовать принципу однозначности юридической терминологии, то, на наш взгляд, наиболее корректно обозначать терминами «правовое регулирование» и «регулирование правоотношений» следующие явления.

Правовое регулирование представляет собой форму реализации регулятивной и охранительной функций позитивного права. В этом смысле его удобно разграничивать с регулированием правоотношений, под которым мы полагаем адекватным понимать деятельность властного субъекта по созданию правовых средств (последние используем в понимании С. С. Алексеева [2, с. 151])

и наделению их соответствующей юридической силой, обеспечивающей возникновение, изменение или прекращение правового регулирования.

Наши доводы в этом случае сугубо лингвистические. Прилагательное «правовое» означает свойство, присущее явлениям, производным от слова «право». Существительное «регулирование» обозначает процесс, действие. Однако в русском языке действия принято обозначать глаголами. Глагол «регулировать» происходит от латинского *regulare* — приводить в порядок [4, с. 1111]. Синтез указанных значений в рамках лингвистического метода дает понятие «приведение в порядок правом, правовыми средствами». Но данное понятие можно наполнять как минимум двояким функциональным смыслом. В первом случае право в целом, а также отдельные правовые средства функционируют сами (функциональный подход к пониманию правового регулирования), во втором — действует управомоченный субъект, а право и правовые средства представляют собой инструменты для функционирования данного субъекта (властнодеятельностный подход к пониманию правового регулирования).

Если провести семантический анализ понятия «регулирование правоотношений», то мы получаем приведение в порядок именно правоотношений, то есть общественных отношений, ранее получивших правовое оформление пусть даже правовыми обычаями или хотя бы подлежащих такому регулированию в силу правовых принципов [7, с. 196–247].

Таким образом, у нас есть возможность удобно разграничить языковые сферы использования терминов. Регулированием правоотношений мы предлагаем обозначать деятельность управомоченного правосубъектного лица по созданию правовых средств, приданию им юридической силы, ее изменению или прекращению, а правовым регулированием — само осуществление правом, правовыми средствами регулятивной и охранительной функций.

Выгода такого разграничения в том, что предлагаемый подход способен ограничить волюнтаризм в научном мышлении, не позволяя создавать ситуации понятийной неопределенности.

При таком подходе ясно видно, что оба эти явления применительно к одним и тем же общественным отношениям никогда не будут существовать вместе. Правовое регулирование в юридической реальности возникает только тогда, когда регулирование правоотношений уже завершено, а соответствующие правовые средства сформированы, введены в действие либо последнее изменено или прекращено.

В данном случае регулирование правоотношений вполне может существовать в форме деятельности управомоченного лица (или лиц) по созданию новых, отмене или изменению как действующих правовых норм — предписаний (правотворчество в традиционном понимании для советской и российской юридической науки), так и индивидуальных правовых предписаний.

Кратко затронем проблему, как термины «правовое регулирование» и «регулирование правоотношений» определяют само содержание позитивного права (содержательно-отраслевой подход). Иногда указанными терминами

обозначают массив предписаний нормативного или индивидуального адресования. В самом общем виде это право в позитивистском понимании. В данном случае мы полагаем возможным оставить без существенного рассмотрения проблему обоснованности включения в объем понятия «право» индивидуальных правовых предписаний. Это также дело терминологического консенсуса.

Рассматриваемая проблема состоит в неопределенности, существующей по вопросу целесообразности использования терминов «правовое регулирование» и «регулирование правоотношений» для обозначения самого массива правовых предписаний. В дальнейшем для упрощения рассуждений будем говорить лишь о праве.

Сформулируем тезис решения указанной проблемы: нецелесообразно обозначать терминами «правовое регулирование» и «регулирование правоотношений» массив правовых предписаний.

Причин этому несколько. Во-первых, за указанными явлениями в науке прочно закреплены иные термины: система права, система законодательства (в последнем случае удачнее, на наш взгляд, термин «система форм права», но практика словоупотребления сформирована), система правовых предписаний и некоторые другие. Употребляя последние как синонимы наряду с терминами «правовое регулирование» и «регулирование правоотношений», исследователи юридической реальности без очевидной необходимости создают большую неопределенность, путаницу смыслов, особенно в тех случаях, когда избегают снабжать свои исследования соответствующими дефинициями.

Во-вторых, при указанном употреблении исследуемых терминов авторы лингвистически усугубляют проблему формы и содержания права как явления. Мы сугубо аксиоматически исходим из того, что право, будучи самостоятельным социальным явлением, существует в единстве содержания и формы. Последнюю в юридической науке часто обозначают термином «источник права». Если брать философское понимание формы как способа существования явления, то применительно к праву его содержанием мы полагаем возможным считать правовое высказывание (в сугубо позитивистском понимании) [11, с. 37, 47, 80.].

Юристы вслед за теологами осуществили действие, которое с явлениями объективной, то есть вещественно-предметной, реальности невозможно. Это умозрительное разделение права как единого явления на его содержание (то есть систему права: правовые высказывания, предписания) и форму (систему законодательства: система форм, носителей содержания). Таким образом, в научной традиции существуют якобы три явления: право, система права и система форм права (система законодательства). Но это не три самостоятельных явления, а одно — право. Если применить аналогию, то в системе религиозного знания похожую ситуацию можно наблюдать в спорах по проблеме Троицы или дискурса монофизитов с диафизитами. Такое разделение форм и содержания стало возможным благодаря тому, что и право, и религия не принадлежат в полной мере ни субъективной, ни объективной реальности. Они интерсубъективны, так как существуют в субъективном сознании коллективов. Упоминание

об интересубъективной природе права встречается в монографии Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило, А. А. Дорской «Смена технологических укладов и правовое развитие России» [9]. По поводу интересубъективной природы права авторы указывают: «С позиций современной постнеклассической теории права одним из важных свойств права является его интересубъективность. Право можно рассматривать как диалог, и в этом случае оно создается и существует за счет взаимодействия людей, их взаимопонимания и согласия на существование обязательных, признаваемых норм» [9, с. 18]. Однако понимание права именно как диалога характерно только для тех политико-правовых систем, в которых существует демократический режим в современном смысле. Для более широкого и оправданного с исторической точки зрения понимания интересубъективности права необходимо как минимум скорректировать понимание права как диалога, взаимопонимания и согласия. Если посмотреть даже на сравнительно недавнюю историю, то легко заметить, что при таком понимании права к нему нельзя отнести, например, указ Екатерины II «О бытїи помѣщичьимъ людямъ и крестьянамъ въ повиновенїи и послушанїи у своихъ помѣщиковъ, и о неподаванїи челобитень въ собственныя Ея Величества руки» (22 августа 1767 года). Если положения этого акта считать примером оформления диалога, то весьма одностороннего. Вообще сложно назвать диалогом коммуникативную ситуацию, в которой властный субъект в принципе не слышит мнения подвластных. Это скорее монолог. Но ведь именно такая ситуация существовала на протяжении большей части истории государств и их правовых систем. Из сказанного следует, что разработка общей и фактически обоснованной интересубъективной концепции позитивного права может стать делом будущего юридической науки.

Осуществляя упомянутый выше весьма произвольный «разрыв» права как единого явления на его содержание и форму, юристы начали изучать содержательные и формальные свойства права отдельно, выявляя специфические содержательные и формальные закономерности. В этом мы усматриваем существенное методологическое значение данного подхода. Однако, кроме проблемы утраты понимания права как единого явления, исследователи получили проблему смешения смыслов, вкладываемых в термины «правовое регулирование» и «регулирование правоотношений». Если мы раздельно изучаем системы права и законодательства, то какими терминами (правовое регулирование, регулирование правоотношений, другое определение) следует обозначать соответствующие аспекты данных систем?

Вероятно, мы имеем ситуацию, для обозначения которой можно предложить термин «лабиринт юридических искажений». Выход из нее может быть найден путем возвращения к классическим методологическим основам понимания реальности, но с учетом самостоятельности интересубъективной реальности.

Таким образом, будущее развитие юридической науки, возможно, пойдет по пути создания целостной интересубъективной теории юридической реальности, упоминание которой можно встретить в современных научных работах.

Результаты исследования

Принимая во внимание вышеизложенное, сформулируем некоторые выводы и рекомендации.

Вывод первый: термином «регулирование правоотношений» удобнее всего обозначать деятельность правосубъектного лица по созданию правовых средств, введению их в действие (наделение юридической силой) либо изменению или прекращению такого действия.

Вывод второй: термином «правовое регулирование» целесообразно обозначать само функционирование права, правовых средств, то есть осуществление ими собственных регулятивной или охранительной функций.

Вывод третий: термины «правовое регулирование» и «регулирование правоотношений» нецелесообразно использовать для обозначения массива правовых предписаний.

Рекомендация первая: в научных работах авторам для прояснения сути сказанного и предотвращения самозапутывания в лабиринте юридических искажений следует формулировать определения изучаемых явлений непосредственно или в виде ссылок.

Рекомендация вторая: методологический подход искусственного раздельного рассмотрения содержаний и форм юридических явлений (как права, так и других) следует применять очень осмотрительно, постоянно проверяя себя на возможное нарушение принципа единства формы и содержания явления.

Рекомендация третья: в научных работах желательно избегать использования терминов, словосочетаний и суждений, затрудняющих понимание intersубъективной природы права, правовых средств и других явлений юридической реальности.

Список источников

1. Абрамов Р. А., Пашенцев Д. А. Развитие цифровой экономики как фактор динамики правового регулирования общественных отношений // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2023. № 4 (52). С 7–14.
2. Алексеев С. С. Теория права. М.: Бек, 1995. 311 с.
3. Аржанов М. А. Предмет и метод правового регулирования в связи с вопросом о системе советского права // Советское государство и право. 1940. № 8-9. С. 12–28.
4. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.
5. Васильев П. В. Правовое регулирование: проблемы понимания // Государство и право. 2022. № 11. С. 79–84.
6. Горшенев В. М. Возрастание роли общественных организаций и коллективов трудящихся в применении норм советского права на современном этапе // Правоведение. 1963. № 1. С. 3–13.
7. Ершов В. В. Регулирование правоотношений. М.: РГУП, 2020. 562 с.
8. Орлов Д. В. Издержки законодательного регулирования на федеральном уровне // Академический юридический журнал. 2025. Т. 26. № 3. С. 435–447.

9. Пашенцев Д. А., Залоило М. В., Дорская А. А. Смена технологических укладов и правовое развитие России. М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2021. 184 с.
10. Радко Т. Н., Толстик В. А. Функции права. Нижний Новгород: Нижегородская высшая школа МВД РФ, 1995. 106 с.
11. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 320 с.

References

1. Abramov R. A., Pashentsev D. A. Razvitiye tsifrovoy ekonomiki kak faktor dinamiki pravovogo regulirovaniya obshchestvennykh otnosheniy // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskiye nauki». 2023. № 4 (52). S. 7–14.
2. Alekseyev S. S. Teoriya prava. M.: Bek. 1995. 311 s.
3. Arzhanov M. A. Predmet i metod pravovogo regulirovaniya v svyazi s voprosom o sisteme sovetskogo prava // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. 1940. № 8-9. S. 12–28.
4. Bolshoy tolkovy slovar russkogo yazyka / sost. i gl. red. S. A. Kuznetsov. SPb.: Norint, 1998. 1534 s.
5. Vasilyev P. V. Pravovoye regulirovaniye: problemy ponimaniya // Gosudarstvo i pravo. 2022. № 11. S. 79–84.
6. Gorshenev V. M. Vozrastaniye roli obshchestvennykh organizatsiy i kollektivov trudyashchikhsya v primenenii norm sovetskogo prava na sovremennom etape // Pravovedeniye. 1963. № 1. S. 3–13.
7. Ershov V. V. Regulirovaniye pravoотношений. M.: RGUP. 2020. 562 s.
8. Orlov D. V. Izderzhki zakonodatel'nogo regulirovaniya na federalnom urovne // Akademicheskiy yuridicheskiy zhurnal. 2025. T. 26. № 3. S. 435–447.
9. Pashentsev D. A., Zaloilo M. V., Dorskaya A. A. Smena tekhnologicheskikh ukladov i pravovoye razvitiye Rossii: monografiya. M.: IZiSP: Norma: INFRA-M. 2021. 184 s.
10. Radko T. N., Tolstik V. A. Funktsii prava. Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskaya vysshaya shkola MVD RF. 1995. 106 s.
11. Cherdantsev A. F. Logiko-yazykovyye fenomeny v yurisprudentsii: monografiya. M.: Norma: INFRA-M. 2012. 320 s.

Статья поступила в редакцию: 15.01.2026;
одобрена после рецензирования: 15.02.2026;
принята к публикации: 05.03.2026.

The article was submitted: 15.01.2026;
approved after reviewing: 15.02.2026;
accepted for publication: 05.03.2026.

УДК 340.15

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-262-16-23

М. А. Гусарова

Российский университет спорта «ГЦОЛИФК»,
Москва, Российская Федерация,
gusarovathebest@mail.ru

**ИСТОКИ РУССКОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ
В ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ
И РАННЕМ РУССКОМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

Аннотация. В статье рассматривается становление особенностей русского правосознания на заре российской государственности. Проанализированы факторы, стимулировавшие сращение нововведений, связанных с рецепцией византийских норм, и народных обычаев и идеологием восточнославянских племен в Древней Руси и раннем русском Средневековье. На основе анализа церковно-светских источников права, литературы, устного народного творчества и философов рассматриваемого периода делается вывод о формировании инвариантных основ русского правосознания, коррелирующих с ментальностью русского народа и оформленных в систему посредством христианской идеологии. Среди них: патриотизм, почтение к традициям и братству, коллективистские и патерналистские установки правосознания, отождествление права с властью и государством, обобщенный образ воина-защитника Родины и иные. Эти феномены сохранились в недрах отечественной правовой культуры, обеспечивая ее воспроизводство и развитие.

Ключевые слова: правосознание; правовая культура; русское правосознание; Российское государство; христианство; византизм; патернализм; коллективизм; этатизм.

UDC 340.15

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-262-16-23

М. А. Gusarova

The Russian University of Sport «GTSOLIFK»,
Moscow, Russian Federation,
gusarovathebest@mail.ru

**THE ORIGINS OF RUSSIAN LEGAL CONSCIOUSNESS
IN THE LEGAL CULTURE OF ANCIENT RUS'
AND THE EARLY RUSSIAN MIDDLE AGES**

Abstract. The article examines the formation of the features of Russian legal consciousness at the dawn of Russian statehood. The factors that stimulated the fusion of innovations related to the reception of Byzantine norms and folk customs and ideologies of East Slavic tribes in Ancient Russia and the early Russian Middle Ages are analyzed. Russian Russian

legal consciousness Based on the analysis of ecclesiastical and secular sources of law, literature, oral folk art, and philosophemes of the period under review, a conclusion is drawn about the formation of invariant foundations of Russian legal consciousness, correlating with the mentality of the Russian people and shaped into a system through Christian ideology. Among them: patriotism, respect for traditions and brotherhood, collectivist and paternalistic attitudes of legal consciousness, identification of law with power and the state, generalized image of a warrior defender of the Motherland and others. These phenomena have been preserved in the depths of the national legal culture, ensuring its reproduction and development.

Keywords: legal consciousness; legal culture; Russian legal consciousness; Russian state; Christianity; Byzantinism; paternalism; collectivism; statism.

Введение

В современных российских социокультурных и политико-правовых реалиях, когда остро стоит проблема укрепления государственности, повышения уровня общественной солидарности как способов обеспечения внешнего и внутреннего суверенитета, обращение к истокам формирования отечественного правосознания является весьма актуальным. Поскольку воспроизводство правовой культуры возможно преимущественно за счет элементов, находящихся в ее ядре, именно правосознание как центральный элемент правовой культуры обеспечивает гармонизацию процесса преемственности традиций из поколения в поколение, а также поддержку инноваций в областях, прямо или косвенно связанных с правом. Особенность правосознания состоит в том, что оно опосредует сферы общественного сознания, формируется под влиянием государственно-политических, социальных, экономических, культурных факторов и в этом смысле может считаться метаюридическим феноменом, требующим междисциплинарного подхода [6].

Сразу оговорим: на протяжении всего периода существования Российского государства отечественное правосознание формировалось под влиянием многообразных факторов, однако поскольку в данной статье речь пойдет о раннем периоде Российского государства и права, внимание будет уделено преимущественно христианизации Руси как ключевому фактору. Анализ же так называемого туранского элемента в российской правовой культуре, обоснованного евразийцами, оставим для последующих исследований.

Основное исследование

Итак, ключевым фактором, оказавшим влияние на формирование правосознания нового типа на заре отечественной государственности, явилось крещение Руси и длительный процесс христианизации общества, охвативший все сферы, включая правовую жизнь. Этот процесс происходил в условиях разложения первобытнообщинной формации и начала феодальной, минуя рабовладельческий строй. К моменту принятия христианства Русь уже была сложившимся

сильным государством в Восточной Европе, а восточные славяне уже вполне обособились от западных и южных славян, составив этнос со своей культурой и вектором развития. Поэтому к IX–X вв. «молодое русское государство уже имело два важных слагаемых — феодальные отношения и государство... Однако государственной идеологии как системы не было» [2, с. 8–10]. Как известно, до принятия христианства князь Владимир Святославович предпринимал попытку унификации пантеона славянских богов в надежде на построение единой общеславянской идеологии, однако данная реформа не принесла желаемого результата. Философ, историк и этнограф Л. Н. Гумилев отмечал, что политике крестившегося князя Владимира Святославовича препятствовала конкурирующая киевская партия во главе с языческой знатью, поэтому выбор веры был не просто решением в пользу более «удачной» религии, но прежде всего ответом на проблему противостояния сил и интенций, поиском веры, коррелирующей с обычаями и традициями этноса. Так, по мнению Гумилева, на фоне роста пассионарности славянско-русского этноса, его стремления к государственности, освоению новых земель, культурному развитию при сохранении основ ментальности именно христианство в его восточной версии отвечало потребностям растущего государства [3, с. 55–57]. И. Н. Экономцев также пишет о стоявшей перед славянско-русским этносом проблеме самоопределения, выбора между Востоком и Западом как движущем факторе принятия именно восточного христианства и византизма как образца государственности [12, с. 46–47]. Нельзя не заметить, что данная пассионарная интенция, опознающаяся в перманентном поиске своего пути развития, амбивалентности традиций и инноваций, споре между западниками и славянофилами сохраняется и в наши дни.

Как отмечается в исследованиях проблемы византийского влияния на русскую культуру, «православие, начавшее обособляться в христианстве в X в. и ставшее в XI в. уже исторической реальностью, явилось фактором культурного единения Киевской Руси с Византией и с другими странами той же религиозной ориентации (Болгария, Сербия), а также испытывавшими влияние византийской культуры» [2, с. 19].

Отечественный историк и антрополог В. П. Алексеев среди факторов, обусловивших политико-правовую реальность, в данный период выделяет вечевой уклад, который играл роль «махового колеса в политическом строе Древней Руси» [1, с. 4]. Деятельность веча, по словам этого автора, «обнимала законодательство, суд, администрацию и международные отношения, вечу принадлежала власть законодательная и исполнительная» [1, с. 62]. Вечевой порядок был проявлением свободы и равенства, однако с приходом татар на юге Руси этот институт постепенно сходит на нет, трансформировавшись в другой институт — Земский собор, имеющий в своей основе уже более высокую с точки зрения государственности форму социальной коммуникации — народное представительство.

Отечественный историк И. М. Собестианский на основании исследования памятников права у славянских народов отмечал, что у всех славян присутствовал

и эффективно функционировал институт круговой поруки — коллективной ответственности родовых союзов. Ученый писал, что в Русской Правде упоминается о солидарной ответственности вервей, которые «старее самой княжеской власти и вовсе не были учреждены князьями для уплаты вир и исполнения известных полицейских обязанностей» [10, с. 220]. С появлением государства и приходом христианства институт круговой поруки трансформировался и обрел духовное значение в идеалах братства и взаимопомощи.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о византийском влиянии на русское сознание в целом и правовое сознание в частности. Так, К. Н. Леонтьев отмечал, что византийская культура, пришедшая вместе с крещением Руси, принесла в российское сознание комплекс идей в четырех основных областях жизни: религиозной, государственно-политической, нравственно-философской и художественно-эстетической. В религиозной сфере византизм отразился в христианстве восточного направления, в государственно-политической — в идее самодержавия и кесаризма. В нравственной философии византийское влияние опознавалось в идеализации духовной культуры, ориентации на поиск нравственного идеала, приоритете вечного над временным. В художественно-эстетическое сознание византизм принес стили, воплощающие небесную красоту в земных вещах [8, с. 144–145]. Византизм затронул и правовую систему Руси. Элементы византийского права, попав на благодатную почву молодого развивающегося русского государства, дали свои плоды в скором времени. Отвлеченная юридическая идея, по словам Леонтьева, «обрела себе плоть и кровь в царских родах, священных для народа. Родовое монархическое чувство, этот великорусский легитимизм, был сперва обращен на дом Рюрика, а потом на дом Романовых. Родовое чувство... нашло себе главное выражение в монархизме... приняло государственное направление» [8, с. 159]. Нетрудно заметить, что данный феномен, раскрывшийся в патернализме, этатизме и связанном с ними патриотизме, является сильной политико-правовой идеологемой и в настоящее время. И даже с приходом власти Советов, при смене исторических условий, данная идеологема сохранила себя в российской правовой ментальности в качестве инвариантного элемента правовой культуры.

Что касается института церкви на раннем этапе формирования отечественного государства, то она «являлась частью феодального строя, обладая значительной экономической силой, собственными сферами юрисдикции и права» [11, с. 3], осуществляла ряд важнейших функций во внутригосударственной жизни — распространение просвещения и образования, идеологической поддержки власти. Во внешней политике Киевская митрополия способствовала росту дипломатических связей между Русью, Византией и иными христианскими и нехристианскими государствами. Первые сборники церковно-юридических норм — «Кормчие книги» («Кормчие списки»), составленные на Руси в XI–XII вв., — содержали переработанные и адаптированные к отечественным реалиям нормы византийского права. Н. В. Калачов в своих исследованиях отмечал социокультурную значимость «Кормчих книг» для формирования

системы русского права и правовой культуры данного периода и подчеркивал динамичность их содержания в зависимости от территориальных и политико-правовых условий [7]. Помимо норм византийского права, «Кормчие книги» включали и аскетико-мистические философские произведения, правила Вселенских и поместных соборов, символ веры (образ веры), регламентируя церковную и светскую жизнь. В их состав также входили некоторые княжеские нормы относительно церкви и духовенства, административной, правовой и просветительской деятельности, ценности и нормы брачных и семейных отношений, в частности моногамного брака, индивидуальной семьи и христианских идеалов в брачно-семейной жизни. Но, пожалуй, самым важным социальным моментом можно считать, что в «Кормчих книгах» были артикулированы антисоциальные поступки, подлежащие судебному наказанию и общественному порицанию. Нормы этих книг частично вошли в состав кодифицированных актов: «Закона Судного людям» и «Правды Ярославичей», — а также использовались самостоятельно вплоть до XVII в., например в некоторых аспектах гражданского и уголовного законодательства в случаях отсутствия регулирующих норм позитивного права или дополнения к ним. Таким образом, в исторических условиях, когда разделение между светской и церковной властью еще не было четким и иерархичным, имели большой вес догосударственные организации, такие как общины и большие родовые семьи, был силен вечевого уклад, закладывался фундамент русского правосознания.

Еще одной сферой культуры, посредством изучения которой можно отследить живой процесс формирования российского правосознания, является литература. В ранний период российской государственности литература, включавшая различные жанры (летопись, слово, поучение, плач, беседа, послание и др.), отображала представления об обществе и его институтах, государстве и праве. Анализ литературного творчества Киевской и Московской Руси свидетельствует о доминировании религиозно-этических ценностей общественной жизни, коллективистских установок в вопросах ответственности народа и власти за мир и порядок в обществе и государстве; апелляциях к идеалу правды и справедливости в качестве естественно-правовых начал отечественного законодательства; патерналистских установках и идеалах любви народа к Отечеству [5]. И конечно, главным проводником этих идей было христианство с его идеей линейного развертывания мировой истории, перспективой царства Божьего, победой сил Света над силами тьмы. В первых философско-правовых трудах (например, в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона) крещение Руси рассматривалось как судьбоносное, поворотное в истории нашего государства событие, а христианская вера — как путь к духовному возрождению и единству русского народа.

Примат коллективистских начал над индивидуалистскими, опосредованный византийским идеалом, также проявил себя в том, что в литературе (преимущественно в летописях) периода XI–XVII вв. и обычные люди, и государи представляются с точки зрения безусловных, абсолютных добродетелей.

Д. С. Лихачев справедливо отмечал, что искусство феодализма на Руси в центр внимания помещает человека не самого по себе, а как представителя какой-либо страты с соответствующими ей качествами: «Князь оценивается по его “княжеским” качествам, монах — “монашеским”, горожанин — как подданный или вассал» [9, с. 45]. Иными словами, в литературе Древней и средневековой Руси формируются представления о чести и достоинстве (в сословном ракурсе), которые были закреплены в нормативных актах. Как известно, в «Правде Ярославичей» поругание чести представителей разных сословий наказывалось по-разному. Кроме того, как отмечает Лихачев, в литературе данного периода отражается светлый образ русского правителя и его дружины. Главная обязанность и добродетель князя, по мнению ученого, состояла в том, чтобы быть заступником народа от внешних врагов и блюсти справедливость внутри страны. Особенно значимым качеством считалась «совещательность» князя, который должен быть «думать думу с дружиной, совещаться с народом» [9, с. 79–83]. Главная же добродетель вассала состояла в сохранении верности князю. В летописях XI–XIII вв. идеал правителя был неотделим от идей патриотизма: добрый князь всегда готов встать за Отчизну, выступить против недругов, «мстить обиды», при этом патриотизм «был не просто долгом, но и убеждением тех русских князей, образы которых рисовали летописцы положительными чертами» [9, с. 88]. Что касается княжеской чести и славы, то она, по словам ученого, определялась по роду: если дед был славен, то и отец, если отец — то и сын. Эта значимость родовой политики, чести, традиции рода осознавались и хранились самими правителями земли Русской. Народное же признание князь мог заслужить только своими делами.

Что касается устного народного творчества: мифов, былин, сказок, преданий, возникших в догосударственный период отечественной истории, — то влияние на них византизма также привело к внешним метаморфозам без изменения базовых культурных идеологем. Речь идет об обобщенном образе воина-драконоборца, идее дружбы, братства и взаимопомощи, святости связи поколений между собой, символике цвета, которые с принятием христианства трансформировались в идею святости рода и связи поколений, христианские идеалы единства народа и светлый образ правителя [4].

Результаты исследования

Подытоживая сказанное, отметим, что X в. в русской культуре можно, используя терминологию К. Ясперса, назвать осевым временем, поскольку принятие христианства на Руси в его восточной направленности стало именно тем интегративным и коммуникативным фактором, благодаря которому политические, культурные и экономические связи Киевской Руси стали еще более прочными и отечественное государство сделало смелые шаги к централизации. Благодаря христианству и византизму как культурной модели российское государство обрело собственную правовую идеологию, включающую

синхронизированный образ права и морали, любовь к Отечеству, почтение к власти и значимость традиций, передающихся из поколения в поколение. Философско-правовые идеалы приоритета вечного над временным, общего блага над частными интересами, в том числе и в правовой жизни, прочно внедрились в российское правосознание в качестве инвариантных элементов. Как показал опыт, благодаря этим объединяющим идеям Российское государство не только противостояло внешним угрозам, но и сохраняло, несмотря на изменяющиеся исторические условия, внутренний суверенитет.

Список источников

1. Алексеев В. П. Народовластие в Древней Руси // Народ, обычай и власть у древних славян / сост. С. Э. Ермаков. М.: Вече, 2024. С. 3–82.
2. Введение христианства на Руси / отв. ред. А. Д. Сухов. М.: Мысль, 1987. 302 с.
3. Гумилев Л. Н. От Руси к России. М.: РГ-Пресс, 2024. 320 с.
4. Гусарова М. А. К вопросу о мифологических истоках образов права и власти в отечественной правовой культуре // Философия права. 2025. № 2 (113). С. 17–23.
5. Гусарова М. А. Образ права и власти как отражение правовой культуры в литературном наследии XI–XVII вв. / М. А. Гусарова, Н. П. Кисенко // Общество: философия, история, культура. 2023. № 12 (116). С. 30–36.
6. Гусарова М. А. Правосознание как социокультурный феномен. Майкоп: Магарин О. Г., 2017. 196 с.
7. Калачов Н. В. О значении Кормчей в системе древнего русского права. М.: Университетская тип., 1850. 212 с. (репринт. изд., 2025).
8. Леонтьев К. Н. Византизм и славянство: сб. ст. М.: АСТ; Хранитель, 2007. 571 с.
9. Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М.: АСТ, 2024. 288 с.
10. Собестианский И. М. Круговая порука у славян по древним памятникам их законодательства // Народ, обычай и власть у древних славян / сост. С. Э. Ермаков. М.: Вече, 2024. С. 83–285.
11. Щапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М.: Наука, 1978. 291 с.
12. Экономцев И. Н. (игумен Высокопетровского муж. мон. Иоанн) Православие. Византия. Россия: сб. ст. М.: Христианская литература. 1992. 230 с.

References

1. Alekseev V. P. Narodovlastie v Drevney Rusi // Narod, obichay i vlast' u drevnikh slavyan / sost. S. E. Ermakov. M.: Veche, 2024. 228 s.
2. Vvedenie khristianstva na Rusi / отв. red. A. D. Sukhov. M.: Misl, 1987. 302 s.
3. Gumilyov L. N. Ot Rusi k Rossii. M.: RG-Press, 2025. 320 s.
4. Gusarova M. A. K voprosu o mifologicheskikh istokakh obrazov prava i vlasti v otechestvennoj pravovoy kulture // Filosofiya prava. 2025. No. 2 (113). S. 17–23.
5. Gusarova M. A. Obraz prava i vlasti kak otrazhenie pravovoy kultury` v literaturnom nasledii XI–XVII vv. / M. A. Gusarova, N. P. Kisenko // Obshhestvo: filosofiya, istoriya, kultura. 2023. No. 12 (116). S. 30–36.
6. Gusarova M. A. Pravosoznanie kak sotsiokulturny fenomen. Majkop: Magarin O. G., 2017. 196 s.

7. Kalachov N. V. O znachenii Kormchey v sisteme drevnego russkogo prava. M.: Universitetskaya tip., 1850. 212 s. (reprint. izd., 2025).
8. Leontiev K. N. Vizantizm i slavyanstvo: sb. st. M.: AST; Khranitel, 2007. 571 s.
9. Likhachev D. S. Chelovek v literature Drevney Rusi. M.: AST, 2024. 288 s.
10. Sobestiansky I. M. Krugovaya poruka u slavyan po drevnim pamyatnikam ikh zakonodatelstva // Narod, obichay i vlast' u drevnikh slavyan / sost. S. E. Ermakov. M.: Veche, 2024. S. 83–285.
11. Shchapov Ya. N. Vizantiyskoe i yuzhnoslavyanskoe pravovoe nasledie na Rusi v XI–XIII vv. M.: Nauka, 1978. 291 s.
12. Ekonomtsev I. N. (igumen Visokopetrovskogo muzh. mon. Ioann) Pravoslavie. Vizantiya. Rossiya: sb. st. M.: Khristianskaya literatura. 1992. 230 s.

Статья поступила в редакцию: 15.01.2026;
одобрена после рецензирования: 15.02.2026;
принята к публикации: 05.03.2026.

The article was submitted: 15.01.2026;
approved after reviewing: 15.02.2026;
accepted for publication: 05.03.2026.

УДК 34.02, 347.97/.99, 343.17

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-262-24-38

А. А. Дорская

Северо-Западный филиал
Российского государственного университета
правосудия им. В. М. Лебедева,
Санкт-Петербург, Российская Федерация,
adorskaya@yandex.ru

А. Ю. Дорский

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация,
dorski@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. В статье проводится ретроспективный анализ развития принципа единства судебной системы в России с XVIII в. до настоящего времени. Предлагается периодизация и характеристика основных этапов развития принципа единства судебной системы на доктринальном и институциональном уровнях, начиная с судебной реформы Петра I и до наших дней. Раскрываются признаки единства судебной системы, выделяемые на современном этапе, рассматриваются два различных подхода к достижению единства судебной системы: создание единой федеральной судебной системы во главе с Верховным судом Российской Федерации и отказ от объединения структурных составляющих под руководством управляющего центра и переход к выработке новых подходов, основанных на профессионализме судей и нормах судейской этики.

Ключевые слова: судебная система; судебная ветвь власти; единство; судебная реформа; судоустройство; судопроизводство; доктрина; правоприменение; Верховный суд.

UDC 34.02, 347.97/.99, 343.17

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-262-24-38

A. A. Dorskaya

North-West branch of the Lebedev
Russian State University of Justice,
Saint Petersburg, Russian Federation,
adorskaya@yandex.ru

A. Yu. Dorsky

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russian Federation,
dorski@yandex.ru

THE ISSUE OF THE JUDICIAL SYSTEM UNITY IN RUSSIA: HISTORY AND MODERNITY

Abstract. The article provides a retrospective analysis of the development of the principle of the unity of the judicial system in Russia from the XVIII century to the present. A periodization and characterization of the main stages of the development of the principle of the unity of the judicial system at the doctrinal and institutional levels, starting with the judicial reform of Peter the Great and up to the present day, is proposed. The signs of the unity of the judicial system identified at the present stage are revealed, two different approaches to achieving the unity of the judicial system are considered — the creation of a unified federal judicial system headed by the Supreme Court of the Russian Federation and the rejection of combining structural components under the leadership of the governing center and the transition to the development of new approaches based on the professionalism of judges and the norms of judicial ethics.

Keywords: judicial system; judicial branch; unity; judicial reform; judicial organization; judicial proceedings; doctrine; law enforcement; Supreme Court.

Введение

Принцип единства судебной системы считается одним из важнейших условий формирования и существования судебной ветви власти. С одной стороны, он имеет организационно-правовое значение: благодаря его реализации обеспечивается разграничение компетенции между различными судами, устанавливается их иерархия. С другой стороны, он позволяет добиться формального равенства всех перед судом, способствует формированию единой судебной практики, то есть отражает сущностные характеристики правосудия.

При этом ни в одну эпоху не было дано его нормативного правового определения. Даже термин «единство» понимается по-разному: через такие системные категории, как целостность, интегративность, организованность, неразрывная взаимосвязь [33, с. 170].

Для России проблема единства судебной системы во все эпохи остро стояла на повестке дня. С крещением Руси возник дуализм светских и церковных судебных органов, постепенно к этому добавилось сословное деление судов, затем появились специализированные суды, в частности торговые. В советский период были периоды, когда суд по уголовным делам массово заменялся внесудебными способами рассмотрения дел и т. д.

На современном этапе вопрос о реализации принципа единства судебной системы не потерял своей актуальности. Напротив, поэтапность современной судебной реформы, начавшейся в 1991 г., имеет несомненные плюсы с точки зрения продуманности каждого последующего шага, но, с другой стороны, иногда способствует разрушению целостности судебной системы, что порождает массу дискуссий.

Целью исследования является ретроспективный анализ развития принципа единства судебной системы в России с XVIII в. до настоящего времени, а также составление периодизации.

Степень научной разработанности темы

К вопросу о единстве судебной системы обращались и обращаются специалисты в разных областях юриспруденции.

Теоретики права в своих исследованиях показывают, что единство является свойством судебной власти [33], раскрывают содержание принципа единства судебной системы [12], а также определяют возможности его реализации на практике, выделяя формальный и неформальный моменты [3].

В историко-правовых работах, как правило, рассматривается значение принципа единства судебной системы в ходе подготовки и реализации судебных реформ, проводимых в России в разные эпохи [2; 35]; отношение к данному принципу выдающихся судебных деятелей [28], его роль в поддержании государственного единства страны [23], а также не раз доказанное ходом истории отрицательное влияние выделения судебных органов исключительно для проведения процессов по политическим делам [15].

Важное место проблема единства судебной системы России занимает в исследованиях конституционалистов, посвященных как конституционно-правовым основам закрепления данного принципа, так и гарантиям его реализации [26; 36], вопросам значимости развития конституционного правосудия в этом процессе [10].

Огромное внимание на современном этапе уделяется условиям реализации принципа единства судебной системы (закрепление и реальное действие принципа равенства всех перед судом [21], повышение роли постановлений Пленума Верховного суда Российской Федерации [20], унификация судебных актов [29], совершенствование органов судейского сообщества [8] и т. д.), а также позитивным следствиям его применения в теории и практике, в частности единообразие судебной практики [7]).

Однако, несмотря на огромное количество научных работ, затрагивающих проблему единства судебной системы России, ретроспективный анализ данной проблемы открывает возможность выявить, почему она относится к разряду вечных, и оценить, какой потенциал имеет предшествующий опыт.

Методы исследования

Работа основана на применении общенаучных методов исследования. Периодизация развития принципа единства судебной системы в России разработана на основе хронологического метода. С помощью описательного метода охарактеризованы основные этапы реализации данного принципа в судостроительстве. Диалектический метод использован для демонстрации различных подходов к проблеме единства судебной системы и их столкновений в период судебных реформ разных эпох. Метод синтеза применяется для рассмотрения путей достижения единства судебной системы, закрепленных в современном законодательстве, а метод анализа — для выявления признаков, позволяющих охарактеризовать судебную систему как единую. Метод индукции позволяет сделать вывод о единстве судебной системы как о сложном, многомерном понятии, которое не может быть сведено к одному признаку, а метод дедукции — раскрыть значение данного принципа для организации судостроительства и функционирования судебной системы. Также в статье применяются специальные методы юридического исследования: формально-юридический (содержание норм российского законодательства, регулирующего деятельность органов правосудия); сравнительно-правовой (сопоставление правовых норм разных периодов и точек зрения специалистов-современников); метод правового эксперимента, благодаря которому оцениваются различные подходы к реализации принципа единства судебной системы; метод правового моделирования, позволяющий предложить наиболее эффективную модель с точки зрения исторического опыта.

Основное исследование

До петровского времени говорить о принципе единства судебной системы в России не представлялось возможным, поскольку наряду со светскими судами активно работали церковные суды, к юрисдикции которых относились не только все дела, связанные с жизнедеятельностью церкви и священнослужителей, но и все, что относилось к сфере брачно-семейных отношений [9]. Кроме того, постепенно нарастало сословное неравенство, отразившееся в том числе в судебной сфере. Например, в Соборном уложении 1649 г. глава X называлась «О суде», а глава XI — «Суд о крестьянах»¹.

¹ Соборное Уложение 1649 г. (№ 1) // Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. I (с 1649 по 1825 г.). СПб.: Тип. Собств. е. и. в. канцелярии, 1830.

Специалисты считают, что начало развитию принципа единства судебной системы положил Петр I. Так, Д. О. Серов называл важнейшей новеллой судебной реформы, начавшейся в 1719 г., учреждение в России системы судов общей юрисдикции, а также 13 специализированных судебных органов (городские, военные, церковные суды и т. д.). Однако они просуществовали менее 10 лет и были возрождены только в ходе Судебной реформы 1864 г. [31, с. 448, 450, 452]. Несмотря на то что попытка провозглашения принципа единства судебной системы произошла в условиях оформления абсолютной монархии, современные исследователи отмечают, что именно в это время был заложен конституционный потенциал данного принципа, который должен был предопределить развитие судебной ветви власти в дальнейшем [18, с. 19].

Согласно Учреждению для управления губерний 1775 г., на уровне местных судов окончательно была закреплена сословная система²: дворяне, горожане, разночинцы в городах, а также свободные крестьяне судились в разных судебных органах. Суд над крепостными вершили помещики. Параллельно существовали церковные суды для христиан и шариатские для мусульман, военные, сиротские суды, местные суды в национальных районах Российской империи [14, с. 116–144].

Таким образом, говорить о единстве судебной системы не приходилось, хотя современные исследователи отмечают, что с серьезными недостатками, но все-таки определенная целостность судебных органов была выдержана [17, с. 439]. Тем не менее такой подход сохранялся вплоть до издания Судебных уставов от 20 ноября 1864 г., с той лишь разницей, что в 1808 г. была учреждена система коммерческих судов, а 1 января 1810 г., когда был открыт Государственный совет, он стал дополнительной судебной апелляционной инстанцией.

Судебные уставы 1864 г.³ показали, что Российское государство стремится показать себя как правовое. Как отмечает К. П. Краковский, хорошо известный современникам Р. фон Иеринг считал, что суд присяжных означает переход от абсолютизма к правовому государству [18, с. 19].

Однако этому мешал целый ряд обстоятельств, среди которых можно отметить: сохранение абсолютной монархии; распространение действия Судебных уставов 1864 г. не на всю территорию Российской империи; существование церковных судов; разрушение системы путем внесения огромного количества поправок в Судебные уставы (за 20 лет — более 700) [25, с. 16].

На современном этапе существует две точки зрения относительно единства судебной системы в пореформенной России.

² Учреждение для управления губерний от 7 ноября 1775 г. (№ 14392) // Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. XX (с 1775 по 1780 г.). СПб.: Тип. Собств. е. и. в. канцелярии, 1830. С. 229.

³ Именной указ, данный Сенату «Об учреждении судебных установлений и о Судебных уставах» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. XXXIX. Отд. II. СПб.: Тип. Собств. е. и. в. канцелярии, 1867. № 41473.

Согласно первой, Судебные уставы 1864 г. провозгласили и позволили реализовать принцип единства судебной системы [16, с. 261; 24]. В качестве аргументации приводится стройная иерархичность судебных органов: уездный съезд мировых судей являлся апелляционной инстанцией для мировых судей; судебные палаты — для окружных судов; кассационные департаменты Сената были единственной кассационной инстанцией, учрежденной для обеспечения единства судебной практики [2, с. 61].

В рамках второй точки зрения отстаивается позиция, что были созданы две судебные системы: общие суды и мировые суды [35, с. 80, 83].

Однако единство судебной системы разрушали скорее не мировые суды (хотя были многочисленные случаи, когда обращающиеся в суд сознательно завышали цену иска, чтобы попасть в коронный суд с профессиональными судьями, а не в мировой суд [18, с. 22]), а волостные суды, которые должны были рассматривать дела крестьян, а также сохранявшиеся церковные суды.

При подготовке Судебной реформы 1864 г. велись ожесточенные споры по вопросу, нужны ли крестьянские суды. Этот вопрос имел огромное значение, так как крестьянское население России составляло более 80 % населения.

Решено было все-таки включить волостные суды в Судебные уставы, но как временные. Сохранившийся семичастный труд Комиссии по преобразованию волостных судов показывает серьезность намерений власти реформировать в дальнейшем крестьянские суды, работавшие на основе норм обычного права [34]. Но постепенно с нарастанием судебной контрреформы направление деятельности сменилось: началось изучение правовых обычаев крестьян разных местностей, прежде всего по вопросам наследования, опеки и землепользования [30]. Выходило огромное количество книг и статей, посвященных обычному праву [4, с. 7]. Правительственные круги настолько поддерживали сохранение крестьянских судов, что в 1880 г. Сенат в решении № 174 признал, что по наследственным делам и опеке местный правовой обычай крестьян может применяться, даже если противоречит закону [19, с. 180].

Еще более сложной в период проведения Судебной реформы 1864 г. оказалась ситуация с церковными судами. После принятия христианства юрисдикция светских и церковных древнерусских судов четко разграничивалась, но синодальная система, введенная в 1721 г., породила многочисленные противоречия.

С одной стороны, более чем за 20 лет до начала Судебной реформы юрисдикция церковных судов была определена. 27 марта 1841 г. был принят Устав духовных консисторий, в котором определялась юрисдикция церковных судов в отношении священнослужителей и светских лиц⁴.

С другой стороны, необходимо было распространить на церковные суды общие принципы Судебной реформы. В период подготовки Судебных уставов

⁴ Высочайше утвержденный Устав Духовных консисторий от 27 марта 1841 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. XVI. Отд. I. СПб.: Тип. Собств. е. и. в. канцелярии, 1842. № 14409. С. 221–263.

этот вопрос не был решен, поэтому в 1865 г. учредили Комитет по выработке судебной реформы под председательством архиепископа Тверского и Кашинского Филофея (Успенского). Он работал недолго, его предложения о переводе ряда дел от церковных в светские суды категорически не понравились Святейшему синоду [27, с. 214–215].

Тогда в 1870 г. под председательством архиепископа Макария (Булгакова) был создан Комитет для преобразования духовно-судебной части при Святейшем синоде. За три года он разработал проект «О преобразовании духовно-судебной части», но получил резко отрицательную оценку теперь уже не только Синода, но и большинства архиереев и консисторий [5, с. 100]. В результате в 1883 г. была издана новая редакция Устава духовных консисторий, содержащая незначительные изменения, но в целом реформу церковного суда отложили на неопределенный срок.

В начале XX в., в условиях нарастания революционных настроений в обществе, российские юристы выступали против введения чрезвычайных судов [32, с. 112], подчеркивая, что только единство судебной системы обеспечит эффективность ее функционирования даже в сложных политических условиях [37, с. 355].

В первые постреволюционные годы молодое Советское государство попыталось реализовать идею единства судебной системы. Особенно эффективными были преобразования в период новой экономической политики. В рамках концепции единого суда выделялись народный, губернский (областной, краевой) суды и Верховный суд РСФСР [35, с. 80, 83].

Однако если в Положении «О судостроительстве РСФСР» (1922) было предусмотрено наличие временных специальных судов⁵, то начиная с Основ судостроительства Союза ССР и союзных республик (1924) принцип единства судебной политики включал наличие специальных судов, работавших на постоянной основе⁶, что нашло отражение и в Положении о судостроительстве РСФСР (1926)⁷. Такая практика объяснялась необходимостью для судей иметь знания и навыки, соответствовавшие особенностям рассматриваемых дел, особенно если они касались «преступлений, представляющих особую опасность для военной мощи Союза ССР» [6, с. 15].

С середины 1920-х гг. в СССР началась внутривластная борьба, затем коллективизация, которые негативно сказались на развитии судебной системы. Так, еще 2 февраля 1930 г. при Объединенном государственном политическом

⁵ Положение о судостроительстве РСФСР, принятое на IV Сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета 31 октября 1922 г., с изменениями и дополнениями, принятыми по 1-е марта 1925 года, и Положение о Верховном суде Союза ССР. Л.: Рабочий суд, 1925. 53 с.

⁶ Основы судостроительства Союза ССР и союзных республик (утверждены Постановлением ЦИК СССР от 29.10.1924) // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик. 1924. № 23. Ст. 203.

⁷ Постановление ВЦИК от 19.11.1926 «Об утверждении Положения о Судостроительстве Р.С.Ф.С.Р.» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1926. № 85. Ст. 624.

управлении (ОГПУ) были созданы первые суды-тройки [11, с. 25] — внесудебные репрессивные органы.

Несмотря на четкую иерархию судебных органов, которая была установлена в советский период, вопрос о единстве судебной системы все равно стоял на повестке дня. Например, разрешение хозяйственных споров между предприятиями осуществлялось органами государственного арбитража, которые не считались частью судебной системы.

Судебная власть в Российской Федерации, согласно части 2 статьи 118 Конституции 1993 г. с действующими поправками, осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства⁸. Принцип единства судебной системы закреплен в Федеральном конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации»⁹. Легального определения он не содержит, но в статье 3 этого закона установлены пути достижения единства судебной системы, затрагивающие правовую основу функционирования судов, их финансирование, правила судопроизводства, правовой статус судейского корпуса, исполнение судебных решений.

Современные исследования показывают, что проблема осуществления принципа единства судебной системы в Российской Федерации решалась на основании использования опыта Судебной реформы эпохи Великих реформ 1864 г. Однако тактически были выбраны разные подходы: если Судебные уставы 1864 г. предусматривали изменения сразу во всей судебной системе, то судебная реформа современной России предполагает поэтапность и постепенность. При этом параллельно могут развиваться и разновекторные тенденции. Так, в 2013 г. крайне позитивно было встречено решение о создании Суда по интеллектуальным правам, а в 2014 г. произошло объединение Верховного суда и Высшего арбитражного суда Российской Федерации, что, однако, лишь отчасти решило задачу по формированию действительно единой судебной власти в России.

Если обобщить признаки единства судебной системы, которые выделяются исследователями в настоящее время, получится следующий перечень:

1) комплексное применение принципа единства судебной системы в отношении и судоустройства, и судопроизводства;

2) у единства судебной системы существует внешнее проявление, выражающееся в единой правовой основе деятельности суда, и внутреннее, подразумевающее одинаковые требования к кандидатам в судьи, установление различных квалификационных требований в зависимости от статуса суда и т. д. [13];

⁸ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022 (дата обращения: 02.02.2026).

⁹ Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 29.12.2025) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 06.01.1997. № 1. Ст. 1.

- 3) четкое разграничение компетенции судов;
- 4) наличие одного высшего судебного органа;
- 5) единые для всех структурных элементов судебной системы принципы и процедуры создания и ликвидации, механизмы назначения лиц на аналогичные административные должности;
- 6) единство судебного правоприменения; ориентация на постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации для единообразного толкования и применения нормативных правовых актов [20, с. 59];
- 7) установление высшего кассационного надзора одного суда.

Однако, несмотря на явные достижения в реализации принципа единства судебной системы на современном этапе, безусловно, можно выделить и проблемы:

1. Сложная и запутанная структура судебной системы России, например особый статус Конституционного суда Российской Федерации.
2. Существенные сложности в организации деятельности судебных органов в отдельных регионах страны.
3. Длительный период реформирования судебной системы, в результате чего возникает некоторая хаотичность и образование в ней новых элементов, которые могут нарушить сложившееся равновесие.

Результаты исследования

Проблема единства судебной системы характерна практически для всех периодов российской истории. Предпринимаемые, начиная с Петра I, попытки реализовать данный принцип наталкивались на невозможность его воплощения в условиях абсолютной монархии, со сложными государственно-конфессиональными отношениями; преобладанием в течение многих веков крестьянского населения, жизнедеятельность которого была тесно связана с обычным правом; огромными, неравномерно заселенными территориальными просторами; особенностями организации быта и деятельности народов, населявших Российское государство, и т. д.

Фактически только на современном этапе можно говорить о существенном продвижении в реализации принципа единства судебной системы, однако многие проблемы сохраняются. В результате выделяются два мнения: либо стремиться к объединению всей судебной власти во главе с Верховным судом РФ и в рамках единой федеральной судебной системы создавать палаты или коллегии, специализирующиеся на разрешении определенных дел [22, с. 126], либо отказаться от идеи объединения структурных составляющих судебной системы под эгидой управляющего центра и рассматривать единство судебной системы с точки зрения принципа независимости судей, их объединения общими этическими требованиями (Кодекс судейской этики), высоким профессионализмом, позволяющим достичь единообразного толкования нормативных правовых актов [1, с. 139–140].

Историко-правовой анализ показывает, что можно выделить три основных периода в становлении и развитии принципа единства судебной системы России:

1. XVIII – начало XX в.: попытки институционального достижения единства судебной системы, наталкивавшиеся на невозможность четкого разграничения юрисдикции церковных, крестьянских, местных судов национальных районов Российской империи.

2. 1917–1991 гг.: попытки достичь единства судебной системы через отказ от идеи разделения властей и признание принципа единства системы государственной власти посредством установления строгой иерархии судебных органов.

3. С 1991 г. по настоящее время: отказ от чисто институционального подхода в реализации принципа единства судебной системы, учет не только организационно-правовых, но и этических, интеллектуальных составляющих в построении единой системы судоустройства и судопроизводства.

Таким образом, единство судебной системы — это многомерное понятие, содержание которого менялось с течением времени. Вывести его оптимальное определение практически невозможно, поскольку система судебных органов динамично развивается и крайне сложно одновременно учесть изменения как в судоустройстве, так и в судопроизводстве, соотношение всех элементов системы. Однако перевод этого понятия в разряд принципов позволяет постоянно учитывать единство судебной системы как одну из фундаментальных основ правосудия.

Список источников

1. Анишина В. И. Конституционные принципы судебной власти Российской Федерации: формирование, содержание и перспективы развития. М.: Российская академия правосудия, 2006. 271 с.

2. Балашова Т. Н., Гереева И. С. Единство судебной системы пореформенного периода и современной судебной системы России // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 4. С. 56–67.

3. Барсукова С. Ю. Судебная система в современной России: единство формального и неформального порядка // НИР: Российский фонд фундаментальных исследований. Грант № 08-06-00460. 2008. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50688750> (дата обращения: 02.02.2026).

4. Безгин В. Б. Обычное право русской деревни (вторая половина XIX – начало XX в.): учеб. пособие. Тамбов: изд-во ТГТУ, 2000. 47 с.

5. Белякова Е. В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М.: Духовная библиотека, 2004. 663 с.

6. Большакова В. М. Принципы организации советской судебной системы (по законодательству 1917–1938 годов) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2020. № 3. С. 8–20.

7. Бондарь Н. С. Единообразие судебной практики в современном правовом порядке: конституционно-правовые механизмы обеспечения // Российская юстиция. 2022. № 9. С. 11–21.

8. Бурдина Е. В. О совершенствовании органов судейского сообщества в контексте укрепления единства судебной системы // Российский судья. 2014. № 2. С. 24–27.
9. Гайденок П. И., Филиппов В. Г. Церковные суды в Древней Руси (XI – середина XIII века): несколько наблюдений // Вестник Челябинского государственного университета. Серия 1: История. 2011. № 12 (227). С. 106–116.
10. Ганижева П. М. Судебная власть и конституционное правосудие в системе единства // Наука нового времени: от идеи к результату: сб. науч. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Культ-информ-пресс, 2017. С. 187–189.
11. Гребенщикова И. В. К вопросу о деятельности «троек» НКВД СССР в годы массовых репрессий (1937–1938 гг.) на территории Свердловской области // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 4. С. 24–30.
12. Дудко И. А., Кряжкова О. Н. Содержание принципа единства судебной системы Российской Федерации // Российская юстиция. 2011. № 2. С. 27–33.
13. Еремина И. С., Писаревская И. Ю. Единство судебной власти как конституционно-правовая основа судебной системы Российской Федерации // Молодой ученый. 2020. № 42 (332). С. 199–201.
14. Ефремова Н. Н. Становление и развитие судебного права в России XVIII – начала XX в. (историко-правовое исследование). М.: РУДН, 2007. 265 с.
15. Зарубина К. А., Чапчиков С. Ю. Судопроизводство по делам политического характера в Российской империи в 1864–1917 годах // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2024. № 2 (54). С. 22–29.
16. Коваленко Т. С. Исторический путь зарождения, становления и развития судебной власти в России // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22. № 5. С. 259–263.
17. Короткова Ю. В. Судебная система России в период правления Екатерины II // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 438–439.
18. Краковский К. П. Судебная реформа 1864 г.: значение и историко-правовые оценки // Журнал российского права. 2014. № 12 (216). С. 16–31.
19. Крестьянское право по решениям Правительствующего Сената: алфавитный указатель вопросов, разрешенных по Первому, Второму, Гражданскому и Уголовному кассационным департаментам и по общему собранию Правительствующего Сената за 1863–1912 гг. по крестьянским делам / сост. К. Г. Абрамович. СПб.: Юридический книжный склад «Право», 1912. 374 с.
20. Кутовой Я. С., Губайдуллина Э. Х. Роль Постановлений Пленума Верховного Суда в обеспечении единства судебной системы // Modern Science. 2020. № 4-2. С. 59–62.
21. Майборода В. А., Шукшин С. И. Принцип равенства перед судом в системном единстве инстанций судебной системы России // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2022. № 4 (14). С. 82–87.
22. Малько А. В., Нырков В. В. Концепция правозащитной политики в современной России: проблемы и необходимость формирования // Правоведение. 2013. № 4 (309). С. 121–133.
23. Метшин И. Р. Роль губернской реформы 1775 г. в укреплении государственного единства Российской империи (к 250-летию губернской реформы) // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2025. № 4 (60). С. 44–51.

24. Метшин И. Р. Судебная реформа 1864 года как фактор государственного единства Российской империи (к 160-летию Судебной реформы) // Российская юстиция. 2024. № 2. С. 50–55.
25. Немытина М. В. Суд в России: вторая половина XIX – начало XX вв.: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. М., 1999. 403 с.
26. Никитина А. В. Единство судебной системы Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. Хабаровск, 2006. 202 с.
27. Оршанский И. Г. Исследования по русскому праву, обычному и брачному. СПб.: тип. А. Е. Ландау, 1879. 455 с.
28. Пашенцев Д. А. Суд, мораль и закон (к 180-летию со дня рождения выдающегося русского юриста Анатолия Федоровича Кони) // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 12. С. 5–16.
29. Сабиров Э. Р. Унификация судебных актов как условие единства судебной системы // Управленческое консультирование. 2012. № 3 (47). С. 119–124.
30. Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России (Обычное право, обряды, верования и пр.). Вып. 1 / под ред. Н. Н. Харузина. М.: тип. А. Левенсон и Ко, 1889. 487 с.
31. Серов Д. О. Судебная реформа Петра I: историко-правовое исследование. М.: Зерцало-М, 2009. 487 с.
32. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Введение. М.: Зерцало, 2008. 494 с.
33. Таранец Н. Н. Единство как свойство системы судебной власти // Крымский Академический вестник. 2020. № 13. С. 168–171.
34. Труды Комиссии по преобразованию волостных судов (Словесные опросы крестьян, письменные отзывы различных мест и лиц и решения волостных судов, съездов мировых посредников и губернских по крестьянским делам присутствий). СПб.: Б/м., 1873. 640 с.
35. Филонова О. И. Российские модернизации судебной системы: сравнительный анализ // Вестник Курганского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 1 (44). С. 78–83.
36. Шинкарюк Д. А. Единство судебной системы Российской Федерации (конституционно-правовое исследование). Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. Омск, 2008. 163 с.
37. Штирц М. В. Принцип единства судебной системы российской федерации // Медицинское право: материалы III Междунар. форума по медицинскому праву. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, 2023. С. 354–358.

References

1. Anishina V. I. Konstitutsionnye printsipy sudebnoy vlasti Rossiyskoy Federatsii: formirovaniye, soderzhaniye i perspektivy razvitiya. М.: Rossiyskaya akademiya pravosu-diya, 2006. 271 s.
2. Balashova T. N., Gereyeva I. S. Yedinstvo sudebnoy sistemy poreformennogo perioda i sovremennoy sudebnoy sistemy Rossii // Vestnik Rossiyskoy pravovoy akademii. 2025. № 4. S. 56–67.

3. Barsukova S. Yu. Sudebnaya sistema v sovremennoy Rossii: yedinstvo formal'nogo i neformal'nogo poryadka // NIR: Rossiyskiy fond fundamental'nykh issledovaniy. Grant № 08-06-00460. 2008. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50688750> (data obrashcheniya: 02.02.2026).
4. Bezgin V. B. Obychnoe pravo russkoy derevni (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.): ucheb. posobie. Tambov: izdatel'stvo TGTU, 2000. 47 s.
5. Belyakova E. V. Tserkovny sud i problemy tserkovnoy zhizni. M.: Dukhovnaya biblioteka, 2004. 663 s.
6. Bolshakova V. M. Printsipy organizatsii sovetskoy sudebnoy sistemy (po zakonodatel'stvu 1917–1938 godov) // Istoriko-pravovyye problemy: novyy rakurs. 2020. № 3. S. 8–20.
7. Bondar N. S. Yedinoobraziye sudebnoy praktiki v sovremennom pravoporyadke: konstitutsionno-pravovyye mekhanizmy obespecheniya // Rossiyskaya yustitsiya. 2022. № 9. S. 11–21.
8. Burdina E. V. O sovershenstvovanii organov sudeyskogo soobshchestva v kontekste ukrepleniya yedinstva sudebnoy sistemy // Rossiyskiy sudya. 2014. № 2. S. 24–27.
9. Gaydenko P. I., Filippov V. G. Tserkovnye sudy v Drevney Rusi (XI – seredina XIII veka): neskolko nablyudeniy // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Istorika. 2011. № 12 (227). S. 106–116.
10. Ganizheva P. M. Sudebnaya vlast' i konstitutsionnoe pravosudiye v sisteme yedinstva // Nauka novogo vremeni: ot idei k rezul'tatu: sb. nauch. st. po itogam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. SPb.: Kult-inform-press, 2017. S. 187–189.
11. Grebenshchikova I. V. K voprosu o deyatel'nosti «troyek» NKVD SSSR v gody masovyykh repressiy (1937–1938 gg.) na territorii Sverdlovskoy oblasti // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2020. № 4. S. 24–30.
12. Dudko I. A., Kryazhkova O. N. Soderzhaniye printsipa yedinstva sudebnoy sistemy Rossiyskoy Federatsii // Rossiyskaya yustitsiya. 2011. № 2. S. 27–33.
13. Eremina I. S., Pisarevskaya I. Yu. Yedinstvo sudebnoy vlasti kak konstitutsionno-pravovaya osnova sudebnoy sistemy Rossiyskoy Federatsii // Molodoy ucheny. 2020. № 42 (332). S. 199–201.
14. Efremova N. N. Stanovleniye i razvitiye sudebnogo prava v Rossii XVIII – nachala XX vv. (istoriko-pravovoye issledovaniye). M.: RUDN, 2007. 265 s.
15. Zarubina K. A., Chapchikov S. Yu. Sudoproizvodstvo po delam politicheskogo kharaktera v Rossiyskoy imperii v 1864–1917 godakh // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskiye nauki». 2024. № 2 (54). S. 22–29.
16. Kovalenko T. S. Istoricheskiy put' zarozhdeniya, stanovleniya i razvitiya sudebnoy vlasti v Rossii // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 5. S. 259–263.
17. Korotkova Yu. V. Sudebnaya sistema Rossii v period pravleniya Ekateriny II // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. 2008. № 1. S. 438–439.
18. Krakovsky K. P. Sudebnaya reforma 1864 g.: znachenkiye i istoriko-pravovyye otsenki // Zhurnal rossiyskogo prava. 2014. № 12 (216). S. 16–31.
19. Krestyanskoye pravo po resheniyam Pravitel'stvuyushchego Cenata. Alfavitnyy ukazatel voprosov, razreshennykh po Pervomu, Vtoromu, Grazhdanskomu i Ugolovnomu

kassatsionnym departamentam i po obshchemu sobraniyu Pravitel'stvuyushchego Cenata za 1863–1912 gg. po krestyanskim delam / sost. K. G. Abramovich. SPb.: Yuridicheskiy knizhny sklad «Pravo», 1912. 374 s.

20. Kutovoy Ya. S., Gubaydullina E. Kh. Rol' Postanovleniy Plenuma Verkhovno-go Suda v obespechenii yedinstva sudebnoy sistemy // Modern Science. 2020. № 4-2. S. 59–62.

21. Mayboroda V. A., Shukshin S. I. Printsip ravenstva pred sudom v sistemnom edinstve instantsiy sudebnoy sistemy Rossii // Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsia. 2022. № 4 (14). S. 82–87.

22. Mal'ko A. V., Nyrkov V. V. Kontseptsia pravozashchitnoy politiki v sovremennoy Rossii: problemy i neobkhodimost' formirovaniya // Pravovedenie. 2013. № 4 (309). S. 121–133.

23. Metshin I. R. Rol' gubernskoy reformy 1775 g. v ukreplenii gosudarstvennogo edinstva Rossiyskoy imperii (k 250-letiyu gubernskoy reformy) // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskiye nauki». 2025. № 4 (60). S. 44–51.

24. Metshin I. R. Sudebnaya reforma 1864 goda kak faktor gosudarstvennogo yedinstva Rossiyskoy imperii (k 160-letiyu Sudebnoy reformy) // Rossiyskaya yustitsia. 2024. № 2. S. 50–55.

25. Nemytina M. V. Sud v Rossii: vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.: dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.01. M., 1999. 403 s.

26. Nikitina A. V. Edinstvo sudebnoy sistemy Rossiyskoy Federatsii: konstitutsionno-pravovoye issledovaniye): dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.02. Khabarovsk, 2006. 202 s.

27. Orshanskiy I. G. Issledovaniya po russkomu pravu, obychnomu i brachnomu. SPb.: tip. A. E. Landau, 1879. 455 s.

28. Pashentsev D. A. Sud, moral' i zakon (k 180-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya russkogo yurista Anatoliya Fedorovicha Koni) // Zhurnal rossiyskogo prava. 2024. T. 28. № 12. S. 5–16.

29. Sabirov E. R. Unifikatsiya sudebnykh aktov kak usloviye edinstva sudebnoy sistemy // Upravlencheskoye konsul'tirovaniye. 2012. № 3 (47). S. 119–124.

30. Sbornik svedeniy dlya izucheniya byta krestyanskogo naseleniya Rossii (Obychnoye pravo, obryady, verovaniya i pr.). Vyp. 1 / pod red. N. N. Kharuzina. M.: tip. A. Levenson i Ko, 1889. 487 c.

31. Serov D. O. Sudebnaya reforma Petra I: istoriko-pravovoe issledovanie. M.: Zertsalo-M, 2009. 487 s.

32. Sluchevskiy V. K. Uchebnik russkogo ugolovnoy protsessa. Vvedenie. M.: Zertsalo, 2008. 494 s.

33. Taranets N. N. Yedinstvo kak svoystvo sistemy sudebnoy vlasti // Krymskiy Akademicheskij vestnik. 2020. № 13. S. 168–171.

34. Trudy Komissii po preobrazovaniyu volostnykh sudov (Slovesnyye oprosy krest'yan, pis'mennyye otzvyvy razlichnykh mest i lits i resheniya volostnykh sudov, s'yezdov mirovykh posrednikov i gubernskikh po krest'yanskim delam prisutstviy). SPb.: B/m., 1873. 640 s.

35. Filonova O. I. Rossiyskiye modernizatsii sudebnoy sistemy: sravnitel'ny analiz // Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki. 2017. № 1 (44). S. 78–83.

36. Shinkaryuk D. A. Edinstvo sudebnoy sistemy Rossiyskoy Federatsii (konstitutsionno-pravovoe issledovanie). Dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.14. Omsk, 2008. 163 s.

37. Shtirts M. V. Printsip yedinstva sudebnoy sistemy rossiyskoy federatsii // Meditsinskoye pravo: materialy III Mezhdunar. foruma po meditsinskomu pravu. Ekaterinburg, 2023. S. 354–358.

Статья поступила в редакцию: 15.01.2026;

одобрена после рецензирования: 15.02.2026;

принята к публикации: 05.03.2026.

The article was submitted: 15.01.2026;

approved after reviewing: 15.02.2026;

accepted for publication: 05.03.2026.

УДК 342.6

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-262-39-51

А. А. Караман

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Российская Федерация,
alexman-k@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТА МИНИСТРОВ ДНР ПО ОРГАНИЗАЦИИ ОБОРОНЫ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ В 2014–2015 ГОДАХ

Аннотация. В статье исследована деятельность Совета министров ДНР по организации обороны и обеспечения безопасности ДНР в 2014–2015 годах. Также рассматривается начальный этап международных переговоров и принятия первых документов, вошедших в историю как «Минск-1» и «Минск-2», влияние норм и положений этих актов на деятельность Совета министров ДНР в сфере обороны и безопасности.

Ключевые слова: переворот в Киеве; Донецкая Народная Республика; Совет министров ДНР; Министерство обороны; Иловайск; Дебальцево; «Минск-1»; «Минск-2»; нормандский формат; признание независимости.

UDC 342.6

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-262-39-51

A. A. Karaman

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation,
alexman-k@mail.ru

ACTIVITIES OF THE COUNCIL OF MINISTERS OF THE DPR ON THE ORGANIZATION OF DEFENSE AND SECURITY OF THE REPUBLIC IN 2014–2015

Abstract. The article examines the activities of the Council of Ministers of the DPR in organizing the defense and security of the DPR in 2014–2015. The initial stage of international negotiations and the adoption of the first documents, which went down in history as Minsk-1 and Minsk-2, and the impact of the norms and provisions of these acts on the activities of the DPR Council of Ministers in the field of defense and security are also being considered.

Keywords: coup in Kiev; Donetsk People's Republic; Council of Ministers of the DPR; Ministry of Defense; Ilovaysk; Debaltseve; Minsk-1; Minsk-2; Normandy format; recognition of independence.

Введение

Донецкая Народная Республика уже несколько лет является полноправным субъектом Российской Федерации¹. Актуальность и значение настоящего исследования состоит в том, что накопленный ДНР опыт построения и функционирования государственной власти и управления в условиях военного положения не изучен в достаточной мере.

Эти вопросы были исследованы лишь частично [6, с. 65–97]. Опыт ДНР, как считает О. А. Дизер, может быть востребован и на других территориях, граничащих с Россией [8]. Это мнение в полной мере подтверждено развитием событий в ходе специальной военной операции (СВО) в Запорожской и Херсонской областях.

Цель и задачи исследования заключаются в освещении деятельности Совета министров ДНР, сформированного в основном из людей, не имевших опыта государственного строительства по осуществлению одной из важнейших функций государства — обеспечение безопасности территории и защиты граждан.

Новизна настоящего исследования состоит в том, что автору известно о деятельности Совета министров ДНР не только из источников. Как один из заместителей председателя Совета министров ДНР в исследуемый период, автор принимал участие в подготовке и принятии большинства нормативных правовых актов и в ряде случаев может изложить мотивы принятых решений.

Методы исследования

В ходе исследования использованы общенаучные и специальные методы исследования: исторический, системный, анализа и синтеза, логический, сравнительный и другие.

Основное исследование

Первопричины провозглашения ДНР в пределах бывшей Донецкой области Украины заключаются в государственном перевороте, имевшем место в феврале 2014 года, и последовавших за этим действиях неонацистских, прозападных и антироссийских сил, захвативших власть в Киеве.

О самом перевороте, который привел к разрушению территориальной целостности Украины, изложено в другой статье автора [10].

По мнению А. В. Гущина, захват власти на Украине в 2014 году радикально настроенными антироссийскими политическими силами обострил все сложные

¹ Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Донецкой Народной Республики» // Российская газета. 06 октября 2022 г. № 226 (8874).

моменты в российско-украинских отношениях: принадлежность Крыма, статус и положение русского языка, вопрос регионализма на юго-востоке Украины [7].

После свержения официальной государственной власти, начиная с конца февраля – начала марта 2014 года в крупных городах Донбасса начались массовые общественно-политические акции в защиту статуса русского языка и против действий националистических организаций, захвативших власть.

Л. А. Крутова отмечает, что «с 25 февраля 2014 г. формируется общественное движение (ОД) “Народное ополчение Донбасса”, возникшее в ответ на призыв в социальных сетях Павла Губарева к самоорганизации населения». [11, с. 366].

6 апреля 2014 года в Донецке и других населенных пунктах юго-востока Украины состоялись многочисленные митинги, их участники требовали проведения референдумов о статусе своих регионов. Инициатором и организатором этих протестных манифестаций являлся Координационный совет Донецкой области (КСДО). КСДО обеспечивал согласованные действия трудовых коллективов, общественных организаций и партий области. 7 апреля по инициативе КСДО был созван Съезд представителей территориальных громад, политических партий и общественных организаций Донецкой области Украины. В ходе съезда были оглашены акты о будущем статусе Донбасса: Декларация о суверенитете ДНР и Акт о провозглашении государственной самостоятельности Донецкой Народной Республики [2].

В ответ на народные выступления А. Турчинов, который был назначен Верховной радой исполняющим обязанности президента Украины, сообщил о создании антикризисного штаба и разработке антитеррористических мероприятий против тех, кто взял в руки оружие².

Начиная с 7 апреля 2014 года против населения Донбасса стали применяться силы Национальной армии, Министерства внутренних дел и Службы безопасности Украины. Однако только 13 апреля 2014 года был принят акт Совета национальной безопасности и обороны Украины, который не был опубликован, но известен по упоминанию в указе, которым ему была придана юридическая сила: «1. Ввести в действие решение (прилагается, тайно)»³. Под решением подразумевается акт Совета национальной безопасности и обороны Украины, принятый 7 апреля 2014 года.

Начало операции привело к массовому выезду населения из Донецкой области на территорию России. В одной из статей приводятся следующие данные:

² Турчинов: против взявших оружие применяют антитеррористические меры // РИА Новости. 07.04.2014. URL: <https://ria.ru/20140407/1002872516.html> (дата обращения: 15.04.2025).

³ Указ Президента Украины «О решении Совета национальной безопасности и обороны Украины от 13 апреля 2014 года «О неотложных мерах по преодолению террористической угрозы и сохранение территориальной целостности Украины» от 14 апреля 2014 года № 405/2014 // Официальный вестник Президента Украины от 14.04.2014 — 2014 р. № 14. С. 3. Ст. 745.

«...с 1 января 2014 года по 30 августа 2014 года в Федеральную миграционную службу России обратились более 120 тысяч жителей Донбасса с просьбой о предоставлении статуса беженца и предоставлении убежища. Всего же на территорию России въехало около 814 тысяч человек» [1].

В «Очерках истории Донецкой Народной Республики» отмечается, что «общая площадь ДНР до начала СВО в феврале 2022 года составляла 8,6 тыс. кв. км, или 33 % от всей площади Донецкой области (26,5 тыс. кв. км)» [13, с. 6]. Поскольку ДНР была провозглашена в границах всей Донецкой области, остальные 67 % территории бывшей Донецкой области предстояло освободить, что и происходит сегодня в ходе СВО.

В. В. Введенская утверждает, что в дальнейшем Антитеррористический центр при Службе безопасности Украины скорректировал дату начала антитеррористической операции на территории Донецкой и Луганской областей, перенес ее на 7 апреля 2014 года [3].

Мы полагаем, что такая корректировка (7 апреля — дата провозглашения ДНР) была призвана узаконить задним числом силовую операцию, начатую уже 7 апреля 2014 года. Подтверждением этой версии является тот факт, что 15 апреля 2014 года на Украине был принят закон, в котором устанавливалось, что «отдельные территории Украины, входящие в состав Донецкой и Луганской областей, оккупированы Российской Федерацией, начиная с 7 апреля 2014 года»⁴. Фактически этим законом объявлялось начало широкомасштабной военной операции против населения Донбасса.

Н. Д. Сорокина считает, что раскол украинского общества произошел не столько по национальному вопросу, сколько по таким критериям, как выбор европейского пути развития с ориентацией на западные ценности или сближения с Россией [14].

По мнению автора, такие конфликты, согласно теории С. Хантингтона, относятся к цивилизационным, проходят по линиям цивилизационных разломов и отличаются продолжительностью и жестокостью [17].

В. Н. Чернега в своей статье также утверждает, что «образование ДНР и ЛНР является следствием разрыва отношений населения Донбасса с центральной властью, которая, в глазах местных жителей, утратила легитимность» [18]. В конечном итоге это привело к отделению от Украины и стремлению интеграции с Россией.

Для только провозглашенной ДНР первостепенное значение имела защита своего суверенитета и населения. Вопросы обороны и обеспечения безопасности занимали главное место в деятельности Совета министров, первым председателем которого был назначен А. Ю. Бородай. О его назначении и утверждении структуры Совета министров изложено у В. В. Введенской, известного исследователя истории ДНР [4].

⁴ Закон Украины от 15 апреля 2014 года № 1207-VII «Об обеспечении прав и свобод граждан и правовом режиме на временно оккупированной территории Украины» // Голос Украины. 26.04.2014. № 83.

Для отражения широкомасштабной агрессии регулярных формирований вооруженных сил и МВД, добровольческих националистических формирований Украины Совету министров ДНР предстояло решить несколько первоочередных задач:

- обеспечить население продовольственными товарами, товарами народного потребления и лекарственными препаратами, для чего было принято соответствующее постановление⁵;
- решить кадровые вопросы и обеспечить согласованность действий формирований ополчения ДНР;
- решить вопросы обеспечения ополчения ДНР необходимым военным имуществом;
- обеспечить безопасность гражданского населения от обстрелов со стороны Украины;
- обеспечить правопорядок на территории ДНР.

Кадровые вопросы решались за счет местных и прибывших на помощь добровольцев. Первым министром обороны был назначен бывший командир Славянского ополчения, широко известный И. И. Стрелков (И. В. Гиркин). В тот же день получил свое первое назначение А. В. Захарченко, он стал военным комендантом Донецка. Позже он был назначен заместителем министра внутренних дел ДНР.

Вопросы обеспечения военным имуществом решались в основном за счет имущества частей Министерства обороны, МВД и СБУ Украины, в достаточном количестве располагавшихся на территории ДНР.

Одним из первых актов Совета министров ДНР было введено военное положение на всей территории Донецкой Народной Республики (с 00.00 часов 26 мая 2014 года)⁶.

Важным пунктом этого постановления являлось придание ему юридической силы конституционного закона; следовательно, нормы данного постановления имели более высокую юридическую силу по сравнению с нормами Уголовного кодекса, Уголовно-процессуального кодекса и другими законами.

В целях исполнения настоящего постановления, для борьбы с преступностью в условиях военного положения в районах боевых действий было

⁵ Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 23 июня 2014 г. № 11-1 «О мерах по обеспечению продовольственной безопасности, производства товаров народного потребления, лекарств и лекарственных препаратов». URL: <https://pravdnr.ru/npa/postanovlenie-soveta-ministrov-doneczkoj-narodnoj-respubliki-ot-23-iyunya-2014-g-%E2%84%96-11-1-o-merah-po-obespecheniyu-prodovolstvennoj-bezopasnosti-proizvodstva-tovarov-narodnogo-potrebleni/> (дата обращения: 15.01.2026).

⁶ Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 25 мая 2014 г. № 6-5 «О введении на территории Донецкой Народной Республики военного положения». URL: <https://pravdnr.ru/npa/postanovlenie-soveta-ministrov-doneczkoj-narodnoj-respubliki-ot-25-maya-2014-g-%E2%84%96-6-5-o-vvedenii-na-territorii-doneczkoj-narodnoj-respubliki-voennogo-polozheniya/> (дата обращения: 15.01.2026).

утверждено и введено в действие Положение о Военных судах Донецкой Народной Республики⁷.

В период военного положения все функции органов государственной власти в сфере обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности на местах принадлежали уполномоченным представителям Совета безопасности ДНР.

Настоящим постановлением были установлены права и компетенция Совета безопасности ДНР в области обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности. При реализации своих прав и полномочий члены Совета безопасности наделялись правом ограничения ряда прав и свобод человека и гражданина, в том числе права собственности, свободы передвижения, свободы слова, свободы личности, участия в манифестациях, митингах и собраниях и некоторых других прав.

Неисполнение распоряжений военных властей приравнивалось к саботажу, виновные в неисполнении распоряжений подлежали привлечению к военно-полевому суду.

Донецк не был готов к стягивающемуся кольцу окружения и постоянным обстрелам со стороны вооруженных формирований Украины. Оборудованных рубежей укрепления было недостаточно. Практически все помещения, предусмотренные под бомбоубежища, использовались как различные склады и торгово-развлекательные заведения.

Следует отметить, что в исследуемый период времени, самый сложный для ДНР, часть руководителей предприятий, организаций и учреждений, расположенных на территории ДНР, заняли выжидательную позицию. Другая часть откровенно саботировала выполнение предписаний нормативных правовых актов, принятых Советом министров ДНР.

Эти обстоятельства в значительной мере препятствовали реализации мероприятий по организации вооруженного сопротивления агрессии со стороны Украины и обеспечению безопасности мирного населения. Только совместная деятельность первого заместителя председателя Совета министров ДНР В. Ю. Антюфеева и Совета безопасности ДНР в рамках исполнения норм и положений настоящего постановления позволили оперативно решить вопросы обустройства бомбоубежищ, блок-постов и укреплений.

14 августа 2014 года Совет министров ДНР удовлетворил просьбу И. И. Стрелкова об освобождении его от занимаемой должности в связи с переходом на другую работу⁸. Исполняющим обязанности министра обороны был назначен

⁷ Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 17 августа 2014 г. № 27-1 «Об утверждении “Положения о Военных Судах Донецкой Народной Республики”». URL: <https://gisnra-dnr.ru/npa/0003-27-1-20140817/> (дата обращения: 15.01.2026).

⁸ Постановление Совета Министров ДНР №26-1 от 14.08.2014 г. «О заявлении Министра обороны». URL: <https://pravdnr.ru/npa/postanovlenie-soveta-ministrov-doneczkoj-narodnoj-respubliki-ot-14-avgusta-2014-g-%E2%84%96-26-1-o-zayavlenii-ministra-oborony/> (дата обращения: 15.01.2026).

В. П. Кононов, который являлся активным участником боевых действий в ополчении (с 13 апреля 2014 г.), проявил себя умелым командиром и организатором, особенно в боях за города Снежное и Шахтерск⁹.

Существенный вклад в обеспечение безопасности населения, ликвидацию последствий агрессии Украины стали вносить подразделения Министерства по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий¹⁰.

Заслуживает внимания деятельность Президиума Совета министров ДНР. На первом этапе новому председателю Совета министров ДНР А. В. Захарченко пришлось столкнуться с определенными сложностями, связанными с тем, что часть назначенных ранее министров вообще не приступили к исполнению своих обязанностей, другие являлись на заседания Совета министров, но нерегулярно. Логическим выходом из такой ситуации стало создание Президиума Совета министров ДНР.

Образование Президиума Правительства не новшество в деятельности высших исполнительных органов государственной власти. В соответствии с нормами статьи 32 № 4-ФКЗ от 06.11.2020, «для решения оперативных вопросов Правительство Российской Федерации... может образовать Президиум Правительства Российской Федерации»¹¹.

Новшеством является тот факт, что Президиум Совета министров ДНР был наделен правом принятия постановлений Совета министров¹². Эти решения в значительной мере повысили оперативность и эффективность работы Совета министров ДНР, в том числе в сфере обороны и безопасности.

Сложное положение, в котором находился Донецк в начале августа 2014 года, вынудило принять решение о переносе начала учебного года. В связи с непрекращающимися ежедневными обстрелами населенных пунктов, сопровождавшимися гибелью людей, в том числе детей, Совет министров постановил: «Перенести

⁹ Постановление Совета Министров ДНР №26-2 от 14.08.2014 «О назначении Министра обороны». URL: <https://pravdnr.ru/npa/postanovlenie-soveta-ministrov-doneczkoj-narodnoj-respubliki-ot-14-avgusta-2014-g-%E2%84%96-26-2-o-naznachenii-ministra-oborony> (дата обращения: 15.01.2026).

¹⁰ Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 26 сентября 2014 г. № 35-1 «О создании Министерства по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» <https://pravdnr.ru/npa/postanovlenie-soveta-ministrov-doneczkoj-narodnoj-respubliki-ot-26-sentyabrya-2014-g-%E2%84%96-35-1-o-sozdanii-ministerstva-po-delam-grazhdanskoj-oborony-chrezvychajnym-situacziyam-i-likvidacz/> (дата обращения: 15.01.2026).

¹¹ Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46015> (дата обращения: 15.01.2026).

¹² Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 14 августа 2014 г. № 26-4 «О наделении Президиума Совета Министров Донецкой Народной Республики правом принятия Постановлений Совета Министров». URL: <https://pravdnr.ru/npa/postanovlenie-soveta-ministrov-doneczkoj-narodnoj-respubliki-ot-14-avgusta-2014-g-%E2%84%96-26-4-o-nadele-nii-prezidiuma-soveta-ministrov-doneczkoj-narodnoj-respubliki-pravom-prinyatiya-postanov/> (дата обращения: 15.01.2026).

начало 2014/2015 учебного года на территории Донецкой Народной Республики с 1 сентября на 1 октября 2014 г.»¹³.

Это было вынужденное, но верное и ответственное решение, которое позволило сохранить жизнь и безопасность детей и взрослых.

В июле – августе 2014 года ополченцы ДНР и ЛНР нанесли ряд чувствительных поражений Национальной армии Украины и добровольческим националистическим формированиям.

В статье С. Я. Суцего приводятся данные о том, что только под Иловайском было убито около тысячи солдат и офицеров ВСУ [15].

Ополченцы ДНР также вплотную подошли к Мариуполю, а деморализованные украинские боевики в панике начали покидать город.

Военные успехи ДНР во второй половине августа 2014 года и угроза потери Мариуполя вынудили Украину перейти к переговорам.

5 сентября 2014 года в Минске был подписан документ, позже получивший сокращенное название «Минск-1»¹⁴.

В. Н. Калита считает, что Украина вынуждена была подписать Минские соглашения, чтобы избежать еще больших потерь, а ДНР, ЛНР и Россия — поскольку не хватало ресурсов для развития военных успехов [9].

Инициатива В. В. Путина и подписание Минских соглашений, по сути, означали курс на федерализацию Украины, что не устраивало Украину [12].

Минские соглашения не устраивали и ДНР, поскольку, по большому счету, это сводило на нет результаты референдума, утвердившего Акт о суверенитете ДНР.

К такому же выводу пришел А. А. Токарев, после того как в феврале 2016 года побывал в Донецке, Луганске, Дебальцево и Горловке: «...современное состояние массового сознания жителей Луганской и Донецкой народных республик является основным препятствием для реинтеграции территорий и обществ Украиной и для выполнения “Минска-1” и “Минска-2”» [16].

Заслуживает внимания и опыт организации комплекса мероприятий по восстановлению систем и объектов жизнеобеспечения населения, образования, социальной сферы, здравоохранения и других объектов Донецкой Народной Республики, пострадавших во время боевых действий. Для этого был создан Центр управления восстановлением ДНР (ЦУВ)¹⁵.

¹³ Постановление Совета Министров ДНР от 25.08.2014 № 30-3 «О переносе начала 2014/2015 учебного года на территории Донецкой Народной Республики» // Официальный сайт Донецкой Народной Республики. URL: <http://doc.dnr-online.ru/wp-content/uploads/2014/07/Постановление-№30-3-от25.08.2014-г.-О-переносе-20142015-учебного-года.pdf> (дата обращения: 15.01.2026).

¹⁴ Протокол по итогам консультаций Трехсторонней контактной группы относительно совместных шагов, направленных на имплементацию Мирного плана Президента Украины П. Порошенко и инициатив Президента России В. Путина 5 сентября 2014 г. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/a/a/123258.pdf> (дата обращения: 15.01.2026).

¹⁵ Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики №38-3 от 15.10.2014 «О Центре управления восстановлением Донецкой Народной Республики». URL: <https://pravdnr.ru/npa/postanovlenie-soveta-ministrov-doneczkoj-narodnoj-respubliki-ot-15-oktyabrya->

В. В. Введенская приводит следующие данные: «...в период с 1 июля 2014 года по 20 января 2015 года... в одном только г. Донецке уничтожено 1494 дома (сооружения), погибло 99 человек, пострадало от обстрелов 342 человека, из которых 8 — дети» [5].

ЦУВ был определен как подконтрольный главе Донецкой Народной Республики орган исполнительной власти со специальным статусом¹⁶.

ЦУВ представлял собой своего рода оперативный штаб Совета министров, куда в круглосуточном режиме стекалась информация об обстрелах и повреждениях, потребностях в материалах (в первую очередь фанера, рубероид, оконное стекло и полиэтиленовая пленка, столь необходимые для устранения повреждений крыш и оконных проемов).

Через два года, с целью исключения дублирования функций и оптимизации регулирования деятельности органов исполнительной власти ДНР по вопросам работы с гуманитарными грузами, Совет министров ДНР ликвидировал ЦУВ¹⁷.

Представители власти на Украине и их западные покровители в своих многочисленных заявлениях утверждали, что воюют на Донбассе против российских войск, вторгшихся на территорию Украины. Они не могли допустить, что тяжелейшие поражения под Дебальцево и в Иловайске им нанесли ополченцы и что организация и управление обороной ДНР осуществляется Советом министров ДНР.

Однако подобные измышления были дезавуированы Генеральным секретарем ОБСЕ Ламберто Заньером, который 1 сентября 2014 года заявил, что трудно подтвердить присутствие на Донбассе частей российской армии.

И это утверждение стоит принять во внимание. Во-первых, трудно заподозрить ОБСЕ в симпатиях в отношении ДНР и России. Во-вторых, не только на линии соприкосновения, но и в тыловых районах действовали наблюдательные миссии ОБСЕ, которые имели право и возможность перемещаться по территории ДНР. Официальный представитель ОБСЕ в Вене отмечал: «Наша деятельность основана на наблюдательных миссиях, также наши люди

2014-г-№-38-3-о-сцентре-управлениа-восстановлением-doneczkoj-narodnoj-respubliki/ (дата обращения: 15.01.2026).

¹⁶ Постановление Совета Министров ДНР №41-9 от 31.10.2014 «Об утверждении Положения и штатной численности Центра управления восстановлением Донецкой Народной Республики». URL: <https://pravdnr.ru/npa/postanovlenie-soveta-ministrov-doneczkoj-narodnoj-respubliki-ot-31-oktyabrya-2014-g-%E2%84%96-41-9-ob-utverzhdenii-polozheniya-i-shtatnoj-chislennosti-centra-upravleniya-восстановлением-donecz> (дата обращения: 15.01.2026).

¹⁷ Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 25 июня 2016 г. № 8-8 «О ликвидации Центра управления восстановлением Донецкой Народной Республики и Государственного учреждения “Республиканский гуманитарный склад Донецкой Народной Республики”». URL: <https://pravdnr.ru/npa/postanovlenie-soveta-ministrov-doneczkoj-narodnoj-respubliki-ot-25-iyunya-2016-g-%E2%84%96-8-8-o-likvidaczii-centra-upravleniya-восстановлением-doneczkoj-narodnoj-respubliki-i-gosudarstvennogo> (дата обращения: 15.02.2026).

следят за ситуацией на границе. Мы используем свои “глаза и уши”, для того чтобы отражать факты»¹⁸.

Еще более убедительными являются признания официального должностного лица Украины, сделанные через три года после начала боевых действий в ДНР: заместитель министра по вопросам временно оккупированных территорий и внутренне перемещенных лиц Украины Георгий Тука заявил 10 июля 2017 года: «Мы не можем пока, несмотря на все старания, юридически доказать присутствие на Донбассе регулярной российской армии»¹⁹.

В дальнейшем ход выполнения Минских соглашений стал предметом переговоров в рамках нормандского формата — совещаний глав Германии, России и Франции.

Для достижения своих целей Украина, поддерживаемая Германией и Францией, намеренно затягивала проведение встреч в рамках нормандского формата. Пользуясь этими перерывами, она предпринимала нужные ей действия и принимала выгодные для себя нормативные правовые акты, в том числе закон, в котором Россия определена как «государство-агрессор»²⁰.

9 декабря 2019 года в Париже, после трехлетнего перерыва, состоялась очередная встреча президентов Германии, России, Украины и Франции в нормандском формате. Традиционно участники встречи заявили, что Минские соглашения по-прежнему являются основой работы нормандского формата и их следует выполнять в полном объеме.

Умышленное затягивание Украиной переговорного процесса привело к значительно возросшему военному потенциалу страны, которая превратилась в угрозу для безопасности уже России. На территории Украины начали разворачиваться военные базы НАТО, в НАТО готовились принять и саму Украину.

В результате в совокупности с другими факторами, после того как замыслы западных покровителей Украины стали явными, Россия признала независимость ДНР²¹ и была вынуждена начать СВО²².

¹⁸ Назаренко К., Горовой В. ОБСЕ не нашла доказательств наличия российских войск на Украине // Известия [сайт]. 1 сентября 2014. URL: <https://iz.ru/news/576083> (дата обращения: 20.04.2025).

¹⁹ Ващенко В. «Мы не можем доказать присутствие на Донбассе российской армии» // Газета.ру. 10 июля 2017 г. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2017/07/10/10780424.shtml> (дата обращения: 20.04.2025).

²⁰ Закон Украины «Об особенностях государственной политики по обеспечению государственного суверенитета Украины на временно оккупированных территориях в Донецкой и Луганской областях» от 18 января 2018 года № 2268-VIII // Голос Украины. 23 февраля 2018 года.

²¹ Указ Президента Российской Федерации от 21.02.2022 № 71 «О признании Донецкой Народной Республики» URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202220002> (дата обращения: 23.02.2025).

²² Путин рассказал о причинах начала СВО на Украине // Газета.ру. 30 сентября 2024. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2024/09/30/24037987.shtml> (дата обращения: 23.02.2025).

Результаты исследования

В результате исследования деятельности Совета министров ДНР в 2014–2015 годах по организации обороны и обеспечению безопасности ДНР автор пришел к выводу, что в этот период Совет министров организовал эффективное военное строительство в ДНР: были сформированы органы управления, принята необходимая нормативная правовая база, даны дополнительные полномочия Президиуму Совета министров.

Эти меры позволили в течение короткого времени укомплектовать вооруженные формирования ополчения, организовать оборону и защиту мирного населения Донецка и других населенных пунктов ДНР, нанести ряд чувствительных поражений вооруженным формированиям Украины.

В статье приведены убедительные доказательства несостоятельности обвинений России в участии в боевых действиях в ДНР.

Заслуживает внимания опыт деятельности ЦУВ ДНР, который может быть использован в деятельности органов власти и управления Запорожской и Херсонской областей.

Список источников

1. Беззубко Л. В., Беззубко Б. И. Предпосылки и последствия военного конфликта на Донбассе // Основы экономики, управления и права. 2014. № 4 (16). С. 9–13.
2. Введенская В. В. Декларация о суверенитете Донецкой Народной Республики: историко-правовой контекст // Право Донецкой Народной Республики. 2018. № 3 (11). С. 10–18.
3. Введенская В. В. Зарождение государственности Донецкой Народной Республики: хронология украинского законодательства // Вопросы российского и международного права. 2016. Т. 6. № 11А. С. 27–38.
4. Введенская В. В. Совет Министров Донецкой Народной Республики как орган государственной исполнительной власти // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 9А. С. 5–24.
5. Введенская В. В. Центр управления восстановлением Донецкой Народной Республики как орган государственной исполнительной власти: возникновение, эволюция, итоги // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 4А. С. 7–18.
6. Введенская В. В., Груздев В. В., Шестак В. С. Система органов государственной исполнительной власти Донецкой Народной Республики в условиях военного положения. М.: Проспект. 2023. 472 с.
7. Гуцин А. В. Проблемы и перспективы урегулирования конфликта на Донбассе в 2014–2019 гг. // Вишеградская Европа. Центральноевропейский журнал. 2019. № 1-2. С. 83–94.
8. Дизер О. А. Система органов государственной исполнительной власти Донецкой Народной Республики в условиях военного положения. // Проблемы правоохранительной деятельности. 2023. № 2 (52). С. 57–60.
9. Калита В. Н. Невыполнение Минских соглашений: кто виноват и что делать? // Обозреватель – Observer. 2018. № 4 (339). С. 51–62.

10. Караман А. А. Распад Украины как следствие государственного переворота // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 3. С. 38–56. DOI: 10.33874/2072-9936-2023-0-3-38-56
11. Крутова Л. А. История Отечества: учеб. пособие. Донецк: ДонНТУ, 2019. 386 с.
12. Минские соглашения. Итоги 2015 года и перспективы урегулирования конфликта на Донбассе. Политические аспекты: аналитический доклад. М.: Центр политической конъюнктуры России, 2015. 26 с.
13. Очерки истории Донецкой Народной Республики / под ред. Л. Г. Шепко, В. В. Разумного, А. В. Колесника. Донецк, Москва: Перо, 2024. 259 с.
14. Сорокина Н. Д. Конфликт на юго-востоке Украины: история повторяется? // Теории и проблемы политических исследований. 2016. № 4. С. 119–134.
15. Суций С. Я. Военный конфликт на востоке Украины: демографические потери и сдвиги в национальной структуре населения Донбасса // Наука Юга России. 2016. Т. 12. № 2. С. 82–90.
16. Токарев А. А. Будущее Донбасса: сравнительный анализ российского, грузинского и молдавского опыта решения проблем с сепсциями // Регионоведение. 2016. № 3 (96). С. 30–48.
17. Хантингтон С. Ф. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Ю. Новикова. М.; СПб.: АСТ, 2003. 603 с.
18. Чернега В. Н. Конфликт на Украине: причины, перспективы урегулирования // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 2 (106). С. 42–67. DOI: 10.31249/ape/2020.02.02

References

1. Bezzubko L. V., Bezzubko B. I. Predposylki i posledstviya voennogo konflikta na Donbasse // Osnovy ekonomiki, upravleniya i prava. 2014. № 4 (16). S. 9–13.
2. Vvedenskaya V. V. Deklaratsiya o suverenitete Donetskoy Narodnoy Respubliki: istoriko-pravovoj kontekst // Pravo Donetskoy Narodnoy Respubliki. 2018. № 3 (11). S. 10–18.
3. Vvedenskaya V. V. Zarozhdenie gosudarstvennosti Donetskoy Narodnoy Respubliki: khronologiya ukrainskogo zakonodatel'stva // Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava. 2016. T. 6. № 11A. S. 27–38.
4. Vvedenskaya V. V. Sovet Ministrov Donetskoy Narodnoy Respubliki kak organ gosudarstvennoj ispolnitel'noy vlasti // Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava. 2017. T. 7. № 9A. S. 5–24.
5. Vvedenskaya V. V. Tsentr upravleniya vosstanovleniem Donetskoy Narodnoy Respubliki kak organ gosudarstvennoj ispolnitel'noy vlasti: vzniknovenie, evolyutsiya, itogi // Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava. 2017. T. 7. № 4A. S. 7–18.
6. Vvedenskaya V. V., Gruzdev V. V., Shestak V. S. Sistema organov gosudarstvennoj ispolnitel'noy vlasti Donetskoy Narodnoy Respubliki v usloviyakh voennogo polozheniya. M.: Prospekt, 2023. 472 s.
7. Gushin A. V. Problemy i perspektivy uregulirovaniya konflikta na Donbasse v 2014–2019 gg. // Vishegradskaya Evropa. Tsentral'noevropeyskiy zhurnal. 2019. № 1. S. 83–94.
8. Dizer O. A. Sistema organov gosudarstvennoj ispolnitel'noy vlasti Donetskoy Narodnoy Respubliki v usloviyakh voennogo polozheniya. // Problemy pravookhranitel'noy deyatel'nosti. 2023. № 2 (52). S. 57–60.

9. Kalita V. N. Nevypolnenie Minskikh soglasheniy: kto vinovat i chto delat'? // *Obozrevatel – Observer*. 2018. № 4 (339). S. 51–62.
10. Karaman A. A. Raspad Ukrainy kak sledstvie gosudarstvennogo perevorota // *Vestnik Rossiyskoy pravovoy akademii*. 2023. № 3. S. 38–56. DOI: 10.33874/2072-9936-2023-0-3-38-56
11. Krutova L. A. *Istoriya Otechestva: ucheb. posobie*. Donetsk: DonNTU, 2019. 386 s.
12. Minskie soglasheniya. Itogi 2015 goda i perspektivy uregulirovaniya konflikta na Donbasse. Politicheskie aspekty: analiticheskiy doklad. M.: Tsentr politicheskoy konyunktury Rossii, 2015. 26 s.
13. *Ocherki istorii Donetskoy Narodnoy Respubliki / pod red. L. G. Shepko, V. V. Razumnogo, A. V. Kolesnika*. Donetsk, Moskva: Pero, 2024. 259 s.
14. Sorokina N. D. Konflikt na yugo-vostoke Ukrainy: istoriya povtoryaetsya? // *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*. 2016. № 4. S. 119–134.
15. Sushhij S. Ya. Voenny konflikt na vostoke Ukrainy: demograficheskie poteri i sdvigi v natsional'noy strukture naseleniya Donbassa // *Nauka Yuga Rossii*. 2016. T. 12. № 2. S. 82–90.
16. Tokarev A. A. Budushhee Donbassa: sravnitel'ny analiz rossiyskogo, gruzinskogo i moldavskogo opyta resheniya problem s setsessiyami // *Regionologiya*. 2016. № 3 (96). S. 30–48.
17. Khantington S. F. *Stolknovenie tsivilizatsiy / per. s angl. Yu. Novikova*. M.; SPb.: AST, 2003. 603 s.
18. Chernega V. N. Konflikt na Ukraine: prichiny, perspektivy uregulirovaniya // *Aktual'nye problemy Evropy*. 2020. № 2 (106). S. 42–67. DOI: 10.31249/ape/2020.02.02

Статья поступила в редакцию: 15.01.2026;
одобрена после рецензирования: 15.02.2026;
принята к публикации: 05.03.2026.

The article was submitted: 15.01.2026;
approved after reviewing: 15.02.2026;
accepted for publication: 05.03.2026.

УДК 32, 34

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-262-52-65

А. В. Львов

Московский городской педагогический университет,

Москва, Российская Федерация,

lvovav@mgpu.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ОФИЦЕРСКИХ КАДРОВ РОССИЙСКОЙ АРМИИ В XVIII–XIX ВВ.

Аннотация. Статья посвящена вопросам, связанным со способами формирования офицерских кадров в русской армии в XVIII–XIX вв. Исследуются различные источники формирования рядов кадрового офицерства: путем получения военного образования, выслуги офицерского чина, привлечением в армию иностранных военнослужащих. Также рассматриваются производство в офицеры запаса, служба зауряд, переименования гражданских чинов в военные и другие. Подробно изучены порядок получения первого офицерского чина и связанные с этим процессом сложности. Освещены изменения в связи с переходом русской армии от рекрутского набора к всеобщей воинской повинности. Кроме того, затронуты вопросы, касающиеся льгот, которые на протяжении этого периода имели дворяне при производстве в офицерские чины.

Ключевые слова: армия; вооруженные силы; офицеры; чины; звания.

UDC 32, 34

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-262-52-65

A. V. Lvov

Moscow City University,

Moscow, Russian Federation,

lvovav@mgpu.ru

FORMATION OF OFFICERS IN THE RUSSIAN ARMY IN THE 18TH AND 19TH CENTURIES

Abstract. The article is devoted to the issues related to the methods of forming officer cadres in the Russian army in the 18th and 19th centuries. It examines various sources of forming the ranks of the officer corps, such as obtaining military education, serving as an officer, and recruiting foreign military personnel. The article also discusses the production of reserve officers, the service of ordinary officers, the conversion of civilian ranks into military ranks, and other aspects. The article provides a detailed analysis of the process of obtaining the first officer rank and the challenges associated with it. The article covers the changes associated with the transition of the Russian army from conscription to universal military service. In addition, the article addresses the privileges that nobles enjoyed during this period when they were promoted to officer ranks.

Keywords: army; armed forces; officers; ranks; titles.

Введение

Одной из важнейших проблем, стоявших у истоков формирования регулярной армии в России, была подготовка большого числа профессиональных кадровых офицеров. В течение достаточно короткого периода в России были созданы мощная армия и флот. Система военного образования постепенно совершенствовалась и была способна обеспечить кадрами не только вооруженные силы, но и другие отрасли государственного аппарата и сферы управления [14, с. 29].

Качество военной подготовки офицерских кадров во многом зависело от изменений в политических отношениях России с другими странами, войн, которые вело наше государство, поскольку они влияли на опыт ведения реальных боевых действий. Таким образом, российская армия, как и всякая другая, училась воевать не только в учебных заведениях, но и на поле боя. Ко второй половине XVIII в. русская армия стала одной из наиболее боеспособных в Европе; в офицерской среде утвердились боевые традиции, заложенные Петром I и продолженные П. А. Румянцевым, А. В. Суворовым, М. И. Кутузовым и другими полководцами. Уровень подготовки офицерского корпуса в армии и флоте существенно повысился.

В течение двух столетий в России были проведены реформы не только системы производства в офицерские чины, но и военно-учебных заведений, что существенно улучшило качество подготовки офицерских кадров. Во время реформ 1860-х гг. Д. А. Милютин много сделал для совершенствования системы военного образования, а также формирования кадров армии, повышения общеобразовательного уровня офицеров.

Основное исследование

У Петра I было четыре основных источника для формирования кадрового офицерства. Во-первых, как и его отец, он активно принимает офицеров иностранных армий в ряды российских вооруженных сил. Во-вторых, русский царь массово отправляет молодых дворян на обучение военному делу в европейские страны. Третьим источником было создание военно-учебных заведений и организация подготовки офицерских кадров непосредственно в России. Наконец, еще одним способом пополнения офицерских рядов была подготовка новых офицеров в полках гвардии [8, с. 32–34]. Но поскольку царь желал видеть основой офицерского корпуса русских дворян, первый источник оказался наименее популярным, тогда как последние два — наиболее востребованными. С 1700 г. подготовка офицеров становится регулярной и приобретает массовый характер. Так как большинство дворян имело хорошую кавалерийскую подготовку, старшие офицеры в кавалерии набирались из московских дворян, а младшие офицеры — из опытных старослужащих полков нового строя, рейтар

и копейщиков. В пехоте же старшие офицерские должности в основном оставались за иностранцами, а младшие — за дворянами [6, с. 51].

Производство в офицеры осуществлял Военный приказ, хотя присваивать первый офицерский чин могли как иные приказы, за которыми были закреплены отдельные полки, так и военачальники. Но в этом случае необходима была санкция Военного приказа [1, с. 241].

После начала Северной войны офицерский корпус стал пополняться тремя способами, ставшими позднее традиционными:

- 1) из рядовых, унтер-офицеров и юнкеров;
- 2) за счет выпускников военных училищ;
- 3) посредством перехода на русскую службу иностранных военных.

При этом происхождение человека, как правило, во внимание не принималось. Важен был боевой опыт и личные качества.

Другим способом пополнения офицерских рядов было производство из рядовых, унтер-офицеров и юнкеров. Этот способ полтора века был для русской армии основным. В XVIII в. наиболее важную роль здесь играли гвардейские полки, в которых рядовые и унтер-офицеры были выходцами исключительно из дворян. Кроме того, многие молодые дворяне начинали прохождение военной службы в рядовом и унтер-офицерском составе полков армии.

В 1737 г., через год, после того как Анна Иоанновна сделала дворянскую службу срочной, дворянских недорослей старше семи лет стали регистрировать в Герольдии. Достигнув двенадцати лет, при условии успешного прохождения проверки уровня образования, они попадали в учебное заведение. Там дворяне-подростки учились до шестнадцатилетнего возраста, после чего должны были вновь пройти проверку знаний. Те, кто при проверке показывал наилучшие результаты, могли быть зачислены в статскую службу. Все остальные еще на четыре года отправлялись для прохождения дальнейшего обучения по домам. По достижении двадцатилетнего возраста молодые дворяне приезжали в Герольдию, где их определяли на службу в армию. В случае, если до шестнадцати лет дворянский недоросль не получил требуемого образования, его определяли на флот матросом без права получения в дальнейшем офицерского чина. Напротив, если молодой дворянин имел хорошую подготовку и образование, он имел возможность достаточно быстро стать офицером¹.

Чтобы стать полковым офицером, дворянину нужно было после зачисления в полк предъявить свой аттестат, сдать специальный экзамен и предоставить рекомендацию от офицеров его полка. После этого он мог баллотироваться на чин. Если баллотировка проходила удачно, он получал искомый офицерский

¹ О явке недорослям в Санкт-Петербург к герольдмейстеру, а в губерниях к губернаторам для освидетельствования их в науках; о назначении им сроков к обучению и в определении их на места по достижении 20-летнего возраста от 9 февраля 1737 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Спб.: тип. Собств. е. и. в. канцелярии, 1830–1851 (далее — ПСЗРИ-1). Т. X. № 7171.

чин². Тот же порядок получения полкового офицерского чина действовал и для представителей других сословий. При счастливом стечении обстоятельств офицером мог стать взятый в рекрутчину крепостной крестьянин.

Уже при Петре I возникла и к середине XVIII в. получила определенное распространение практика зачисления дворянами своих новорожденных детей в армию солдатами [17, с. 129]³. В 1785 г. законом был утвержден запрет на зачисление малолетних дворян на военную службу⁴.

В следующий раз порядок производства в офицерские чины был изменен в 1762 г. после издания Петром III манифеста «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству». Дворяне обретали право вообще не служить, а получив это право, могли оставить вооруженные силы без достаточного числа кадровых офицеров. Вследствие этого были изменены правила получения первого офицерского чина. Целью изменений было повысить престиж офицерского звания и связанных с ним различных льгот.

Так, Инструкция конного полка полковнику 1766 г. устанавливала для дворян льготный порядок получения первого офицерского чина. Чтобы стать офицером, для дворянина не устанавливалось требуемого срока обязательной службы в низших чинах, тогда как сыну офицера или вольноопределяющегося [5, с. 29–30]⁵ необходимо было служить унтер-офицером 4 года, сыну солдата, подьячего или священника — 8 лет, а обычному рекруту — 12 лет⁶.

К концу XVIII в. в армии сложились два особых способа приобретения чинов. Первый предназначался исключительно для дворян. Второй — для выходцев из иных сословий.

Благодаря льготе дворянин, как правило, зачислялся в армию вне зависимости от наличия вакансии и сразу в унтер-офицерском звании. Правда в первые три месяца службы в полку такой дворянин, хотя и носил унтер-офицерский мундир, но считался рядовым. Впоследствии он получал звания подпрапорщика (юнкера) и портупей-прапорщика (в кавалерии — эстандарт-юнкера и фанен-юнкера). Дальнейший путь для получения первого офицерского чина был связан с наличием вакансии. В 1859 г. чины подпрапорщика, портупей-прапорщика, эстандарт-юнкера и фанен-юнкера были заменены чинами юнкера и портупей-юнкера [6, с. 60].

² О экзамене дворян и вольноопределяющихся, зачисленных в военную службу рядовыми, о сроках их службы в сем звании и о дальнейшем производстве их и увольнении от службы от 9 января 1858 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Спб.: Собств. е. и. в. канцелярии, 1830–1885 (далее — ПСЗРИ-2). Т. XXXIII. Отд. 1. № 32659.

³ О непроизводстве малолетних в офицеры без высочайшего указа от 8 марта 1762 года // ПСЗРИ-1. Т. XVI. № 11771.

⁴ О непринимании и незаписывании малолетних в военную службу от мая 1785 года // ПСЗРИ-1. Т. XXII. № 16209.

⁵ Вольноопределяющийся — лицо, поступившее добровольно на действительную военную службу нижним чином. После введения воинской повинности в 1874 г. вольноопределяющийся должен был иметь определенный уровень образования.

⁶ Инструкция конного полка полковнику — состоявшаяся по докладу Воинской комиссии от 14 января 1766 года // ПСЗРИ-1. Т. XVII. № 12543.

Представители недворянского сословия начинали службу в полку рядовыми, выслуживая чины унтер-офицера, старшего унтер-офицера и фельдфебеля (в кавалерии — вахмистра). Для приобретения офицерского чина им требовалось не только наличие вакансии, но и личные заслуги.

Такой порядок производства оказался настолько сложен, что в армейских и прежде всего в гвардейских полках возникло большое количество унтер-офицеров. Превышение штата унтер-офицеров в гвардии было огромным. В 1792 г. при штате в четыреста человек в гвардейских полках числилось более одиннадцати с половиной тысяч офицеров. Ситуация доходила до курьезов: например, в гвардейском Преображенском полку состояло более шести тысяч унтер-офицеров, тогда как рядовых было только три с половиной тысячи. Гвардейские унтер-офицеры нашли выход из этой ситуации, начав подавать прошения о переводе из гвардейских полков в армейские. Так как по Табели о рангах гвардеец имел перед военным преимущество в два чина, то, переходя в армию, гвардейские унтер-офицеры получали там чины прапорщиков и подпоручиков. Те же, кто имел чин фельдфебеля (сержанта) или вахмистра, становились поручиками и капитанами [16, с. 6].

При производстве в офицерский чин преимущество было у дворянина, имевшего самый большой срок выслуги унтер-офицером. Минимальный срок выслуги составлял не менее трех лет. Унтер-офицеры, которые были выходцами из иных сословий, получали офицерский чин, если имели срок выслуги и в полку не было унтер-офицеров из дворян.

В 1798 г. Павел I запретил производить лиц недворянского происхождения в офицеры, но уже в 1799 г. отменил это решение, предписав возводить в офицерское звание недворян, выслуживших положенный срок в звании фельдфебеля. Однако запрет на производство в первый офицерский чин неспособных нестроевых унтер-офицеров из недворян сохранялся⁷.

Во время войн, когда армия несла большие потери в офицерском составе, разрешалось упрощенное производство в офицеры без баллотировки⁸. Как правило, по окончании войны упрощенное производство прекращалось.

С 1806 г. льготы по производству в офицеры получили студенты университетов (как дворяне, так и разночинцы). В нижних чинах они служили

⁷ О непредставлении унтер-офицеров не из дворян не только в обер-офицеры, но и даже в портупей-прапорщики и в подпрапорщики от 17 апреля 1798 года // ПСЗРИ-1. Т. XXV. № 18486; О присылке при месячных рапортах о юнкерах, подпрапорщиках и унтер-офицерах послужных списков с отметкой о их достоинстве от 7 октября 1799 года // ПСЗРИ-1. Т. XXV. № 19143; О непредставлении неспособных нестроевых унтер-офицеров не из дворян к производству в офицеры от 21 апреля 1908 года // ПСЗРИ-1. Т. XXX. № 22977.

⁸ О произвождении в военное время капитанов в секунд-майоры, а унтер-офицеров в обер-офицеры без баллотирования от 17 января 1738 года // ПСЗРИ-1. Т. X. № 7487; О произвождении из капитанов в секунд-майоры и из унтер-офицеров в прапорщики на основании указа 1736 августа 2 от 3 ноября 1740 года // ПСЗРИ-1. Т. XI. № 8274; Утверждение для управления большой действующей армией от 27 января 1812 года // ПСЗРИ-1. Т. XXXII. № 24975. Гл. I. П. 8-9.

шесть месяцев: три месяца рядовыми и еще три месяца подпрапорщиками, после чего производились в офицеры даже при отсутствии вакансий⁹. В дальнейшем, после окончания Крымской войны, это право было расширено¹⁰.

В 1829 г. были приняты новые правила производства в первый офицерский чин¹¹. Для беспорочно служивших унтер-офицеров, которые были выходцами из разночинцев, солдатскими детьми или крестьянами, имели при этом должный опыт, способности и образование, срок выслуги офицерского чина определялся: в гвардии — 10 лет, в армии — 12 лет. Вольноопределяющемуся, как и ранее, нужно было выслужить унтер-офицером 4 года, а однодворцу — 6 лет. Производство осуществлялось по вакансии.

Унтер-офицеры из дворян для получения офицерского звания должны были выслужить два года. В случае, если дворянин-унтер-офицер был достоин офицерского звания, выслужил три года, но отсутствовала вакансия, он мог быть произведен в офицеры в другой дивизии и корпусе при наличии вакансии. При отсутствии вакансий все унтер-офицеры, представленные для получения офицерского чина, заносились в общий список, по которому при открытии вакансии и производилось в последующем производство в чин.

В отношении студентов университетов сохранялись прежние требования¹². Закончившие военные учебные заведения с неудовлетворительным результатом зачислялись в унтер-офицеры с правом последующего производства без экзамена.

Некоторые кандидаты перед получением чина должны были сдать служебный экзамен по установленной программе, которая зависела от рода войск и сословного происхождения [6, с. 58–59]¹³. Для унтер-офицеров-разночинцев, беспорочно прослуживших в гвардии двадцать лет, а в армии двадцать пять лет, экзамен первоначально сводился к проверке умения читать и писать. Однако с 1843 г. эта категория также была обязана сдавать экзамен на чин¹⁴. В случае успешной сдачи экзамена унтер-офицеры при наличии вакансии становились офицерами и приобретали права потомственного дворянства. Если после успешной сдачи экзамена унтер-офицер отказывался от производства в офицеры,

⁹ О производстве студентов университета из дворян, поступающих в военную службу, через шесть месяцев в офицеры от 3 июля 1806 года // ПСЗРИ-1. Т. XXIX. № 22199; О определении студентов университета не из дворян в военную службу на основании указа 1806 июля 3 от 3 ноября 1806 года // ПСЗРИ-1. Т. XXIX. № 22340.

¹⁰ О правах в военной службе магистров и кандидатов духовных академий, студентов семинарий и воспитанников институтов и гимназий от 28 июня 1856 года // ПСЗРИ-2. Т. XXXI. Отд. 1. № 30661.

¹¹ О правилах производства за выслугу лет в офицеры унтер-офицеров из дворян, вольноопределяющихся, однодворцев, разночинцев и крестьян от 18 мая 1829 года // ПСЗРИ-2. Т. IV. № 2874.

¹² О представлении студентов к производству в офицеры не иначе, как по шестимесячному сроку действительной их службы от 3 ноября 1829 года // ПСЗРИ-2. Т. IV. № 3272.

¹³ О приеме в военную службу дворян и вольноопределяющихся и производстве их в офицеры от 18 февраля 1840 года // ПСЗРИ-2. Т. XV. Отд. 1. № 13176.

¹⁴ О порядке испытания и производства в офицеры унтер-офицеров, служащих на двадцати двух и двадцати пятилетнем праве от 26 марта 1843 года // ПСЗРИ-2. Т. XVIII. Отд. 1. № 16654.

он навсегда терял свое право на производство, приобретая материальные выгоды в виде повышенного жалования, которое он в дальнейшем мог выслужить в пенсию. В случае несдачи экзамена (при обязательном умении читать и писать) унтер-офицер также получал повышенное жалование (но в меньшем размере, чем сдавший экзамен), которое он также мог выслужить в пенсию. При этом право на вторичную сдачу экзамена на офицерский чин сохранялось.

Если дворянин или вольноопределяющийся не смогли приобрести необходимых служебных познаний в течение двух сроков выслуги, они отправлялись в отставку, но могли, по желанию, остаться на службе в звании рядовых¹⁵. С 1838 г. производство в чин по вакансии стало считаться наградой¹⁶.

В период царствования Александра II в порядок производства в офицерский чин многократно вносились изменения. Преимущественно они касались сроков выслуги, сдачи служебного экзамена и вопросов вакансий [6, с. 60–61].

8 марта 1869 г. было принято новое Положение о поступлении в военную службу нижним чинам...¹⁷. Положение предоставило право поступления на военную службу выходцам из всех сословий. Все добровольно вступившие в армию получали единое наименование вольноопределяющихся, но делились на два разряда: 1) по образованию; 2) по происхождению.

В первом разряде состояли лица, имевшие высшее или среднее образование. Они получали чин унтер-офицера по прибытии в полк без сдачи экзамена. После двухмесячной строевой службы вольноопределяющийся по образованию мог получить офицерский чин. Для имевших среднее образование срок выслуги первого офицерского чина составлял один год.

Вольноопределяющимся, для того чтобы стать унтер-офицерами по происхождению, требовалась обязательная сдача экзамена на чин. При несдаче экзамена кандидат зачислялся в полк в звании рядового и по истечении одного года службы мог стать унтер-офицером. Также для них сохранялась возможность получить унтер-офицерский чин при успешной переэкзаменовке.

Вольноопределяющиеся по происхождению разделялись на несколько групп. Первую составляли выходцы из потомственных дворян. Для получения первого офицерского чина им требовалась выслуга в два года. Вторая состояла из личных дворян, потомственных и личных почетных граждан, а также их детей, купцов первых двух гильдий и их детей, детей священников, ученых, чиновников и др. Чтобы стать офицерами, этой группе требовалась выслуга

¹⁵ Об оставлении дворян и вольноопределяющихся, не приобретших в продолжении двух сроков нужных по службе познаний, по просьбах их на оной рядовыми от 17 декабря 1840 года // ПСЗРИ-2. Т. XV. Отд. 1. № 14059.

¹⁶ О считании наградю производство в чины на вакансии от 10 декабря 1838 года // ПСЗРИ-2. Т. XIII. Отд. 2. № 11835.

¹⁷ Высочайшеутвержденное Положение о поступлении в военную службу нижними чинами по собственному желанию, о производстве вообще нижних чинов в военные офицеры в пехотные и кавалерийские войска и в первый классный чин, и о преимуществах нижних чинов, выполнивших условия для производства в офицерский или классный чин, в ожидании производства от 8 марта 1869 года // ПСЗРИ-2. Т. XLIV. Отд. 1. № 46826.

в четыре года. Третью группу представляли выходцы из иных социальных слоев. От офицерского чина их отделял срок выслуги в шесть лет.

Вольноопределяющийся по образованию мог претендовать на получение офицерского чина как выпускник военного училища. Вольноопределяющиеся по происхождению могли стать офицерами в случае сдачи экзамена на чин при выпуске из юнкерского училища.

Самые тяжелые условия производства в офицеры были у тех, кто попал в армию в результате рекрутского набора. Им предстояло служить десять лет, из которых три года они были рядовыми, шесть лет — унтер-офицерами и один год — старшими унтер-офицерами. Если эти условия были соблюдены, кандидат получал право поступить в юнкерское училище. После сдачи экзамена на чин, до баллотировки, они получали звание портупей-юнкера.

Кроме того, в российской армии были кандидаты в офицеры от артиллеристов, военных инженеров, топографов, казаков и иных категорий. Для них как сроки выслуги, так и сами условия возведения в офицерское звание были другими. Для артиллеристов и военных инженеров весомую роль играло то, что они были на один ранг выше армейских чинов.

Когда в 1874 г. усилия Д. А. Милютина наконец дали свои плоды и рекрутский набор в России был заменен всеобщей воинской повинностью, условия приобретения первого офицерского чина были вновь изменены [2, с. 38–39]. Из вольноопределяющихся по образованию и по происхождению сохранилась только первая категория. Различие делалось по уровню полученного образования. Поступивший в армию вольноопределяющийся становился рядовым, но имевшие высшее образование должны были прослужить три месяца, среднее образование — шесть месяцев, а среднее неоконченное — два года. По истечении срока кандидаты на чин должны были сдавать экзамен по специально утвержденной программе [5, с. 29–30]¹⁸.

Для тех же, кто попал в армию по призыву, сроки выслуги чина зависели от срока службы. Если срок равнялся 6–7 годам, то выслуга была в два года. Если срок службы составлял 4 года, то выслуга сокращалась до года. Если же срок был менее четырех лет, то кандидатов производили в унтер-офицеры, как правило, сразу. Если призывник или вольноопределяющийся желал стать юнкером, то возможность поступления в училище ему гарантировалась. По мере преобразования подготовки юнкеров, к началу XX столетия, львиная их доля получала офицерский чин при успешной сдаче выпускных экзаменов.

Еще одним особым способом получения офицерского чина было производство в офицеры запаса. Здесь также играл роль образовательный ценз. По Временному положению о прапорщиках запаса пехоты и кавалерии 1886 г. лица, имевшие как минимум шестилетнее гимназическое образование, могли при желании сдать экзамен на чин прапорщика запаса. Получившие этот чин

¹⁸ О введении общей воинской повинности от 1 января 1874 года // ПСЗРИ-2. Т. XLIX. Отд. 1. № 52983; О приеме вольноопределяющихся в войска от 19 марта 1874 года // ПСЗРИ-2. Т. XLIX. Отд. 1. № 53284. Гл. XII.

зачислялись в запас на 12 лет и должны были дважды отзываться на учебные сборы, продолжавшиеся полтора месяца [10, с. 76]¹⁹.

Положение о зауряд-прапорщиках 1891 г. давало право сдачи экзамена на первый офицерский чин унтер-офицерам сверхсрочной службы, вольноопределяющимся 1-го разряда, фельдфебелям и старшим унтер-офицерам, если они уже фактически занимали вакантную офицерскую должность [10, с. 76; 13, с. 127, 159–160]²⁰. Для пополнения офицерских рядов этого оказалось недостаточно, и в 1895 г. все нижние чины, относящиеся к 1-му разряду, должны были сдавать экзамен на чин прапорщика запаса в обязательном порядке. Вольноопределяющимся полагалось сдать экзамен до увольнения в запас. Лица, относившиеся ко 2-му и 3-му разрядам, сначала должны были сдавать экзамен на ефрейтора и унтер-офицера, специальный экзамен по строевой подготовке и только потом — экзамен на чин [10, с. 76–77]²¹.

Способ производства в офицеры по окончании военно-учебного заведения, который в итоге стал основным, утверждался достаточно долго вследствие заложенной Петром I традиции обязательной службы будущих офицеров в качестве рядовых и унтер-офицеров. Поэтому окончание военно-учебного заведения не связывалось с обязательным присвоением первого офицерского чина. Главной целью первых военных школ было предоставление учащимся необходимых специальных знаний. По окончании большинства учебных заведений выпускники становились унтер-офицерами с правом первостепенного производства в офицеры. Количество учреждений, выпускавших офицеров, было ограничено. Как правило, чины их выпускникам давали в зависимости от успеваемости. Основная масса учеников получала низший офицерский чин; лучшим выпускникам давались чины чуть более высокие, а худшие становились унтер-офицерами. С 1830 г. офицерский чин начали присваивать всем выпускникам кадетских корпусов и военных училищ. Неуспевающие, как и прежде, становились унтер-офицерами²².

Единственными военно-учебными заведениями, выпускники которых долгое время не производились в офицеры сразу после окончания учебы, были юнкерские училища. Выпускники получали звания подпрапорщиков, эстандарт-юнкеров и подхорунжих. Положение изменилось только в 1901 г., когда их стали производить в офицеры тем же порядком, что и выпускников военных

¹⁹ Приказ по военному ведомству № 37 // Приказы по военному ведомству за 1894 г. СПб., 1894.

²⁰ Зауряд-прапорщик (с 1891 по 1912 гг.) — высшее воинское звание для унтер-офицеров. См. Высочайше утвержденные Положения: I. О зауряд-прапорщиках армии, и II. О зауряд-военных чиновниках от 3 мая 1891 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб.: Гос. тип., 1885–1916 (далее — ПСЗРИ-3). Т. XI. № 7662; Приказы по военному ведомству № 137, 198 // Приказы по военному ведомству за 1891 г. СПб., 1891.

²¹ Приказ по военному ведомству № 171 // Приказы по военному ведомству за 1895 г. СПб., 1895; Приказ по военному ведомству № 239 // Приказы по военному ведомству за 1897 г. СПб., 1897; Приказ по военному ведомству № 198 // Приказы по военному ведомству за 1899 г. СПб., 1899.

²² Высочайше утвержденное Общее положение для военно-учебных заведений второго класса от 20 апреля 1830 года // ПСЗРИ-2. Т. V. Отд. 1. № 3615.

училищ, но зачисляя при этом в пехотные и кавалерийские части. Выпускников юнкерских училищ делили на разряды по результатам выпускных экзаменов. Также обращалось внимание на поведение и качество строевой подготовки. Отнесенные к 1-му разряду становились подпоручиками или корнетами с годом старшинства в чине. Причисленные ко 2-му разряду получали те же чины без старшинства. Оказавшиеся в 3-м разряде — чин унтер-офицера с правом производства без сдачи экзамена через год службы и с согласия строевого начальства [18, с. 396–397].

В последней четверти XIX в. выпускники военно-учебных заведений при выпуске получали звание подпоручика (корнета). Преимущества для лучших выпускников стали выражаться в сроках производства в следующий чин. Новое Положение о военных училищах, изданное в 1894 г., закрепило и упорядочило сложившийся порядок присвоения первого офицерского звания выпускникам военных училищ²³.

Во время Первой мировой войны единственный чин, который присваивался выпускникам военно-учебных заведений, был чин прапорщика. Произошло это в связи с переходом военных училищ на ускоренный срок обучения. Тот же чин присваивали открытые ввиду огромных потерь в офицерском составе школы прапорщиков [6, с. 92–93, 145; 9, с. 24–26].

Пополнение командных кадров осуществлялось также за счет приглашения офицеров иностранных армий. Приглашение офицеров в русскую армию приобрело массовый характер в XVII в. Однако уже к концу XVII столетия подавляющее большинство офицеров в армии были русскими [1, с. 239]. Кроме того, уровень подготовки многих иностранцев, попавших на военную службу в России, оказался очень низким вследствие как неопытности лиц, осуществлявших набор, так и крайнего дефицита профессиональных офицерских кадров [4, с. 411–416; 7, с. 199; 15, с. 225, 228].

В начале XVIII в. был законодательно закреплён порядок приглашения иностранцев в российскую армию. Царские посланцы, вербовавшие иностранцев, предлагали кандидатам заключить договор, в котором определялось назначаемое воинское звание и размер жалования. Предписывалось оказывать предпочтение тем кандидатам, кто знал какой-либо славянский язык. Тех, кто был согласен с условиями вербовки, отправляли сначала в Посольский приказ (где иностранец проходил регистрацию, за ним закреплялся чин и жалованье), а затем в Военный приказ (для регистрации, назначения на должность и выдачи жалованья [1, с. 240])²⁴. Впоследствии среди приглашенных в армию

²³ Высочайше утвержденное Положение о военных училищах от 19 октября 1894 года // ПСЗРИ-3. Т. XIV. № 11007; О применении к лицам, подлежащим производству в офицеры казачьих войск, правил о порядке выпуска в офицеры воспитанников военно-учебных заведений и порядка производства в офицеры лиц, выдержавших экзамен в юнкерских училищах от 27 июля 1885 года // ПСЗРИ-3. Т. V. № 3142.

²⁴ О вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания от 10 апреля 1702 года // ПСЗРИ-1. Т. IV. № 1910.

иностранцев проводились регулярные чистки, целью которых было избавиться от наиболее неквалифицированных офицеров. Петр I также предписал временно понижать в рангах иностранцев, поступивших на русскую службу. Это правило не действовало в отношении тех иностранцев, кто оставался служить в России пожизненно. В 1723 г. вышел законодательный запрет на вербовку российских подданных в иностранные армии²⁵.

При Анне Иоанновне доля иностранных офицеров в армии существенно возросла. Если в 1733 г. иностранцев запретили производить в обер-офицерские чины без императорского указа, то указ 16 января 1736 г., напротив, разрешал производить иностранцев на вакансии до штаб-офицерского чина без «высочайшего разрешения»²⁶.

В царствование Елизаветы I число иностранцев в армии оставалось достаточно большим, но прием их на российскую службу был резко ограничен. Петр III вновь стал массово приглашать в русскую армию иностранцев, потребность в которых особенно усилилась после принятия манифеста «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству».

Екатерина II вновь ограничила прием иностранцев в армию и ввела для них новые, более жесткие правила. Иностранных офицеров брали на службу только в том чине, который они могли подтвердить патентом, полученным от «коронованных глав». В противном случае они понижались в чине [3, с. 443]. Новый приток иностранцев в конце XVIII в. был связан с волной французской эмиграции, вызванной событиями Французской революции²⁷. Однако установленные Екатериной II условия приема иностранцев в русскую армию сохранялись и в XIX в. При этом после наполеоновских войн случаи приема иностранных офицеров в русскую армию стали единичными. Прием осуществлялся с понижением на один чин; исключения делались только на основании императорских указов. С 1844 г. уволенных из русской армии иностранцев больше на службу не принимали. В 1899 г. все законы о порядке приема иностранцев на российскую службу утратили юридическую силу [6, с. 71; 11, с. 1207]²⁸.

²⁵ О производстве в чины офицеров сухопутных по Морскому регламенту и о принятии волонтеров в службу из иноземцев чином ниже противу российских подданных от 24 февраля 1722 года // ПСЗРИ-1. Т. VI. № 3913; О высылке из Риги прусского сержанта, который вербовал людей и о запрещении впредь таким приходиться от 14 июня 1723 года // ПСЗРИ-1. Т. VII. № 4247.

²⁶ О принятии уволенных иностранных инженерных офицеров в службу по инженерной части теми же чинами от 24 февраля 1730 года // ПСЗРИ-1. Т. VIII. № 5504; О неопределении иноземцев в обер-офицеры без особенного о том именного указа от 17 мая 1733 года // ПСЗРИ-1. Т. IX. № 6404; О дозволении определять иностранцев на вакантные места до штаб-офицерского чина, не испрашивая высочайшего разрешения от 16 января 1736 года // ПСЗРИ-1. Т. IX. № 6866.

²⁷ О принятии корпуса принца Конде в службу Его Императорского Величества от 27 ноября 1797 года // ПСЗРИ-1. Т. XXIV. № 18255; О роспуске принца Конде от 23 февраля 1800 года // ПСЗРИ-1. Т. XXVI. № 19292.

²⁸ О неопределении в российскую службу иностранцев, однажды из оной уволенных от 11 мая 1844 года // ПСЗРИ-2. Т. XIX. Отд. 1. № 17915.

Существовал еще один весьма незначительный источник пополнения офицерских кадров. В очень редких случаях в армию зачисляли гражданских чиновников. Так как с момента утверждения Табели о рангах и до 1845 г. первый офицерский чин делал его обладателя потомственным дворянином; звания чиновников, происходивших из иных сословий, просто переименовывались в офицерские чины. Делалось это, однако, исключительно с особого разрешения царствующей персоны [6, с. 72]. Согласно манифесту Петра III «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству», если подавший в отставку офицер поступал затем на гражданскую службу, а через какое-то время желал вновь вернуться в армию, он мог это сделать, причем в том чине, который соответствовал его чину, полученному на гражданской службе. Однако в этом случае офицер мог выслужить следующий чин только после того, как его получали все офицеры, которые также имели на него право выслуги, но при этом оставались только на военной службе²⁹.

Результаты исследования

В XVIII–XIX вв. в подготовке офицерских кадров для армии и флота были достигнуты несколько важнейших целей. Прежде всего была закреплена и стала основной возможностью формировать офицерские кадры благодаря созданию ряда военно-учебных заведений и повышению уровня образования командных кадров. Уделялось больше внимания боевому опыту офицеров и их личным качествам. По мере расширения социальной базы, из которой пополнялись ряды офицерского корпуса, повышалась роль военного образования, которое после реформ второй половины XIX в. стало более доступным для выходцев из различных слоев общества [12, с. 1222–1223].

Сохраняло свое значение пополнение офицерского состава армии из рядов полковых унтер-офицеров. Принимаемые меры были результативны, так как потребности армии в кадровых офицерах в значительной степени удовлетворялись. Однако наиболее качественную подготовку как в области военной теории, так и в общеобразовательной сфере получали не более 10 % подготовленных офицерских кадров. Основная часть этих офицеров обычно занимала различные должности в высших эшелонах военного управления.

Список источников

1. Автократов В. Н. Военный приказ: к истории комплектования и формирования войск в России в начале XVIII в. // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 228–245.
2. Бенда В. Н., Леонов Е. А. Мобилизационные резервы и запасные войска в русской армии в рамках военных реформ 60-х – 70-х гг. XIX века // История и современное мировоззрение. 2024. Т. 6. № 1. С. 33–41.

²⁹ О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству от 18 января 1762 года // ПСЗРИ-1. Т. XV. № 11444.

3. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII в. М.: Воениздат, 1958. 645 с.
4. Веселаго Ф. Ф. Очерк русской морской истории. Ч. I. СПб.: тип. Демакова, 1875. 701 с.
5. Военная энциклопедия. Т. VII. СПб.: Т-во И. Д. Сытина, 1912. 320 с.
6. Волков С. В. Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. 367 с.
7. Елагин С. И. История русского флота. Период Азовский. СПб.: тип. Гогенфельдена и Ко, 1864. 412 с.
8. История Северной войны 1700–1721 гг. / И. И. Ростунов [и др.]. М.: Наука, 1987. 212 с.
9. Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917–1920 гг. М.: Наука, 1988. 276 с.
10. Кунжаров Е. М. Подготовка офицеров запаса в российской армии в конце XIX – начале XX вв. (на материалах Восточной Сибири) // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2010. № 2 (2). С. 75–80.
11. Литвинова В. В. История военного образования в царской России XVII–XVIII веков: Основные этапы и их специфика // Вестник науки. 2026. Т. 3. № 1 (94). С. 1199–1214.
12. Литвинова В. В. Образовательный и воспитательный процесс в военных учебных заведениях Российской империи // Вестник науки. 2026. Т. 3. № 1 (94). С. 1215–1226.
13. Львов А. В. История отечественной государственной службы: учеб. пособие. М.: МГПУ, 2018. 208 с.
14. Пашенцев Д. А. Государственные преобразования петровского времени через призму историко-антропологической теории права (к 300-летию провозглашения Российской империи) // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2021. № 1 (41). С. 27–34.
15. Рабинович М. Д. Формирование регулярной русской армии накануне Северной войны // Вопросы военной истории России. XVII и первая половина XIX веков. М.: Наука, 1969. С. 221–233.
16. Столетие Военного министерства (1802–1902). Т. 4. Ч. 3. Отд. 3а. Чинопроводство по военному ведомству / сост. А. В. Никифоров. СПб.: тип. П. Ф. Пантелеева, 1912. 326 с.
17. Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М.: Наука, 1974. 394 с.
18. Энциклопедический словарь Брокгауза и Евфрона. Т. XLI. СПб.: тип. акц. общ. Брокгауз-Эфрон, 1904. С. 396–397.

References

1. Avtokratov V. N. Voenny prikaz: k istorii komplektovaniya i formirovaniya voysk v Rossii v nachale XVIII v. // Poltava. K 250-letiyu Poltavskogo srazheniya. M.: Izd-vo AN SSSR, 1959. S. 228–245.
2. Benda V. N., Leonov E. A. Mobilizatsionnye rezervy i zapasnie voyska v russkoy armii v ramkakh voennykh reform 60–70 gg. XIX veka // Istoriya i sovremennoe mirovozrenie. 2024. Т. 6. № 1. S. 33–41.
3. Beskrovny L. G. Russkaya armiya i flot v XVIII v. M.: Voениzdat, 1958. 645 s.
4. Veselago F. F. Ocherk russkoj morskoj istorii. Ch. I. Spb.: tip. Demakova, 1875. 701 s.

5. Voennaya entsiklopediya. T. VII. SPb.: T-vo I. D. Sytina, 1912. 320 s.
6. Volkov S. V. Russkiy ofitserkiy korpus. M.: Voenizdat, 1993. 367 s.
7. Elagin S. I. Istoriya russkogo flota. Period Azovskiy. SPb.: tip. Gogenfeldena i Ko, 1864. 412 s.
8. Istoriya Severnoy voyni 1700–1721 gg. / I. I. Rostunov [I dr.]. M.: Nauka, 1987. 212 s.
9. Kavtaradze A. G. Voennye spetsialisti na sluzhbe Respubliki Sovetov, 1917–1920 gg. M.: Nauka, 1988. 276 s.
10. Kunzharov E. M. Podgotovka ofitserov zapasa v rossiyskoy armii v kontse XIX – nachale XX vv. (na materialakh Vostochnoy Sibiri) // Problemy sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri. 2010. № 2 (2). S. 75–80.
11. Litvinova V. V. Istoriya voennogo obrazovaniya v tsarskoy Rossii XVII–XVIII vekov: Osnovnie etapi i ikh spetsifika // Vestnik nauki. 2026. T. 3. № 1 (94). S. 1199–1214.
12. Litvinova V. V. Obrazovatelny i vospitatelny protsess v voennykh uchebnykh zavedeniyakh Rossiyskoy imperii // Vestnik nauki. 2026. T. 3. № 1 (94). S. 1215–1226.
13. Lvov A. V. Istoriya otechestvennoy gosudarstvennoy sluzhby: ucheb. posobie. M.: MGPU, 2018. 208 s.
14. Pashentsev D. A. Gosudarstvennye preobrazovaniya petrovskogo vremeni cherez prizmu istoriko-antropologicheskoy teorii prava (k 300-letiyu provozglasheniya Rossiyskoy imperii // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2021. № 1 (41). S. 27–34.
15. Rabinovich M. D. Formirovanie regulyarnoy russkoy armii nakanune Severnoy voyni // Voprosy voennoy istorii Rossii. XVII i pervaya polovina XIX vekov. M.: Nauka, 1969. S. 221–233.
16. Stoletie Voennogo ministerstva (1802–1902). T. 4. Ch. 3. Otd. 3a. Chinoproizvodstvo po voennomu vedomstvu / sost. A. V. Nikiforov. SPb.: tip. P. F. Panteleeva, 1912. 326 s.
17. Troitskiy S. M. Russkiy absolyutizm i dvoryanstvo v XVIII v. M.: Nauka, 1974. 394 s.
18. Entsiklopedicheskiy slovar Brokgauza i Evfrona. T. XLI. SPb.: tip. akts. obsh. Brokgauz-Efron, 1904. S. 396–397.

Статья поступила в редакцию: 15.01.2026;
одобрена после рецензирования: 15.02.2026;
принята к публикации: 05.03.2026.

The article was submitted: 15.01.2026;
approved after reviewing: 15.02.2026;
accepted for publication: 05.03.2026.

УДК 340.1

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-262-66-72

И. Р. Метшин

Мэрия города Казани,
Казань, Российская Федерация,
gorduma.kazan@tatar.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ КОЧЕВЫХ И ОСЕДЛЫХ ВОСТОЧНЫХ НАРОДОВ В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (НА ПРИМЕРЕ КАЛМЫКОВ И БУРЯТ)

Аннотация. В статье выявляются формы и методы, использованные правительством Российской империи при интеграции калмыцкого и бурятского народов. Показана роль правовых актов, устанавливавших особенности системы управления у «восточных инородцев». Подчеркивается, что одной из главных задач было взимание налогов и податей с кочевых и оседлых народов, включаемых в состав империи. Выявлены особенности политики властей империи по совершенствованию системы управления народами, проживавшими в восточной части государства. Такая политика способствовала успешному развитию вошедших в состав России народов, а также была направлена на укрепление государственного единства.

Ключевые слова: государственное единство; калмыцкий народ; бурятский народ; Российская империя; местное управление.

UDC 340.1

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-262-66-72

I. R. Metshin

The City Hall of Kazan,
Kazan, Russian Federation,
gorduma.kazan@tatar.ru

FEATURES OF THE LEGAL INTEGRATION OF NOMADIC AND SETTLED EASTERN PEOPLES INTO THE RUSSIAN EMPIRE (USING THE EXAMPLE OF KALMYKS AND BURYATS)

Abstract. The article identifies the forms and methods used by the government of the Russian Empire in the integration of the Kalmyk and Buryat peoples. The role of legal acts that established the features of the management system of the “eastern foreigners” is shown. It is emphasized that one of the main tasks was to collect taxes and taxes from nomadic and settled peoples included in the empire. The peculiarities of the policy of the imperial authorities to improve the system of governance of the peoples living in the eastern part of the state

are revealed. Such a policy contributed to the successful development of the peoples that became part of Russia, and was also aimed at strengthening state unity.

Keywords: state unity; Kalmyk people; Buryat people; Russian Empire; local government.

Введение

В условиях диалектического взаимодействия процессов глобализации и регионализации в современном мире, а также активизации деструктивных тенденций, направленных на разрушение сложившихся национальных государств, важнейшее значение приобретают вопросы государственного единства. Его укрепление с помощью права предполагает обращение к историческим урокам, к тому историко-правовому опыту, который был накоплен в эпоху Российской империи. Расширяясь, империя включала в свой состав все новые народы, и перед ней стояла задача интегрировать их в единое правовое пространство, организовать на новых территориях эффективную систему управления [10]. Этот уникальный опыт может быть в некоторой степени использован и в современном многонациональном российском государстве, а для этого требуется его тщательное научное осмысление. Особый интерес представляют формы и методы правовой интеграции оседлых и кочевых народов, населявших восточные регионы страны и отличавшихся разнообразием быта и обычаев.

Методы исследования

В статье использованы общенаучные методы анализа и синтеза. Исследование законодательных актов Российской империи проводилось с применением формально-юридического метода. Обращение к прошлым эпохам определило необходимость использования историко-правового метода.

Основное исследование

Интеграция народов, проживавших на востоке Российской империи и не имевших длительного опыта развития собственной государственности, отличалась определенной спецификой по сравнению с населением центра и западных окраин. Несмотря на единый термин «восточные инородцы», введенный в законодательство по инициативе М. М. Сперанского, эти народы отличало разнообразие в образе жизни, способах ведения хозяйства и обычаях. Задачей государства, неразрывно связанной с проблемой укрепления единства страны, стало обеспечение интеграции этих народов в единое политико-правовое пространство.

Примером политики интеграции, выбора соответствующих форм и средств применительно к кочевым и полукочевым народам может служить ситуация

с калмыками. Их правовой статус в период Российской империи можно интерпретировать в категориях общего и особенного. С одной стороны, он определялся теми нормами, которые устанавливало законодательство применительно к восточным инородцам. С другой стороны, по мере перехода к оседлости и укоренения в составе государства калмыки получили ряд прав и привилегий [1]. Это связано с общей направленностью политики государства, которое было заинтересовано в переходе кочевого населения к оседлому образу жизни. Кроме того, поощрялся и переход нехристианских народов в православие, что было вызвано официальным статусом Русской православной церкви в Российской империи. Такая политика нашла отражение в Уставе об управлении инородцев (1822 г.)¹. Данный правовой акт ограничивал передвижение кочевых народов по территории государства, обязав получать специальное разрешение в случае длительных отлучек; сохранял возможность исповедовать собственную религию; предусматривал свободный переход инородцев в разряд оседлых. Важным моментом следует считать разрешение инородцам получать образование. Они могли отдавать детей в государственные школы и создавать собственные учебные заведения с разрешения губернатора [2]. Создание школ, как и легальных молитвенных домов, можно считать одной из форм контроля государства за этими народами, так как такой контроль легче было осуществлять за легальными, чем скрытыми формами от властей.

Особенности статуса калмыков, которые активно переходили от кочевого к оседлому образу жизни, первоначально регулировались Уставом об управлении инородцев, с 1825 г. — Правилами для управления калмыцкого народа². Принятие этих правил исследователи характеризуют как «очередной этап заключительного периода включения калмыков в общероссийскую политико-административную систему, охватывающего последнюю четверть XVIII в. и первую половину XIX в.» [8, с. 76]. Согласно правилам, территория Калмыкии была отнесена не к губерниям, а объявлена областью в составе Астраханской губернии. В качестве окружного органа управления было создано Главное зарго как апелляционный суд по отношению к улусным судам. На уровне улусов рассматривались дела бытового характера и мелкие уголовные дела. В каждом улусе вводились частные или улусные приставы, которые не должны были вмешиваться во внутреннее управление калмыков, занимаясь сбором сведений для главного пристава о жизни в улусах.

В Правилах имелся определенный пробел — они не отражали факт существования аймачного управления как нижнего звена системы управления у калмыков³. Следствием этого, по мнению К. Н. Максимова, стало бесправие простого калмыцкого народа, исключенного из системы самоуправления, в ряде

¹ Устав об управлении инородцев // Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ). 22 июля 1822 г. № 29126. Собр. 1. Т. XXXVIII. С. 397.

² Правила для управления калмыцкого народа // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXVI. № 20037.

³ Аймак — родоплеменное, позже административное образование у ряда тюркских народов, в том числе калмыков.

случае лишенного правосубъектности [7, с. 171–172]. Учитывая сословный характер Российского государства того времени, сложившуюся в обществе ситуацию, а также сохранение традиционной системы взаимоотношений у калмыков, требовать от властей наделения всеми демократическими правами нижних слоев калмыцкого общества не представлялось возможным, это противоречило бы всем принципам организации жизнедеятельности социума в эпоху империи.

С 1834 г. Калмыкия управлялась на основе нового нормативного правового акта — специального Положения об управлении калмыцким народом⁴. Новый акт был призван улучшить управление калмыками, пресечь развитие возможных коррупционных связей с местными чиновниками.

В 1847 г. была принята новая редакция Положения об управлении калмыцким народом⁵. Сопоставляя две редакции и считая их разными правовыми актами, И. К. Очир-Гаряева отмечает, что «два правовых акта представляют в совокупности единый свод законов, единую программу. Если первое “Положение” в основных чертах закладывало правовую основу Калмыкии и подводило базу под политическое и общественное ее развитие, то второе “Положение” создавало дополнительные правовые нормы в этих же целях» [9, с. 7].

Местный орган управления был представлен улусным управлением [9, с. 7]. На этот орган были возложены и полицейские функции. В каждом калмыцком улусе создавался судебный орган — зарго, который, согласно законодательным нормам, заседал не реже чем раз в неделю. Порядок судопроизводства был подробно регламентирован Положением 1847 г. Крупные имущественные споры передавались для разрешения в вышестоящий судебный орган — Астраханскую палату уголовного и гражданского суда. Таким образом, улусные суды — зарго были в некоторой степени интегрированы в единую судебную систему Российской империи, что способствовало формированию единого пространства правоприменения. Характерно, что улусные суды должны были заниматься примирением сторон, они опирались на сложившиеся у калмыков обычаи, что соответствовало, например, практике волостных судов, существовавших у русского крестьянского населения центральных губерний.

Как и во многих других случаях, местное управление у калмыков было организовано с использованием прежних родовых институтов и привлечением калмыцкой знати. Аймаками управляли зайсанги, утверждаемые губернатором⁶. В итоге сохранение родовых традиций управления сочеталось с включением соответствующих институтов в единую вертикаль власти. Переход родовой знати в православие поощрялся материально, с помощью большой единовременной выплаты. Зайсанги, как и нойоны, приравнивались в правах к дворянству. Е. А. Команджаев и Ц. Ц. Колдаева позитивно оценивают сохранение ряда

⁴ Положение об управлении калмыцким народом. 24 ноября 1834 г. // ПСЗРИ. Собр. II. Т. IX. № 7560а.

⁵ Положение об управлении калмыцким народом. 23 апреля 1847 г. // ПСЗРИ. Собр. II. Т. XXII. № 21144.

⁶ Зайсанг — наследственный владетель улуса, представитель родовой знати.

традиционных узаконений у калмыков после их вхождения в состав России: «Войдя в состав России, калмыки привнесли в нее собственные традиционные институты власти, что в середине XVII в. способствовало быстрейшему становлению у них государственности, которая подчеркнула культурную обособленность калмыков, что, в свою очередь, являлось важнейшим элементом формирования и осознания национальной идентичности» [6, с. 35].

Еще одним регионом, где применялись сходные подходы к политике интеграции, стала Бурятия. Ее территория присоединялась к России постепенно, в период с середины XVII до первой трети XVIII в. После губернской реформы Екатерины II бурятские земли вошли в состав Иркутского наместничества⁷, при этом местная знать получила свободу в осуществлении суда и управления у бурятского народа, допускалось наследование должностей у иноверцев.

Преобразования сибирского управления, предпринятые по инициативе М. М. Сперанского, затронули и Бурятию, которая вошла в состав Иркутской губернии. Согласно Учреждениям для управления Сибирских губерний, на уровне инородческого управления были установлены три ступени организации власти: родовое управление, инородная управа, степные думы. Степная дума возглавляла несколько объединенных родов, а во главе родового управления стояли выборные старосты.

Основными задачами Степной думы, как установлено в Уставе 1822 г., являлись: «1) народоисчисление; 2) раскладка сборов; 3) правильный учет всех сумм и общественного имущества; 4) распространение земледелия и народной промышленности; 5) ходатайство у высшего начальства о пользах родовичей»⁸. В то же время, как показывают данные, проанализированные учеными, «важнейшим направлением деятельности Степной думы был сбор податей и повинностей деньгами, взыскание недоимок, составление отчетности перед вышестоящей администрацией» [5, с. 293].

В 1851 г. указом Сената в составе Иркутской губернии была учреждена Забайкальская область. «Своеобразие региона выразилось в создании упрощенной системы управления, в которую были включены военный губернатор, областное правление, инспектор по медицинской части, областной прокурор» [11, с. 7].

Важной задачей местного управления в Забайкалье, прежде всего Степных дум, как и в других районах Сибири, стало взимание налогов и податей. Участвовали Степные думы и в решении социальных проблем населения, собирая средства на благотворительность, занимаясь развитием первичной медицинской помощи.

Выстраивание сибирского управления по модели, заложенной М. М. Сперанским, по мнению ученых, позволяла «сочетать три важнейших составляющих российской государственности: а) унификацию управления народами Сибири; б) введение этнического самоуправления с нормами обычного права; в) сохранение

⁷ Указ «Об устройстве Иркутского наместничества» // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXI. С. 875.

⁸ Устав об управлении инородцев // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXXVIII. № 29126. С. 401.

главенства имперского законодательства» [4, с. 22]. Все это объективно было направлено на укрепление государственного единства Российской империи.

В конце XIX – начале XX в. продолжалось совершенствование политики государства в сторону унификации системы управления на всей территории империи. Управление сибирскими народами сближалось с управлением крестьянством. Специализированные структуры инородческого управления постепенно ликвидировались [3, с. 312]. В результате были упразднены Степные думы в Енисейской и Иркутской губерниях. Вместо них создавались новые, более гибкие административные единицы — инородные управы, что позволяло постепенно выстраивать вертикаль власти.

Результаты исследования

Исследование особенностей правовой интеграции кочевых и оседлых народов восточной части Российской империи показывает высокую динамику этих процессов. Законодательство, устанавливавшее систему управления на таких территориях и статус проживавшего там населения, постоянно развивалось и совершенствовалось. Шел непрерывный поиск новых моделей управления, совершенствование правовых норм. Эти процессы характеризовались сочетанием традиционных институтов власти и права, сложившихся у данных народов, и выстраивания необходимой в российских условиях властной вертикали, способной обеспечить эффективное управление и пресечь возможные попытки сепаратизма. Такая политика способствовала успешному развитию вошедших в состав России народов, их приобщению к более развитой культуре, достижениям цивилизации и ее благам, а также была направлена на укрепление государственного единства.

Список источников

1. Андреева Н. Н. Особенности порядка управления калмыками в составе Российской империи (1825–1834 гг.) // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2011. № 2. С. 100–106.
2. Андреева Н. Н. Правовой статус восточных инородцев по законодательству Российской империи (1822–1905 гг.). М.: МГПУ, 2019. 180 с.
3. Дамешек Л. М., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. Бурятский этнос в имперской системе власти (XIX – начало XX в.). Иркутск: Отгис, 2020. 739 с.
4. Дамешек Л. М., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. Местное самоуправление бурят в XIX – начале XX в.: от степных дум к волостным правлениям // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2018. Т. 23. С. 22–35.
5. Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. Из истории Тункинской Степной думы, органа местного самоуправления тункинских бурят (1824–1889 гг.) // Власть. 2024. Т. 32. № 6. С. 290–295.
6. Команджаев Е. А., Колдаева Ц. Ц. Калмыцкое ханство как государственное образование // Вестник Калмыцкого университета. 2024. № 4 (64). С. 34–40.

7. Максимов К. Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.). М.: Наука, 2002. 523 с.
8. Манджикова Л. Б. Архивные документы фонда И-2 «Комиссия калмыцких дел. 1825–1836 гг.» Национального архива Республики Калмыкия как источник по изучению истории государственных учреждений в дореволюционной Калмыкии (некоторые вопросы организации делопроизводства) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 2. С. 70–87.
9. Очир-Гаряева И. К. Правовой обзор традиционных систем управления // Право и государство: теория и практика. 2014. № 1 (109). С. 6–9.
10. Пашенцев Д. А. Исторический опыт правового регулирования межнациональных отношений в Российской империи // Вопросы истории. 2021. № 12-5. С. 229–236.
11. Хлыстов Е. А. Бурятия в составе Российской империи: государственно-правовой аспект // Отечественная юриспруденция. 2018. № 5 (30). С. 5–10.

References

1. Andreyanova N. N. Osobennosti poryadka upravleniya kalmykami v sostave Rossiyskoy imperii (1825–1843 gg.) // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2011. № 2. S. 100–106.
2. Andreyanova N. N. Pravovoy status vostochnykh inorodtsev po zakonodatel'stvu Rossiyskoy imperii (1822–1905 gg.). M.: MGPU, 2019. 180 s.
3. Dameshek L. M., Zhalsanova B. S., Kuras L. V. Buryatskiy etnos v imperskoy sisteme vlasti (XIX – nachalo XX v.). Irkutsk: Ottisk, 2020. 739 s.
4. Dameshek L. M., Zhalsanova B. S., Kuras L. V. Mestnoe samoupravlenie buryat v XIX – nachale XX v.: ot stepnykh dum k volostnym pravleniyam // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. 2018. T. 23. S. 22–35.
5. Zhalsanova B. S., Kuras L. V. Iz istorii Tunkinskoy Stepnoy dumy, organa mestnogo samoupravleniya tunkinskiy buryat (1824–1889 gg.) // Vlast'. 2024. T. 32. № 6. S. 290–295.
6. Komandzhaev E. A., Koldaeva S. S. Kalmytskoe hanstvo kak gosudarstvennoe obrazovanie // Vestnik Kalmyckogo universiteta. 2024. № 4 (64). S. 34–40.
7. Maksimov K. N. Kalmykiya v natsional'noy politike, sisteme vlasti i upravleniya Rossii (XVII–XX vv.). M.: Nauka, 2002. 523 s.
8. Mandzhikova L. B. Arkhivnye dokumenty fonda I-2 «Komissiya kalmyckih del. 1825–1836 gg.» Natsional'nogo arhiva Respubliki Kalmykiya kak istochnik po izucheniyu istorii gosudarstvennykh uchrezhdeniy v dorevolyutsionnoy Kalmykii (nekotorye voprosy organizatsii deloproizvodstva) // Byulleten' Kalmyckogo nauchnogo tsentra RAN. 2022. № 2. S. 70–87.
9. Ochir-Garyaeva I. K. Pravovoy obzor traditsionnykh sistem upravleniya // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2014. № 1 (109). S. 6–9.
10. Pashentsev D. A. Istoricheskiy opyt pravovogo regulirovaniya mezhnatsional'nykh otnosheniy v Rossiyskoy imperii // Voprosy istorii. 2021. № 12-5. S. 229–236.
11. Khlystov E. A. Buryatiya v sostave Rossiyskoy imperii: gosudarstvenno-pravovoy aspekt // Otechestvennaya yurisprudentsiya. 2018. № 5 (30). S. 5–10.

Статья поступила в редакцию: 15.01.2026;
одобрена после рецензирования: 15.02.2026;
принята к публикации: 05.03.2026.

The article was submitted: 15.01.2026;
approved after reviewing: 15.02.2026;
accepted for publication: 05.03.2026.

УДК 340.13

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-262-73-81

М. М. Степанов

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация,
stepanovtao@mail.ru

И. В. Шахновская

Полоцкий государственный университет им. Евфросинии Полоцкой,
Новополоцк, Республика Беларусь,
i.shakhnovskaya@psu.by

ПРАВОВОЙ МОНИТОРИНГ В РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В работе рассматривается текущее состояние института правового мониторинга в Российской Федерации. Особое внимание уделяется выявлению и анализу причин, приведших к снижению значения правового мониторинга как технологии, используемой для повышения эффективности правового регулирования. Предлагаются меры, направленные на совершенствование применения правового мониторинга (мониторинга правоприменения), с учетом возможностей современных цифровых технологий и опыта Республики Беларусь. Некоторые из наиболее серьезных проблем, значительно снижающих эффективность правового мониторинга, могут быть решены путем внесения изменений в законодательство Российской Федерации и внедрения цифровых технологий в процесс подготовки и проведения мониторинга правоприменения.

Ключевые слова: правовое регулирование; правовой мониторинг; мониторинг правоприменения; юридическая технология; правотворчество; правовые акты; правоприменение.

UDC 340.13

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-262-73-81

M. M. Stepanov

Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation,
stepanovtao@mail.ru

I. V. Shakhnovskaya

Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk,
Novopolotsk, Republic of Belarus,
i.shakhnovskaya@psu.by

LEGAL MONITORING IN RUSSIA IN MODERN CONDITIONS: PROBLEMS AND PROSPECTS

Abstract. The paper examines the current state of the institute of legal monitoring in the Russian Federation. Special attention is paid to identifying and analyzing the reasons that led to a decrease in the importance of legal monitoring as a technology used to improve the effectiveness of legal regulation. The measures aimed at improving the application of legal monitoring (law enforcement monitoring) are proposed, taking into account the capabilities of modern digital technologies and the experience of the Republic of Belarus. Some of the most serious problems that significantly reduce the effectiveness of legal monitoring can be solved by making changes to the legislation of the Russian Federation and introducing digital technologies into the process of preparing and conducting law enforcement monitoring.

Keywords: legal regulation; legal monitoring; law enforcement monitoring; legal technology; law-making; legal acts; law enforcement.

Введение

Правовой мониторинг как юридическая технология, направленная на совершенствование действующего законодательства путем выявления его дефектов и их последующего устранения, является ровесником XXI в. Разработка его теории и методологии применения началась в начале 2000-х гг. и была обусловлена потребностями юридической практики [1, с. 141–142]. В то время в российском обществе, пережившем реформы 90-х гг., возник запрос на укрепление государственной власти, восстановление режима законности и правопорядка, поддержанный новым политическим руководством страны [5]. Важную роль в решении этих задач должно было сыграть адекватное и эффективное правовое регулирование, для повышения качества которого предлагалось использовать систематическое и комплексное наблюдение за разработкой и реализацией юридических норм.

Однако опыт применения правового мониторинга показал, что его возможности по совершенствованию правовой сферы весьма ограничены. Во многом это обусловлено тем, что разработанная научным сообществом концепция правового мониторинга была воплощена в жизнь лишь частично. Например, не реализованы предложения о проведении мониторинга правотворческого процесса и качества нормативных правовых актов, о создании федерального центра правового мониторинга, об установлении статуса результатов правового мониторинга [3, с. 30, 35, 38]. В России используется только один его вид — мониторинг правоприменения, эффективность использования которого в настоящее время является невысокой.

В то же время представляется, что правовой мониторинг обладает значительным потенциалом, а мониторинг правоприменения, учитывая возможности современных технологий и использование опыта зарубежных стран, является перспективной юридической технологией.

Методы исследования

При проведении исследования использовалась материалистическая диалектика как основной метод научного познания, а также анализ, синтез и другие общенаучные методы. Частнонаучные методы — формально-юридический и сравнительно-правовой — применялись при изучении особенностей законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь. Кроме того, использовалась современная методология, характерная для постнеклассической научной рациональности [6; 7].

Основное исследование

В отечественной юридической науке отсутствует единая точка зрения на определение понятия «правовой мониторинг». С современных методологических позиций представляется оправданным использовать максимально широкий подход, в рамках которого правовой мониторинг — это «регулярная комплексная аналитико-оценочная деятельность, включающая наблюдение, анализ, обобщение, оценку информации о качестве принимаемых и действующих нормативно-правовых актов, практике их применения, разработке предложений об устранении выявленных недостатков нормотворчества и правоприменения, прогнозирование направлений развития правового регулирования соответствующей сферы общественных отношений» [2, с. 75].

Таким образом, содержание правового мониторинга — это исследование ряда важнейших элементов отечественной правовой системы: нормотворческой деятельности, правовых актов и их реализации (включая правоприменение) с точки зрения их качества и эффективности; выявление имеющихся

в этих сферах дефектов, а также разработка мер по их устранению; юридическое прогнозирование. В этом заключается основное отличие разделяемой нами точки зрения от узкого подхода, в рамках которого правовой мониторинг рассматривается только как вид контроля над нормотворчеством.

Представляется, что ограничение сферы правового мониторинга лишь вопросами нормотворческой деятельности не вполне отвечает целям этого института — созданию эффективного механизма правотворчества, повышению качества нормативных актов и их реализации. Также за рамками узкого подхода остается определение степени урегулированности общественных отношений, выявление наличия дефектов в правовом регулировании, разработка мер по их устранению. В то же время очевидно, что оценка и совершенствование правотворческой деятельности является важной предпосылкой создания качественных нормативных актов и повышения эффективности их реализации (в том числе в ходе правоприменительной деятельности).

Значительную роль в создании теории правового мониторинга сыграли Совет Федерации РФ и Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (далее — Институт). В Совете Федерации вопросами правового мониторинга вначале занималась действовавшая в период с 2002 по 2007 г. Комиссия по методологии реализации конституционных полномочий Совета Федерации, а затем Центр мониторинга законодательства и правоприменительной практики (Центр мониторинга права). В Институте был создан отдел мониторинга законодательства (в настоящее время действует лаборатория правового мониторинга и социологии права) и проведен ряд исследований, заложивших основу современного подхода к его пониманию [8; 9]. Научное освоение проблематики правового мониторинга осуществляется в Институте и в настоящее время [4].

Наличие разработанной доктрины правового мониторинга в Российской Федерации не сопровождается ее соответствующим нормативным закреплением. В России отсутствует системная правовая основа его проведения. Не принят законодательный акт, регламентирующий отношения в этой сфере, отсутствует и комплексное подзаконное регулирование. В отечественном законодательстве на федеральном уровне получил закрепление только мониторинг правоприменения. При этом правовую основу его осуществления образуют подзаконные акты (Указ Президента Российской Федерации от 20.05.2011 № 657 (далее — Указ)¹ и Постановление Правительства Российской Федерации от 19.08.2011 № 694²).

Многолетняя практика проведения мониторинга правоприменения в России показала, что существует ряд факторов, снижающих его эффективность.

¹ Указ Президента РФ от 20.05.2011 № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» (вместе с «Положением о мониторинге правоприменения в Российской Федерации») // Собрание законодательства РФ. 2011. № 21. Ст. 2930.

² Постановление Правительства РФ от 19.08.2011 г. № 694 «Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 35. Ст. 5081.

Одним из них, оказывающим негативное влияние и на процедуру проведения, и на использование результатов мониторинга, является отсутствие у него системной правовой основы и закрепления его положений на законодательном уровне. Очевидно, что имеющееся на данный момент нормативное регулирование проведения правового мониторинга не соответствует современным потребностям.

В связи с этим представляется возможным обратиться к зарубежному опыту. Так, в Республике Беларусь в 2018 г. был принят закон «О нормативных правовых актах»³, который в числе прочего законодательно закрепил роль правового мониторинга в правовой системе государства. Основные положения, связанные с его применением, содержатся в статье 75 данного законодательного акта. В ней указывается, что правовой мониторинг — это деятельность по систематическому анализу и оценке качества законодательства, практики правоприменения, эффективности правового регулирования общественных отношений. Также правовой мониторинг упоминается в вышеуказанном законе еще в ряде статей, что говорит о важности и востребованности этой юридической технологии в Республике Беларусь (статьи 38, 42, 43, 45).

Еще одним существенным недостатком процедуры проведения правового мониторинга в Российской Федерации является необязательность учета его результатов, отсутствие в действующем федеральном законодательстве нормы, обязывающей заинтересованных субъектов их использовать. Так, в Указе закреплено, что Правительству РФ в своей законопроектной деятельности необходимо учитывать предложения, подготовленные по результатам мониторинга Министерством юстиции РФ (подпункт «в» пункта 3, пункт 13). При этом механизм контроля над реализацией данного положения в Российской Федерации отсутствует.

В то же время в правовых актах, непосредственно регламентирующих нормотворческий процесс, правовой мониторинг практически не упоминается. В Регламенте Правительства РФ⁴ о правовом мониторинге говорится только один раз — в разделе, регулирующем его нормотворческую деятельность («IV. Порядок внесения в Правительство и рассмотрения проектов актов»). В пункте 60 отмечается, что на проекты нормативных правовых актов Минюст России дает заключение, в котором может быть отражена информация о результатах мониторинга правоприменения изменяемых норм.

В Регламенте Государственной думы РФ⁵ правовой мониторинг упоминается также только один раз — в пункте «к» части 2 статьи 19. Данный пункт

³ Закон Республики Беларусь от 17.07.2018 № 130-З «О нормативных правовых актах» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 2/2568.

⁴ Постановление Правительства РФ от 01.06.2004 № 260 «О Регламенте Правительства Российской Федерации и Положении об Аппарате Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 23. Ст. 2313.

⁵ Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22.01.1998 № 2134-ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 801.

наделяет комитеты Государственной думы полномочиями по проведению анализа практики применения законодательства.

Таким образом, содержащиеся в отечественном федеральном законодательстве положения, касающиеся использования результатов мониторинга правоприменения в нормотворческой деятельности, носят рекомендательный характер. Очевидно, что такой подход не способствует тому, чтобы правовой мониторинг шире использовался в нормотворчестве и оказывал на него какое-либо заметное влияние.

Наконец, еще одним значимым недостатком сложившейся в Российской Федерации процедуры проведения мониторинга правоприменения, существенно снижающим эффективность этой юридической технологии, является отсутствие оперативности в его проведении и представлении результатов.

В соответствии с Указом проект плана мониторинга на следующий год разрабатывается Министерством юстиции до 1 августа текущего года (пункт 9). Предложения к проекту данного плана представляются в Минюст соответствующими субъектами до 1 июня (пункт 8). Доклады о результатах мониторинга правоприменения за предыдущий год предоставляются в Министерство юстиции также до 1 июня (пункт 12). На их основе до 1 августа текущего года Минюст готовит предложения к плану законопроектной деятельности Правительства РФ на следующий год (пункты 13, 15).

Таким образом, от момента планирования проведения правового мониторинга до момента реализации его результатов в виде разработанного законопроекта в лучшем случае (если имеющиеся пробелы или противоречия в правовом регулировании будут признаны значимыми, определена необходимость разработки соответствующего проекта законодательного акта для их устранения и эта позиция будет включена в ближайший план законопроектной деятельности Правительства Российской Федерации) пройдет от двух до трех лет. При этом следует учитывать, что подготовленный законопроект может быть отправлен на доработку, а после направления в Государственную думу должен будет пройти все этапы российского законотворческого процесса, что также может занять достаточно много времени.

Решение указанных выше проблем возможно. Для этого следует предпринять следующие шаги:

1. Урегулировать отношения, связанные с проведением правового мониторинга на законодательном уровне.
2. Внести в регламенты Правительства и Государственной думы Российской Федерации положения, в соответствии с которыми результаты проведения правового мониторинга (мониторинга правоприменения), если они, конечно, имеются, должны входить в обязательный перечень сопроводительных документов к законопроекту, наряду с пояснительной запиской, финансово-экономическим обоснованием и другими необходимыми документами.
3. Активно использовать при подготовке и в процессе проведения правового мониторинга цифровые технологии. Так, повышение скорости организации

проведения правового мониторинга и подведения его итогов уже сейчас возможно путем использования программных средств электронного межведомственного взаимодействия. Например, в Москве с 2019 г. в деятельности органов исполнительной власти города, Аппарата Мэра и Правительства Москвы и подведомственных им организаций используется автоматизированная информационная система «Согласование документов»⁶. А на федеральном уровне с осени 2024 г. внедряется государственная информационная система «Национальная единая среда взаимодействия участников нормотворческого процесса»⁷. Обе информационные системы направлены на улучшение межведомственного взаимодействия и сокращение сроков рассмотрения и подготовки проектов правовых актов.

Результаты исследования

В последние годы наблюдается существенное снижение роли правового мониторинга в отечественной правовой системе. Ярким проявлением этой тенденции стало внесение в 2023 г. в Указ изменений, в соответствии с которыми ежегодные доклады о результатах мониторинга правоприменения перестали подготавливаться и представляться президенту РФ. В настоящее время правовой мониторинг настолько прочно вошел в практику деятельности органов государственной власти, что стал рассматриваться в качестве ее неотъемлемого атрибута и технологии, ставшей привычной и неспособной дать каких-либо значимых результатов.

Однако следует учитывать, что, во-первых, в отечественной юридической практике не был реализован ряд положений доктрины правового мониторинга и конкретных предложений, направленных на повышение его эффективности. Во-вторых, в России используется только мониторинг правоприменения, который не способен дать тех результатов, которые могли бы быть получены при проведении правового мониторинга как комплексной аналитико-оценочной деятельности. В-третьих, как уже было отмечено выше, некоторые из наиболее серьезных проблем, значительно снижающих эффективность правового мониторинга (мониторинга правоприменения), могут быть решены при наличии соответствующей политической воли. Для этого следует внести изменения в законодательство Российской Федерации и активно внедрять цифровые технологии в процесс подготовки и проведения мониторинга правоприменения, что значительно повысило бы оперативность его осуществления, а значит, актуальность и значимость его результатов.

⁶ Постановление Правительства Москвы от 25.09.2019 № 1239-ПП «Об автоматизированной информационной системе «Согласование документов» (вместе с «Положением об автоматизированной информационной системе «Согласование документов») // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2019. № 55.

⁷ Постановление Правительства РФ от 11.09.2024 № 1230 «Об утверждении Положения о государственной информационной системе «Национальная единая среда взаимодействия участников нормотворческого процесса» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 38. Ст. 5640.

Список источников

1. Арзамасов Ю. Г. Идеиные истоки правового мониторинга и роль ученых ИЗиСП в становлении теории эффективности правового регулирования // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 11. С. 140–158. DOI: 10.61205/jrp.2023.134
2. Глазкова М. Е., Нанба С. Б. Оценка эффективности действия нормативно-правовых актов: современные подходы // Журнал российского права. 2011. № 9 (177). С. 73–80.
3. Горохов Д. Б., Спектор Е. И., Глазкова М. Е. Правовой мониторинг: концепция и организация // Журнал российского права. 2007. № 5 (125). С. 25–38.
4. Емельянов А. С. Мониторинг и контроль в механизме стратегического планирования // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 8. С. 61–75. DOI: 10.12737/jrl.2021.099
5. Маручек А. А., Степанов М. М. Некоторые уроки реформаторства в России и современность // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 9. С. 17–21. DOI: 10.18572/1813-1247-2020-9-17-21
6. Пашенцев Д. А. Антропоцентризм как преодоление нарратива в историко-правовых исследованиях // Московский юридический журнал. 2022. № 3. С. 44–50. DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-44-50
7. Пашенцев Д. А. Конструктивизм в современной юридической науке // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2022. № 1 (45). С. 16–22. DOI: 10.25688/2076-9113.2022.45.1.02
8. Правовой мониторинг: актуальные проблемы теории и практики / Д. Б. Горохов [и др.]; под ред. Н. Н. Черногора. М.: Международный юридический институт, 2010. 231 с.
9. Правовой мониторинг: науч.-практ. пособие / под ред. Ю. А. Тихомирова, Д. Б. Горохова. М.: Юриспруденция, 2009. 415 с.

References

1. Arzamasov Yu. G. Ideynye istoki pravovogo monitoringa i rol` uchenykh IZiSP v stanovlenii teorii effektivnosti pravovogo regulirovaniya // Zhurnal rossiyskogo prava. 2023. T. 27. № 11. S. 140–158. DOI: 10.61205/jrp.2023.134
2. Glazkova M. E., Nanba S. B. Otsenka effektivnosti deystviya normativno-pravovykh aktov: sovremennye podkhody // Zhurnal rossiyskogo prava. 2011. № 9 (177). S. 73–80.
3. Gorokhov D. B., Spektor E. I., Glazkova M. E. Pravovoy monitoring: kontseptsiya i organizatsiya // Zhurnal rossiyskogo prava. 2007. № 5 (125). S. 25–38.
4. Emelyanov A. S. Monitoring i kontrol v mekhanizme strategicheskogo planirovaniya // Zhurnal rossiyskogo prava. 2021. T. 25. № 8. S. 61–75. DOI: 10.12737/jrl.2021.099
5. Maruchek A. A., Stepanov M. M. Nekotorye uroki reformatorstva v Rossii i sovremennost` // Gosudarstvennaya vlast` i mestnoe samoupravlenie. 2020. № 9. S. 17–21. DOI: 10.18572/1813-1247-2020-9-17-21
6. Pashentsev D. A. Antropotsentriзм kak preodolenie narrativa v istoriko-pravovykh issledovaniyakh // Moskovskiy yuridicheskiy zhurnal. 2022. № 3. S. 44–50. DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-44-50
7. Pashentsev D. A. Konstruktivizm v sovremennoy yuridicheskoy nauke // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2022. № 1 (45). S. 16–22. DOI: 10.25688/2076-9113.2022.45.1.02

8. Pravovoy monitoring: aktual`nye problemy teorii i praktiki / D. B. Gorokhov [i dr.]; pod red. N. N. Chernogora. M.: Mezhdunarodnyi yuridicheskiy institut, 2010. 231 s.

9. Pravovoy monitoring: nauch.-prakt. posobie / pod red. Yu. A. Tikhomirova, D. B. Gorokhova. M.: Yurisprudentsiya, 2009. 415 s.

Статья поступила в редакцию: 15.01.2026;
одобрена после рецензирования: 15.02.2026;
принята к публикации: 05.03.2026.

The article was submitted: 15.01.2026;
approved after reviewing: 15.02.2026;
accepted for publication: 05.03.2026.

УДК 341.1

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-262-82-94

Е. А. Певцова

Российский государственный университет народного хозяйства им. В. И. Вернадского,
Москва, Российская Федерация,
mail@rgunh.ru

КОСМИЧЕСКИЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ ВЗГЛЯД

Аннотация. Статья посвящена исследованию теоретико-правовой природы космических правоотношений в контексте современного международного и национального космического права. Проводится сравнительный анализ российского и западного (преимущественно американского и европейского) подходов к регулированию космической деятельности с 2015 года. Особое внимание уделяется фундаментальным расхождениям в интерпретации принципа неприсвоения, правового статуса космических ресурсов и роли частных субъектов в космической деятельности. Автор анализирует теоретические основания космических правоотношений, включая концепции правового пространства, мобильных территорий и вертикального суверенитета, разработанные российской доктриной. Исследуются противоречия между мультилатеральным подходом России и плюрилатеральными инициативами Запада («Соглашения Артемиды»). Делается вывод о необходимости выработки универсального международно-правового режима использования космических ресурсов.

Ключевые слова: космические правоотношения; международное космическое право; принцип неприсвоения; космические ресурсы; Договор о космосе 1967 года; «Соглашения Артемиды»; доктрина космического права.

UDC 341.1

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-262-82-94

E. A. Pevtsova

Vernadsky Russian State University of National Economy,
Moscow, Russian Federation,
mail@rgunh.ru

SPACE LEGAL RELATIONS: A THEORETICAL AND LEGAL VIEW

Abstract. The article is devoted to the study of the theoretical and legal nature of space legal relations in the context of modern international and national space law. A comparative analysis of Russian and Western (mainly American and European) approaches to regulating space activities has been conducted since 2015. Special attention is paid to fundamental differences in the interpretation of the principle of non-appropriation, the legal status of space resources and the role of private actors in space activities. The author analyzes the theoretical foundations of space legal relations, including the concepts of legal space, mobile territories and vertical sovereignty, developed by the Russian doctrine. The contradictions between Russia's multilateral approach and the plurilateral initiatives of the West («Artemis Agreements») are investigated. It is concluded that it is necessary to develop a universal international legal regime for the use of space resources.

Keywords: space legal relations; international space law; the principle of non-appropriation; space resources; the 1967 Outer Space Treaty; «Artemis Agreements»; the doctrine of space law.

Введение

Космические правоотношения представляют собой одну из наиболее динамично развивающихся областей современного международного права. С момента начала космической эры и принятия в 1967 году Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (далее — Договор 1967 года), правовое регулирование космической деятельности прошло значительный путь эволюции. Однако именно в последнее десятилетие, начиная с 2015 года, наметился существенный разрыв между различными правовыми подходами к регулированию освоения космоса. Активное развитие космических технологий, вовлечение частного капитала и обострение международной конкуренции в космосе обусловили качественное изменение характера космических правоотношений. Если во второй половине XX века космическое право формировалось преимущественно как сфера публичного международного права, ориентированная на предотвращение конфликтов и обеспечение мирного использования космического пространства, то с середины 2010-х годов на первый план выходят вопросы коммерческого освоения, добычи ресурсов и национального правового регулирования.

В этих условиях особую актуальность приобретает теоретико-правовой анализ космических правоотношений, позволяющий выявить глубинные различия правовых философий и доктринальных подходов различных государств. Российская и западная правовые школы демонстрируют принципиально разные ответы на вопрос о допустимых пределах интерпретации Договора 1967 года, соотношении международного и национального права, а также о правовой природе космических ресурсов.

Теоретико-правовой анализ космических правоотношений требует не только изучения действующих международных договоров и национального законодательства, но и глубокого осмысления фундаментальных правовых категорий: правосубъектности, суверенитета, юрисдикции, права собственности применительно к космическому пространству. Особую актуальность приобретает вопрос о правовой природе космических ресурсов и допустимости их коммерческого использования частными субъектами. Настоящая статья ставит своей целью проведение сравнительного анализа российского и западного правовых подходов к регулированию космической деятельности через призму теории правоотношений, выявление ключевых доктринальных расхождений и оценку перспектив формирования единого международно-правового режима использования космического пространства.

Основное исследование

Космические правоотношения как особая категория международного права. Современные космические правоотношения опираются на фундаментальные принципы, закрепленные в Договоре 1967 года. К числу базовых относятся принцип неприсвоения космического пространства и небесных тел, принцип свободы исследования и использования космоса, а также концепция космического пространства как общего достояния человечества (common heritage of mankind).

Принцип неприсвоения (ст. II Договора 1967 года) традиционно рассматривается как краеугольный камень международного космического права. Он исключает возможность распространения государственного суверенитета на космическое пространство и небесные тела любыми способами: путем провозглашения, использования или оккупации. В классической доктрине данный принцип трактовался широко, охватывая не только территориальные притязания, но и любые формы исключительного контроля над космическими объектами и ресурсами.

Российская правовая наука разработала ряд оригинальных теоретических конструкций для объяснения специфики космических правоотношений. В частности, теория правового пространства исходит из сочетания международных и национальных начал в регулировании космической деятельности. Существенное место занимает концепция подвижных территорий (космические

станции, пилотируемые корабли, искусственные спутники), через которые реализуются элементы юрисдикции и суверенных прав государства без нарушения принципа неприсвоения.

Отдельного внимания заслуживает теория вертикального суверенитета, направленная на разграничение воздушного пространства, находящегося под полным и исключительным суверенитетом государства, и космического пространства, в котором суверенитет исключен. Эта теория имеет не только теоретическое, но и прикладное значение для определения пределов юрисдикции и ответственности государств.

Таким образом, космические правоотношения представляют собой систему общественных отношений, урегулированных нормами международного и национального права, возникающих в связи с исследованием и использованием космического пространства, включая Луну и другие небесные тела. Отметим, что с теоретико-правовой точки зрения космические правоотношения обладают рядом специфических черт, отличающих их от иных международно-правовых отношений.

Во-первых, космические правоотношения характеризуются гибридным характером правового регулирования. Несмотря на то что основу космического права составляют нормы публичного международного права, закрепленные в международных договорах, растущая роль частных субъектов в космической деятельности обуславливает необходимость интеграции элементов частного права в регулятивный механизм. Данная тенденция отражает общий процесс диверсификации субъектного состава космической деятельности: от государственной монополии к многоакторной модели с участием коммерческих корпораций, международных организаций и, потенциально, физических лиц.

Во-вторых, космические правоотношения функционируют в условиях экстерриториальности. Космическое пространство не подлежит национальному присвоению, что исключает применение к нему традиционных территориальных принципов международного права. Это порождает сложные вопросы определения юрисдикции и установления применимого права к отношениям, возникающим в космосе. Российская правовая доктрина предложила концепцию правового пространства как особой сферы действия правовых норм, где переплетаются национальные и международные императивы.

В-третьих, космические правоотношения отличаются высокой степенью технологической обусловленности. Правовые нормы вынуждены постоянно адаптироваться к стремительному развитию космических технологий, что создает феномен правового отставания, когда право не успевает за технологическим прогрессом. Это особенно актуально в контексте появления новых видов космической деятельности: добычи космических ресурсов, создания постоянных поселений на небесных телах, космического туризма, использования искусственного интеллекта в автономных космических системах.

Фундаментальные принципы международного космического права.

В доктрине космические правоотношения традиционно квалифицируются

как отношения, регулируемые нормами публичного международного права. Однако развитие коммерческой космической деятельности привело к формированию гибридной правовой природы, сочетающей элементы международного публичного права, международного частного права и национального законодательства.

С одной стороны, государства сохраняют ключевую роль в качестве носителей международной ответственности и субъектов, обязанных давать разрешение и осуществлять постоянный надзор за деятельностью негосударственных субъектов (ст. VI Договора 1967 года). С другой стороны, частные компании становятся фактическими участниками космических правоотношений, что объективно требует признания за ними определенного объема прав и обязанностей.

Особо дискуссионным является вопрос о правовом режиме космических ресурсов. Договор о космосе не содержит прямого ответа на вопрос о допустимости возникновения права собственности на извлеченные ресурсы. Это породило конкурирующие интерпретации: от признания ресурсов неотделимыми от космического пространства до допущения их правового отчуждения после извлечения.

Договор 1967 года установил систему базовых принципов, образующих фундамент современного космического права, которые определяют правовой режим космического пространства и формируют теоретическую основу космических правоотношений.

Принцип неприсвоения (*non-appropriation principle*), закрепленный в статье II, провозглашает, что космическое пространство, включая Луну и другие небесные тела, не подлежит национальному присвоению ни путем провозглашения на них суверенитета, ни путем использования или оккупации, ни любыми другими средствами. Этот принцип является краеугольным камнем космического права, однако его интерпретация в современных условиях вызывает острые дискуссии.

Ключевой теоретический вопрос заключается в следующем: распространяется ли запрет присвоения только на территориальный суверенитет над небесными телами или также на право собственности в отношении космических ресурсов? Российская доктрина традиционно придерживается расширительной интерпретации, рассматривая космические ресурсы как общее достояние (*res communis*), не подлежащее частному присвоению. Западная правовая мысль, напротив, проводит разграничение между запретом территориальной аннексии и допустимостью приобретения прав собственности на добытые ресурсы [2].

Принцип свободы исследования и использования космического пространства (статья I) устанавливает, что космос открыт для исследования и использования всеми государствами без какой-либо дискриминации, на основе равенства и в соответствии с международным правом. Данный принцип создает правовую основу для космической деятельности, но одновременно порождает вопросы о пределах этой свободы. Может ли свобода использования включать коммерческую эксплуатацию космических ресурсов? Каковы критерии разграничения правомерного использования и запрещенного присвоения?

Концепция космического пространства как общего достояния человечества, хотя и не получила четкого закрепления в Договоре 1967 года пронизывает весь его дух. Статья I провозглашает, что исследование и использование космоса «должны осуществляться на благо и в интересах всех стран». Это положение формирует основу для требований о справедливом распределении выгод от космической деятельности и создает теоретическую предпосылку для критики односторонних национальных законодательных инициатив в области использования космических ресурсов.

Российская теоретическая школа космического права. Российская правовая доктрина и официальная позиция государства исходят из приоритета многостороннего международно-правового регулирования и строгого соблюдения Договора 1967 года. Космическое пространство и его ресурсы рассматриваются как общее достояние, не подлежащее национальному присвоению ни государствами, ни частными лицами.

Базовым национальным актом является закон РФ от 20 августа 1993 года № 5663-1 «О космической деятельности». Вместе с тем данный закон был принят в иной технологической и экономической реальности и не содержит специальных норм о правовом режиме природных ресурсов небесных тел. В научной литературе обоснованно указывается необходимость его модернизации, а также принятия специальных федеральных законов о регистрации прав на космические объекты и сделок с ними.

Россия последовательно выступает против односторонних национальных законодательных инициатив, признающих право собственности на космические ресурсы. Подобные акты рассматриваются как противоречащие международному праву и подрывающие универсальный характер принципа неприисвоения. В качестве альтернативы предлагается механизм справедливого распределения выгод от использования космических ресурсов, развиваемый в рамках многосторонних форматов.

Российская (ранее советская) правовая наука внесла существенный вклад в развитие теоретических оснований космического права. В условиях современных вызовов российские правоведы разработали ряд оригинальных концептуальных подходов к пониманию природы космических правоотношений.

Согласно теории правового пространства [4], космическое пространство представляет собой особую правовую сферу, где действует сложная система норм, сочетающая международные императивы и национальные регулятивные установления. Правовое пространство не совпадает с физическим: оно конструируется через взаимодействие различных правовых режимов и юрисдикций. Эта теория позволяет объяснить, каким образом государства осуществляют юрисдикцию над космическими объектами и их экипажами в условиях отсутствия территориального суверенитета.

Концепция мобильных территорий разработана для объяснения осуществления государственного суверенитета в отношении космических станций, спутников и иных искусственных космических объектов. Согласно этой теории,

зарегистрированные космические аппараты, находящиеся под флагом определенного государства, образуют своего рода мобильные территории, на которые распространяется юрисдикция государства регистрации. Это позволяет решить проблему применимого права к правоотношениям, возникающим на борту космических станций, и обосновать ответственность государства за деятельность таких объектов.

Теория вертикального суверенитета призвана провести разграничение между воздушным пространством, на которое распространяется полный и исключительный суверенитет государства (согласно Чикагской конвенции 1944 года), и космическим пространством, не подлежащим национальному присвоению. СССР предлагал установить высотную границу на уровне не более 100–110 км над уровнем моря (так называемая линия Кармана). Хотя такая граница до сих пор не получила универсального признания, концепция вертикального суверенитета остается важным теоретическим инструментом для понимания пространственных пределов государственной юрисдикции [3].

Принципиальное значение для российской доктрины имеет холистический подход к интерпретации международного космического права. Договор 1967 года рассматривается не изолированно, а в системной связи с иными источниками международного права, включая принципы Устава ООН, обычное международное право, общие принципы права. Это означает, что любые национальные законодательные инициативы должны оцениваться на предмет их соответствия не только букве Договора 1967 года, но и более широкому международно-правовому контексту, включая принципы добросовестности, сотрудничества и запрета злоупотребления правом.

В настоящее время российские правовые эксперты указывают на необходимость разработки нового законодательства для обновления действующего федерального закона о космической деятельности, принятого в 1993 году и считающегося устаревшим [2]. Отмечается потребность в принятии федерального закона о государственной регистрации прав на космические объекты и сделок с ними. Россия выступает за модель распределения выгод от использования космических ресурсов, подчеркивая принцип справедливого распределения, и признает необходимость формирования комплексной национальной правовой базы для деятельности по добыче космических ресурсов.

Россия выступает против национальных законодательных инициатив, предоставляющих частным субъектам права собственности на космические ресурсы, рассматривая такие инициативы как противоречащие устоявшимся международно-правовым подходам. Данное неприятие распространяется на односторонние национальные интерпретации Договора по космосу, при этом Россия признает Комитет ООН по использованию космического пространства в мирных целях в качестве основного форума для развития космического права [3].

Западные правовые доктрины и практика. Западные подходы к космическому праву, в частности подход Соединенных Штатов, делают акцент

на национальном законодательстве и режимах коммерческой эксплуатации. Закон США о конкурентоспособности коммерческих космических запусков 2015 года представляет собой ключевое развитие, легализующее промышленное производство, присвоение и продажу внеземных ресурсов гражданами США и негосударственными организациями. Данный закон допускает, что американские граждане могут добывать, присваивать и даже продавать внеземные ресурсы, что знаменует собой существенный отход от традиционных интерпретаций Договора 1967 года.

Закон США 2015 года содержит определения таких понятий, как космический ресурс и астероидный ресурс, и признает права собственности на извлеченные материалы. При этом законодательство отказывается от притязаний на внеземной суверенитет, одновременно допуская признание прав собственности на извлеченные ресурсы, стремясь тем самым согласовать данные положения с принципом неприсвоения, закрепленным в Договоре 1967 года. Такой подход отражает правовую философию, проводящую различие между суверенитетом над территорией и правами собственности на извлеченные материалы.

Люксембург последовал американской модели, приняв в 2017 году космическое законодательство, предоставляющее права собственности на извлеченные ресурсы. ОАЭ приняли декрет-закон в 2023 году, а Япония утвердила соответствующий нормативный акт в 2021 году, что свидетельствует о скоординированном западном подходе к правовому регулированию космических ресурсов. Эти национальные законы закрепляют притязания на права собственности в отношении космических ресурсов, формируя правовую основу для коммерческой добычи в космосе.

«Соглашения Артемиды» представляют собой крупную международную инициативу, возглавляемую западными государствами и запущенную в 2020 году [5]. Изначально подписанные космическими агентствами восьми государств, соглашения впоследствии расширились и включили пятьдесят государств-партнеров. «Соглашения Артемиды» направлены на практическую реализацию принципов Договора 1967 года при одновременном продвижении сотрудничества в сфере исследования и использования космических ресурсов. Эти соглашения допускают участие частных компаний в освоении лунных ресурсов, что представляет собой существенный пересмотр фундаментальных принципов международного космического права.

Исполнительный указ президента США 2020 года поощрял международную поддержку добычи и использования космических ресурсов, демонстрируя проактивный подход к формированию международного консенсуса вокруг американских правовых интерпретаций. Национальная космическая политика США 2006 года отвергала введение новых ограничений на деятельность США в космическом пространстве, что отражает более широкую западную позицию по сохранению доступа и использования космоса без многосторонних ограничений [5].

Таким образом, западные подходы делают акцент на операционализации принципов Договора 1967 года, утверждая при этом, что принцип неприсвоения

не распространяется на извлеченные ресурсы. Такое толкование позволяет осуществлять коммерческую эксплуатацию при формальном заявлении о соответствии международному праву. Соединенные Штаты продвигают приоритет национальных правовых норм над международными договорами в сфере частного космического права, ставя под сомнение необходимость международных договоров в отдельных областях.

Участие Люксембурга и ОАЭ в «Соглашениях Артемиды» характеризуется как стратегия переноса будущей прибыли в юрисдикции с низким уровнем налогообложения, что указывает на экономические мотивы, выходящие за рамки исключительно правовых или научных соображений. Западные подходы отдают приоритет национальным законодательным интерпретациям и сформировали комплексные режимы регулирования коммерческой космической деятельности, что контрастирует с более ограниченными национальными правовыми рамками в Китае и России.

Ключевые доктринальные расхождения. Фундаментальное доктринальное различие сосредоточено вокруг подходов к эксплуатации космических ресурсов. Соединенные Штаты выступают за одностороннюю эксплуатацию на основе национального законодательства, тогда как Россия поддерживает многосторонний подход. Позиция США допускает эксплуатацию космических ресурсов государствами и частными лицами на основании внутреннего законодательства, в то время как Россия подчеркивает, что такая деятельность должна регулироваться международными соглашениями с участием всех государств, осуществляющих космическую деятельность.

Противоречащие друг другу интерпретации Договора 1967 года составляют ключевую область разногласий. Соединенные Штаты и Россия занимают различные правовые позиции в отношении понятия «общее достояние человечества», что имеет прямые последствия для способов доступа к ресурсам и их использования. Национальное законодательство США в отношении небесных тел характеризуется как противоречащее международным договорам и обычному праву, тогда как Россия подчеркивает необходимость строгого соблюдения договорных положений.

Конкурирующие представления о будущем управлении космической деятельностью проявляются в различных международных партнерствах. Соединенные Штаты стремятся к военному превосходству в космосе, что, по мнению критиков, вступает в противоречие с мирными целями Договора 1967 года. Россия делает акцент на строгом соблюдении Договора 1967 года и многосторонности, отдавая приоритет международному сотрудничеству перед односторонним преимуществом. Эти различные подходы институционализированы в программе «Артемиды» (под руководством США) и в проекте Международной научной лунной станции (МНЛС, китайско-российское сотрудничество).

«Соглашения Артемиды» ориентированы на активную эксплуатацию ресурсов, тогда как МНЛС сосредоточена на использовании ресурсов *in situ* без немедленной коммерческой добычи. Это различие отражает разные приоритеты:

западные подходы делают упор на коммерческое развитие и краткосрочную добычу ресурсов, тогда как российско-китайское партнерство акцентирует внимание на научных исследованиях и долгосрочных стратегиях использования ресурсов.

Доктринальные различия проявляются и в толковании принципа неприсвоения. Западная правовая доктрина все чаще проводит различие между присвоением территории (запрещенным) и правами собственности на извлеченные полезные ископаемые (допустимыми), тогда как российская доктрина утверждает, что принцип неприсвоения распространяется в более широком объеме и охватывает сами ресурсы [1]. Россия подчеркивает принцип распределения выгод как основу использования ресурсов в противоположность западным подходам, ориентированным на приоритет индивидуальных государственных интересов.

Различия в базовых правовых философиях очевидны и в подходах к суверенитету и юрисдикции. Российский акцент на подвижных территориях и сохранении традиционных территориальных границ посредством космических активов отражает правовую философию, укорененную в концепциях территориального суверенитета. Западные подходы, особенно подход Соединенных Штатов, делают упор на национальные законодательные интерпретации и признание прав собственности на космические ресурсы через внутреннее право, что отражает более коммерциализированную и ориентированную на приватизацию правовую философию.

Роль частных субъектов в космической деятельности выявляет еще одно ключевое различие. В рамках западных правовых режимов частные компании становятся значимыми участниками космических правоотношений, при этом правовые системы прямо признают их права на добычу и владение ресурсами. Россия продолжает подчеркивать ведущую роль государства в освоении космоса, при этом государственно-частные партнерства развиваются в рамках существенного государственного участия. Это отражает различные позиции в отношении приватизации и коммерциализации космической деятельности [1].

Подходы к формированию международных обычаев также существенно различаются. Западные государства приняли национальные законы, закрепляющие права собственности на космические ресурсы, что, по мнению некоторых авторов, способствует формированию новых норм обычного международного права. Российские правоведы критикуют данный подход, утверждая, что законодательные инициативы отдельных государств не формируют обычай и что такие односторонние действия противоречат устоявшимся международно-правовым принципам [2].

Таким образом, принципиальное расхождение между российским и западным подходами проявляется в понимании юридической силы международного права. Российская доктрина исходит из того, что международные договоры устанавливают обязательные пределы поведения государств, не допускающие одностороннего пересмотра. Западная доктрина допускает эволюционное

толкование договоров через национальное законодательство и практику. Различаются и подходы к роли частных субъектов. В западных правовых порядках частные компании рассматриваются как ключевые драйверы космического освоения, в то время как в России приоритет сохраняется за государством при развитии механизмов государственно-частного партнерства. Наконец, конкурирующие международные инициативы («Соглашения Артемиды» и проект МНЛС России и Китая) отражают разные модели будущего космического правового порядка — плюрилатеральную, ориентированную на коммерцию, и многостороннюю, ориентированную на научное сотрудничество и равенство государств.

Результаты исследования

Космические правоотношения находятся в состоянии глубокой трансформации. Сохраняя формальную преемственность с принципами Договора 1967 года, современная практика демонстрирует их фрагментацию и конкурирующие интерпретации. Теоретико-правовой анализ показывает, что речь идет не просто о споре о ресурсах, а о столкновении различных правовых философий и моделей международного правового порядка.

Проведенный теоретико-правовой анализ космических правоотношений выявляет глубокие концептуальные расхождения между российским и западным подходами к регулированию космической деятельности. Эти расхождения не ограничиваются техническими юридическими деталями, но отражают фундаментально различные правовые философии понимания роли международного права и видения будущего космической деятельности человечества.

Российская доктрина, опираясь на расширительное толкование принципа неприсвоения, холистический подход к международному праву и приверженность универсальному мультилатерализму, настаивает на том, что космические ресурсы являются общим достоянием человечества и должны использоваться на основе справедливого распределения выгод и международного сотрудничества. Односторонние национальные законы, признающие права собственности на космические ресурсы, рассматриваются как нарушение духа и буквы Договора 1967 года.

Западный подход, основанный на буквальном толковании принципа неприсвоения, разграничении территориального суверенитета и прав собственности на ресурсы, а также на плюрилатеральных механизмах сотрудничества, утверждает правомерность коммерческой эксплуатации космических ресурсов частными субъектами в рамках национального законодательства. «Соглашения Артемиды» и национальные законы о космических ресурсах представляются как легитимная операционализация Договора 1967 года, адаптирующая его к реалиям современной космической экономики.

Для преодоления существующего тупика необходим конструктивный диалог на основе взаимного уважения правовых позиций и признания легитимности озабоченностей всех сторон. Возможным путем вперед могла бы стать разработка международного соглашения о космических ресурсах, которое признало бы принципиальную допустимость использования космических ресурсов при соблюдении определенных условий, установило бы процедуры международной координации и предотвращения конфликтов, создало бы механизмы справедливого распределения выгод и обеспечило экологическую устойчивость космической деятельности. Будущее космического права будет зависеть от того, удастся ли выработать универсальные механизмы согласования интересов государств и частных субъектов. Без такого согласования существует риск формирования фрагментированного и конфликтного правового режима космоса в противоположность его изначальному назначению как сферы мирного и совместного использования.

Космическое право — это не только набор юридических норм, но и отражение наших представлений о месте человечества во Вселенной. Сможем ли мы распространить на космос лучшие принципы земного права: сотрудничество, справедливость, уважение к общему достоянию — или воспроизведем худшие практики колониализма и эксплуатации? Ответ на этот вопрос во многом определит, какое будущее ждет человечество как космическую цивилизацию.

Список источников

1. Головина А. А. К проблеме границ правового суверенитета в космосе // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2019. № 2 (34). С. 15–22.
2. Формирование современной международно-правовой концепции исследования и использования космического пространства / А. Я. Капустин [и др.]; отв. ред. А. Я. Капустин. М.: ИНФРА-М, 2021. 264 с. DOI: 10.12737/1241334
3. Хаванова И. А. Космос: освоение правом // Журнал российского права. 2025. Т. 29. № 4. С. 122–134.
4. Хаванова И. А. Лунные «суверены»: экономика космического пространства в дискурсе российских правоведов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2025. Т. 21. № 1. С. 97–107.
5. Юзбашян М. Р. Актуальные тенденции сотрудничества/соперничества в космосе и перспективы развития космического права // Право и управление. XXI век. 2024. Т. 20. № 1. С. 103–119.

References

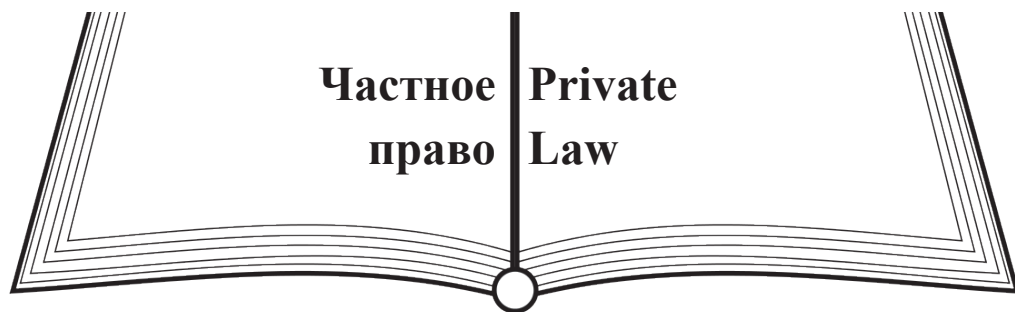
1. Golovina A. A. K probleme granits pravovogo suvereniteta v kosmose // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2019. № 2 (34). S. 15–22.
2. Formirovanie sovremennoy mezhdunarodno-pravovoy kontseptsii issledovaniya i ispol'zovaniya kosmicheskogo prostranstva / A. Ya. Kapustin [i dr.]; отв. red. A. Ya. Kapustin. M.: INFRA-M, 2024. 264 s. DOI: 10.12737/1241334
3. Khavanova I. A. Kosmos: osvoenie pravom // Zhurnal rossiyskogo prava. 2025. T. 29. № 4. S. 122–134.

4. Khavanova I. A. Lunnye «suvereny»: ekonomika kosmicheskogo prostranstva v dis-kurse rossiyskikh pravovedov // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2025. T. 21. № 1 С. 97–107.

5. Yuzbashyan M. R. Aktual'nye tendentsii sotrudnichestva i sopernichestva v kosmose i perspektivy razvitiya kosmicheskogo prava // Pravo i upravlenie. XXI vek. 2024. T. 20. № 1. S. 103–119.

Статья поступила в редакцию: 15.01.2026;
одобрена после рецензирования: 15.02.2026;
принята к публикации: 05.03.2026.

The article was submitted: 15.01.2026;
approved after reviewing: 15.02.2026;
accepted for publication: 05.03.2026.

УДК 347.22

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-262-95-101

Н. Ю. Чаплин

Государственная дума Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация,
chaplin@duma.gov.ru

СПЕЦИФИКА ВЕЩНОГО ПРАВА В ЮРИДИЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ, ПРАВОВЫХ ТРАДИЦИЯХ, ПРЕПОДАВАНИИ

Аннотация. Текущее состояние развития вещного права показывает не только перспективные направления дальнейших исследований, но и сформировавшийся разрыв между уровнями развития законодательства и теоретической разработки вопроса. Сложившиеся практически повсеместно в российских вузах практики преподавания вещного права слабо реализуют возможности современной педагогики, что приводит к догматизации знания, сложности усвоения и практического использования полученных знаний в конкретных жизненных обстоятельствах. Цель предлагаемой вниманию читателя статьи — обсудить в едином контексте проблемы понимания, изучения и преподавания вещного права на современном этапе.

Ключевые слова: вещное право; право владения; право собственности; частное право; догматика права.

UDC 347.22

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-262-95-101

N. Yu. Chaplin

The State Duma of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation,
chaplin@duma.gov.ru

THE SPECIFICS OF PROPERTY LAW IN LEGAL THINKING, LEGAL TRADITIONS, AND TEACHING

Abstract. The current state of development of property law shows not only promising areas for further research, but also the gap that has formed between the levels of development of legislation and the theoretical elaboration of the issue. The practices of teaching property law that have developed almost everywhere in Russian universities poorly realize the possibilities of modern pedagogy, which leads to the dogmatization of knowledge, the difficulty of assimilation and practical use of acquired knowledge in specific life circumstances. The purpose of this article is to discuss in a single context the problems of understanding, studying and teaching property law at the present stage.

Keywords: property law; ownership right; property right; private law; dogmatics of law.

Введение

В условиях современных трансформаций, которые переживают общественные отношения, закономерно возникает вопрос о необходимости совершенствования правового регулирования вещных прав, которые имеют важное значение в условиях рыночной экономики, выступают основой общественного развития [2]. Вопрос о вещных правах и гарантиях их полноценной реализации следует рассматривать в комплексе, синтезируя действующие правовые нормы с практикой их применения, обращая внимание на укоренение соответствующих представлений в коллективном и индивидуальном правосознании, в правовых традициях и юридическом мышлении. В этом аспекте особое значение приобретает совершенствование практик преподавания различных тем, связанных с вещными правами.

Методы исследования

При написании статьи использованы общенаучные методы анализа и синтеза. Обращение к гражданскому законодательству обусловило использование формально-юридического метода. Выявление места вещных прав в системе современного юридического образования проводилось на основе системно-структурного метода. Сравнительно-правовой метод применен при обращении к опыту зарубежных стран.

Основное исследование

В российской юридической литературе научные разработки теории вещного права [3; 4] опережают законодательство, которое в отношении регулирования вещных прав остается практически на том же уровне развития, что и на момент принятия части 1 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ). В российском законодательстве практически не реализованы предложения по изменению вещного права, запланированные при подготовке Концепции развития российского законодательства [1], работа над которой была начата с одобрения главы государства¹.

В сложившейся ситуации возникает известная сложность не только в выборе новых перспективных целей изучения содержания и специфики вещного права, но и в выполнении академических курсов вещного права. Многие материалы программ курсов, особенно в сфере частной собственности, ограниченных вещных прав, владения в условиях сохранения российским законодательством консервативной направленности, будут вынужденно носить иллюстративно-познавательный, описательный характер, не всегда опираясь непосредственно на нормы российского права. В этой ситуации возникает и остается без ответа вопрос о содержании таких курсов: общая теория гражданского права, зарубежное гражданское право, сравнительное правоведение в сфере вещного права? В то же время можно наблюдать неразрывность научно-исследовательской и педагогической работы в научных и образовательных организациях.

Представляется, что главной задачей преподавания вещного права является предоставление учащимся первичных системных знаний о специфике вещного права, этапах развития представлений о нем, взаимосвязи законодательства и правоприменительной практики, зарубежном опыте. Каждый из этих компонентов является частью образовательной программы и должен излагаться отдельно от других с опорой на соответствующие источники, а также не стать только комментарием законодательства.

Исследовательская деятельность является важным слагаемым педагогической работы. Именно в этом единстве видится конструктивный подход к решению университетской проблемы: педагог должен иметь собственные изыскания и разработки по теме преподаваемых дисциплин, воплощая решение двуединой задачи: сформировать и сгруппировать актуальные проблемы вещного права и сделать доступным их освоение для учащихся. Нередко прочтение соответствующего лекционного курса или семинарских занятий открывает новые поисковые горизонты самому преподавателю для дальнейшей исследовательской работы.

Важно выявить, а затем объяснить те движущие силы, которые способствуют формированию концепции вещного права, принимаемой и реализуемой законодательством на разных этапах его развития. На основе социологического

¹ Указ Президента РФ от 18.07.2008 № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» // Kremlin.ru. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/27787> (дата обращения: 21.12.25).

и экономического анализа права важно представить те предпосылки, которые влияют на формирование новых и отмирание старых институтов вещного права, с тем чтобы преподавание вещного права не превратилось в изложение его истории или пересказ нерелевантного зарубежного опыта.

Как в исследовательской, так и в педагогической деятельности важно внимательно использовать зарубежный опыт, выбирая из него только такие образцы, которые могут быть полезны российскому праву в его развитии и в перспективе решения важных вопросов социально-экономического развития российского общества. Не находится оснований для противопоставления континентально-европейской модели регулирования вещных прав азиатской и англо-американской. В каждой из известных юрисдикций вещные права, во-первых, признаются и регламентируются, а во-вторых, определяются национальной системой права. При этом способ их нормативного выражения действительно является различным. При их оценке следует учитывать исходные различия и цели в разных системах координат выстраивания вещно-правового регулирования. Различия между ними определяются не правовыми традициями конкретной правовой семьи или системы, а закономерностями и приоритетами развития конкретной национальной экономики. Отсюда следует, что противопоставление общего права (как неделимого на вещные и обязательственные права) и континентального права (в котором возникло академическое учение о вещных правах) является необоснованным. Категории вещного права не являются экзотикой для общего права, но воспринимаются им отлично от традиции европейского континентального права.

Важно избегать академической близорукости, когда за основу изложения берется обзор вещных прав в отрыве от смежных отраслей знания и сфер правового регулирования. Важно учитывать, что вещное право сосредоточено в предмете гражданского права, а значит, может восприниматься только в едином контексте с предметом гражданского права и определяемыми им сферами гражданско-правового регулирования. То есть важно показать назначение вещно-правового регулирования в контексте не только отраслевых связей внутри гражданского права, но и в ракурсе межотраслевых связей институтов гражданского и природоресурсного, жилищного, семейного, трудового права.

Специфика вещного права видится и в существенных особенностях его базовых и как бы правообразующих категорий, берущих свое начало из социологии, философии, экономики. Таковыми могут считаться следующие: господство лица над вещью, понятие вещи, абсолютность вещного права, владение, публичность, присвоение и отчуждение, всеобщая обязанность воздержания от нарушения вещного права, господство как признак вещного права. Их понимание формировалось в условиях вызовов социальной реальности, в том числе конфликта человека и общества при распределении благ, возложения на правообладателя бремени правообладания в отношении общества и государства, любых иных лиц-неправообладателей. Ярко выраженные социальные основы имеет регулирование вещных прав на жилые помещения и природные ресурсы,

и в этой области нормы гражданского и отраслевого законодательства (жилищное, природоресурсное и др.) остаются до конца несоординированными, создавая противоречия и ставя вопрос о приоритете действия соответствующих норм права.

Учитывая такое разнообразие вопросов вещно-правового регулирования, программы образовательных курсов должны строиться не только на лекционном материале и практических семинарских занятиях с обсуждением наиболее проблемных кейсов правоприменительной практики, но и на использовании опыта работы юридических клиник, расширении спектра межотраслевых исследований. Во многом это призвано преодолеть сложившиеся представления о вещном праве как о вершине догматики частного права, в котором излагаются академические выдержки его основных понятий и конструкций. Акцент именно на догме вещного права приводит к тому, что студент может выучить, приняв на веру, только принятые классификации и правовые понятия без уяснения их происхождения и развития, без формирования навыков их применения к конкретным жизненным ситуациям, изменчивым и непостоянным, отличающимся, как правило, конфликтным содержанием. Использование практик юридических клиник ориентировано на выход студентов из академических рамок образовательной среды вуза и создание условий для применения полученных знаний в разнообразии жизненных ситуаций, в которых требуется правовая помощь и юридические познания. В этих условиях меняется облик и самого преподавателя, который выступает не только как носитель академического знания и практики, но и как своего рода дизайнер обучения.

Заслуживают внимания зарубежные практики, успешно используемые при преподавании вещного права и позволяющие если не преодолеть, то существенно сократить разрыв теории и практики. Как в общем, так и в континентальном праве преподавание специальных курсов вещного права состоит не только в лекциях, самостоятельной работе (начитка академического материала) и решении казусов. Широко востребованы практики погружения обучающихся в среду созревания конфликтных ситуаций: юридические клиники, проблемные межотраслевые семинары, показывающие недостатки правовой формы при восприятии законов экономики. Чаще всего вещное право преподается не обособленно, а в контексте более общих проблем, в том числе оборота недвижимости, инструментов обеспечения обязательств и т. д. Широкий формат представления проблем вещно-правового регулирования призван преодолеть догматизированность вещного права и предупредить его восприятие как рудимента или атавизма права. Чаще всего именно такие и производные от них характеристики встречаются в юридической литературе, где вещное право воспринимается как нечто среднее между высшей математикой и квантовой физикой, философским камнем и Священным Граалем: *property as an inscrutable and anomie experience*.

Речь идет о практико-ориентированной и не оторванной от жизни манере преподавания, позволяющей сделать предмет понятным и живым, интересным и легкоусваиваемым для учащихся. На этом основаны лучшие педагогические

практики преподавания и представления наиболее важных проблем современного вещного права. Например, курс вещного права рассматривается не как замкнутый цикл знаний, а как многоликое единство с большим разнообразием элементов:

– восприятие и представление вещного права через притяженность и антагонизм в инструментах, перекидывающих мостики в историю, социологию, психологию и нашу экономическую систему;

– вещное право как выразитель ценностей, лежащих в основе правопорядка, с принятием того факта, что оно представляет собой конструкт, который может быть основан на различных принципах, изменен и переконфигурирован [5];

– организация модели обучения (от представления и доказательств отдельных знаний к их синтезу, от старых моделей права собственности к новым — от классической до интеллектуальной собственности);

– переориентация целей обучения (например, вещное право не как дисциплина, а как способ решения конкретных проблем человека и общества) [5].

Следование такому направлению в отечественной традиции преподавания юридических дисциплин дает новые широкие возможности для формирования практических навыков у учащихся и представлений об основных конструкциях вещно-правового регулирования, которые не могут оставаться неизменными при объективном усложнении регулируемых общественных отношений.

Результаты исследования

Проведенное исследование позволяет констатировать наличие тесной взаимосвязи между развитием вещного права в его научно-практическом аспекте и преподаванием соответствующей тематики на юридических факультетах. Это связано с вопросами формирования профессионального правосознания, которое выступает важным элементом конструирования правовой реальности. Реализация законодательства о вещных правах осуществляется субъектами права, которые в процессе правоприменения интерпретируют соответствующие нормы, опираясь на собственные и общепринятые представления. В связи с этим модернизация вещного права, вызванная объективными условиями динамично развивающегося общества, представляет собой комплексный, многоаспектный процесс. Также нуждаются в перестройке сложившиеся традиции преподавания вещного права с учетом лучших и рациональных зарубежных практик и опыта.

Список источников

1. Научные концепции развития российского законодательства / В. Р. Авхадеев [и др.]; под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова. М.: Норма, 2024. 656 с.

2. Пашенцев Д. А. Роль частного права в формировании институтов гражданского общества // Вестник Академии права и управления. 2014. № 36. С. 63–68.

3. Синицын С. А. Общие положения о вещном праве: сравнительно-правовое исследование. М.: Инфотропик Медиа, 2019. 276 с.

4. Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2024. 626 с.

5. Friedland S. Teaching Property Law: Some Lessons Learned // Saint Louis University School of Law Journal. 2002. Vol. 5-1. P. 582–597.

References

1. Nauchnye kontseptsii razvitiya rossiyskogo zakonodatel'stva / V. R. Avhadeev [i dr.]; pod red. T. Ya. Habrievoy, Yu. A. Tihomirova. M.: Norma, 2024. 656 s.

2. Pashentsev D. A. Rol' chastnogo prava v formirovanii institutov grazhdanskogo obshchestva // Vestnik Akademii prava i upravleniya. 2014. № 36. S. 63–68.

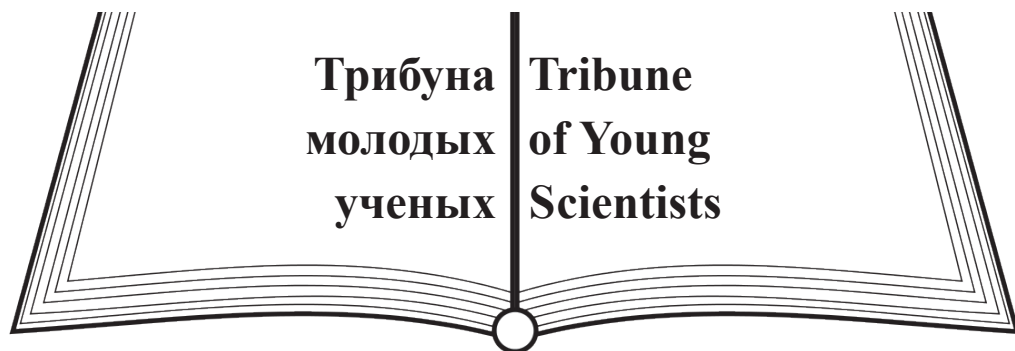
3. Sinitsyn S. A. Obshchie polozheniya o veshchnom prave: sravnitel'no-pravovoe issledovanie. M.: Infotropik Media, 2019. 276 s.

4. Sukhanov E. A. Veshnoe pravo: nauchno-poznavatel'ny ocherk. M.: Statut, 2024. 626 s.

5. Friedland S. Teaching Property Law: Some Lessons Learned // Saint Louis University School of Law Journal. 2002. Vol. 5-1. P. 582–597.

Статья поступила в редакцию: 15.01.2026;
одобрена после рецензирования: 15.02.2026;
принята к публикации: 05.03.2026.

The article was submitted: 15.01.2026;
approved after reviewing: 15.02.2026;
accepted for publication: 05.03.2026.

УДК 340.12

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-262-102-113

Т. А. Копликов

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация,
tkoplikov@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ИНСТИТУТ ЮРИДИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА: ОТ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИДЕЙ К ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ (ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Аннотация. В работе представлен историко-теоретический анализ эволюции доктринального понимания института юридического конфликта в социальной и правовой мысли, в целях выявления основных исторических этапов развития в осмыслении конфликта и его закрепления как института в рамках юридической науки. Особое внимание уделяется становлению конфликта как самостоятельного объекта научного познания в рамках классической социологии и современных конфликтологических школ, а также его концептуализации в отечественной юриспруденции. На основе проведенного исследования сделаны выводы об исторической трансформации понимания института юридического конфликта под влиянием общественных факторов разных эпох развития государства и права, а также выявлены основные этапы становления и закрепления юридической конфликтологии как научного направления.

Ключевые слова: юридический конфликт; конфликтология; социология права; правовое регулирование; историческое развитие.

UDC 340.12

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-262-102-113

T. A. Koplikov

Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation,
tkoplikov@mail.ru

TRANSFORMATION OF VIEWS ON THE INSTITUTE OF LEGAL CONFLICT: FROM MYTHOLOGICAL IDEAS TO DIGITAL REALITY (HISTORICAL AND THEORETICAL RESEARCH)

Abstract. The paper presents a historical and theoretical analysis of the evolution of the doctrinal understanding of the institution of legal conflict in social and legal thought, in order to identify the main historical stages of development in understanding conflict and its consolidation as an institution within the framework of legal science. Special attention is paid to the formation of conflict as an independent object of scientific knowledge within the framework of classical sociology and modern schools of conflict, as well as its conceptualization in Russian jurisprudence. Based on the conducted research, conclusions are drawn about the historical transformation of the understanding of the institution of legal conflict under the influence of social factors of different eras of the development of the state and law, and the main stages of the formation and consolidation of legal conflictology as a scientific field are identified.

Keywords: legal conflict; conflictology; legal sociology; legal regulation; and historical development.

Введение

Актуальность темы исследования обоснована фундаментальной ролью конфликта как неотъемлемой составляющей социальных систем и одновременно ключевого фактора их динамики. Несмотря на обширную историографию, комплексный анализ трансформации концепции юридического конфликта в длительной исторической перспективе, связывающий античные и современные вызовы, остается достаточно востребованным, поскольку в современных условиях ускоренной глобализации, цифровой трансформации и усложнения общественных отношений юридический конфликт перестает быть периферийным элементом правовой действительности, превращаясь в центральный объект управления и прогнозирования дальнейшего развития общественных отношений.

Подобный вид конфликта, будучи неотъемлемым элементом правовой реальности, выступает и как индикатор системных противоречий, и в качестве необходимого условия для устойчивого развития правового государства, в связи с чем понимание исторической эволюции конфликта и его историко-

теоретических основ является актуальным и ключевым для разработки эффективных механизмов предупреждения и разрешения правовых конфликтов в условиях новых социальных вызовов и возрастающей роли конфликтогенных факторов в современном обществе, характеризующемся высокой социальной напряженностью и возрастающей цифровизацией.

Методы исследования

Методологическую основу настоящего исследования составляет комплекс общенаучных и специальных методов познания. Ведущим является историко-правовой метод, позволяющий изучить генезис и эволюцию представлений о конфликте в их хронологической последовательности и взаимосвязи с конкретными социально-экономическими и политико-правовыми условиями каждой анализируемой эпохи. С его помощью в работе реконструируются взгляды мыслителей и исследователей от Античности до современности. Сравнительно-правовой метод используется для сопоставления различных теоретических подходов к пониманию конфликта, выявления их общих черт, различий и специфики. Системный метод применяется для рассмотрения юридического конфликта как элемента сложной социально-правовой системы, анализа его функций, структуры и взаимосвязей с другими институтами, такими как государство, право и мораль. Формально-логический метод (анализ, синтез, индукция, дедукция) используется автором для обработки полученного теоретического материала и формулирования выводов исследования, а метод теоретико-правовой реконструкции позволяет воссоздать целостные концепции мыслителей прошлого на основе их сохранившихся трудов и интерпретаций, интегрируя их в общую картину эволюции правовой мысли.

Основное исследование

Первые попытки осмысления конфликта уходят корнями в мифологическое сознание. Упоминания о столкновениях и антагонизмах в человеческом сообществе содержатся в древнейших письменных источниках, что позволяет утверждать о первичной интегрированности конфликта в систему представлений человека о мироустройстве.

В древних космогонических мифах (например, вавилонский миф «Энума элиш») миропорядок (космос) рождается из хаоса через грандиозное столкновение божественных сил [1, с. 35–58]. По сути, в одном из первых дошедших до нашего времени источников о самом явлении столкновений (конфликтов) данное явление изначально рассматривалось человеком не как негативный феномен, а как необходимое и созидательное начало и причина общественного порядка.

Подобная космологическая модель получила развитие в философии Гераклита, который рассматривал войну (полюмос) (с современной точки зрения — международный вооруженный конфликт) как всеобщий закон мироздания и «отца всего» [12, с. 98–106]. В своих идеях философ рассматривал острый социальный конфликт в качестве абсолютного источника движения, изменения и развития общества, то есть его неотъемлемой части, способной привести общество к состоянию равновесия при наличии борьбы противоположных взглядов по поводу какой-либо социальной сферы и/или проблемы.

Подобная историческая модель понимания конфликта находит отражение и у некоторых наших современников, которые утверждают, что «любой конфликт неразрывно связан с войной... любая война — это и есть конфликт» [25, с. 188].

Параллельно с древневосточным формировалось прагматическое понимание конфликта как проблемы социального устройства. Основоположник восточного философского течения конфуцианства, известный как Конфуций, связывал общественные конфликты с нарушением этико-ритуального порядка (ли) и моральным упадком социальной группы и индивида в отдельности, предлагая в качестве решения подобной проблемы не формальное законодательство, а в первую очередь нравственное воспитание, что соответствует общей тенденции восточной культуры [24, с. 142–196].

Соответственно, древняя восточная мысль усматривала основную причину социальных распрей в человеческих пороках (например, зависть и алчность), а способом разрешения подобной проблемы предлагала разработку и закрепление справедливых государственных законов, необходимых для общественного согласия. При этом акцент смещался с развития этики (духовного аспекта) как единственного инструмента сдерживания конфликтов на необходимость разработки системы публичного законодательства, способного регулировать социальные конфликты.

Системной глубины политико-правовая мысль достигла в работах наиболее видных античных философов — Платона и Аристотеля.

Платон в своих трудах связывал социальный конфликт (стасис) с нарушением принципа общественной справедливости, понимаемой им как наличие в государстве четкой и функциональной иерархии власти, состоящей из уполномоченных сословий (правители-философы, воины-стражи и ремесленники-земледельцы). Позднее идеи философа стали более радикальными и нацеленными на необходимость разработки и закрепления тотальной системы правовых норм, которая предотвращала бы любые общественные противоречия и столкновения через всеобъемлющую регламентацию как публичной, так и частной жизни граждан [21, с. 147–157].

В свою очередь, Аристотель осуществил первую системную классификацию причин конфликтов, выделив материальные (экономические), психологические и политико-правовые (нарушение равенства и справедливости). Философ рассматривал право в качестве «уравнивающего начала» и меру справедливости, подчеркивая его регулятивную функцию [9, с. 38–53]. Государство и право

трактовались ученым в качестве естественных инструментов регулирования общественных отношений, а наиболее приемлемым способом предотвращения конфликтов являлось верховенство закона и укрепление уровня жизни среднего класса.

Намеченный греческими философами теоретический и системный подход был наиболее полно реализован в классическом римском праве.

Римское право осуществило формализацию и процедурность разрешения конфликтов, окончательно отделив право от морали и религии. Разработка четких процессуальных форм, принципов состязательности и формального равенства сторон привела к становлению права как автономной системы регулирования споров, где конфликт был институционализирован в рамках судебной процедуры, в связи с чем его разрешение превратилось из акта общественного произвола или морального выбора в формализованную процедуру применения абстрактных правовых норм юрисдикционными органами [14].

С утверждением христианства конфликт был переосмыслен в теологическом ключе. Если античная правовая мысль искала причину и легитимацию конфликта в сфере человеческого устройства: в пороках политического строя, отступлении от принципов справедливости или естественной конкуренции социальных групп, — то средневековая доктрина переносит его в иную нормативную плоскость. Конфликт перестает оцениваться преимущественно в категориях публичного права (*jus publicum*) или нарушения общественного равновесия, а обретает статус проблемы, чья правовая квалификация и окончательная оценка выводятся из теологического источника — Божественного закона (*lex divina*), становясь, таким образом, предметом «сакральной» юриспруденции.

Например, учение Августина Аврелия о двух градах («*De civitate Dei*») объясняло социальные конфликты фундаментальным противоречием между Градом Земным (*civitas terrena*), основанным на частном интересе, и Градом Божьим (*civitas Dei*), основанным на Божественном законе [25]. С этой точки зрения конфликт стал следствием греховной природы человека и одновременно инструментом Божественного промысла. Практическим выводом из этой парадигмы стала разработка доктрины справедливой войны (*bellum iustum*), систематизированной Фомой Аквинским, которая устанавливала строгие критерии легитимного применения насилия (наличие обоснованной причины, подтверждение компетенции власти на объявление войны, преследование общечеловеческих целей) и, по сути, заложила основы принципов международного права по отношению к международным (глобальным) конфликтам.

Параллельно в средневековом обществе действовали светские механизмы урегулирования конфликтов на основе обычая. Институт кровной мести (Салическая правда, Русская Правда), основанный на талионе, был не хаосом, а санкционированным порядком восстановления общественного баланса (справедливости) [17]. Его эволюцией стала система композиций (вира, вергельд) — фиксированных имущественных компенсаций, что означало переход от личной мести к формализованному возмещению вреда и стало прообразом гражданско-правового деликта [10].

Таким образом, средневековая доктрина и практика сформулировала два ключевых принципа:

1) объективация оценки конфликта через надличностные критерии (божественные или рациональные);

2) формализация и процедурность разрешения споров через обращение к компетентному органу (суду) на основе регламентированных норм, даже если эти нормы включали сакральные элементы (ордалии, судебный поединок).

Дальнейшее развитие доктринальных идей об институте конфликта в эпохи Возрождения и Нового времени протекало через секуляризацию понимания конфликта и появление различных теоретических концепций представителей этих эпох.

Например, Н. Макиавелли легитимировал конфликт как имманентное состояние политики и объект прагматического управления с помощью власти и закона [19], что сместило фокус с проблематики, как избежать конфликта, на новый вопрос: «Как им управлять?».

Развитие общественных явлений, в том числе направление государственной политики и правовых норм, напрямую зависит от окружающих обстоятельств, присущих каждому историческому периоду.

Религиозные войны XVI–XVII веков, которые можно рассмотреть как конфликт конфессиональных правовых систем, стимулировали поиск рациональных, универсальных основ власти, выраженных в теориях общественного договора. В этой связи Т. Гоббс видел в конфликте (войне всех против всех) причину учреждения абсолютного суверена, монополизированного право на принуждение, в связи с чем конфликт, по мнению исследователя, требует радикального государственного подавления для общественной безопасности и порядка [6].

В противовес позиции Т. Гоббса, Дж. Локк рассматривал государство как нейтрального арбитра, создающего процедурные рамки для правового разрешения споров, поскольку конфликт должен не устраняться, а регулироваться и разрешаться с помощью установленных и легитимных правовых норм [18].

Рассматриваемой исторической эпохе присущи и иные представления и идеи о социальном конфликте.

Ж.-Ж. Руссо связывал конфликты с частной собственностью и предлагал их преодоление через подчинение частной воли общей, что теоретически обосновывало примат коллективного суверенитета [27].

И. Кант обосновал право как априорную форму согласования свобод, где разрешение конфликта — это подведение случая под всеобщий закон, а справедливость обеспечивается беспристрастностью формы и процедуры [11].

Г. Гегель интегрировал конфликт в диалектику развития объективного духа, рассматривая его как движущую силу, которая разрешается в разумном государстве и системе позитивного права, возводящего частное во всеобщее [4, с. 207–245]. Конфликт получил позитивную интерпретацию как двигатель развития.

Таким образом, к концу XVIII – началу XIX века сложилась комплексная теоретическая модель, согласно которой конфликт признавался объективным

и неустранимым явлением, государство — легитимным монополистом на принуждение и арбитром, а право — основным инструментом институционализации и цивилизованного урегулирования противоречий.

XIX век стал периодом становления института конфликта как объекта строгого научного познания. Классическая социология предложила три фундаментальные перспективы.

Марксистская теория, опираясь на экономический детерминизм, объявила конфликт между классами, порожденный частной собственностью, движущей силой истории. Право при этом понималось как часть идеологической надстройки, инструмент легитимации господствующих производственных отношений [20].

Это направление поставило перед юридической наукой вопрос о классовой природе права.

Формальная социология в лице Г. Зиммеля сместила фокус на микроуровень социального взаимодействия, выявив позитивные функции конфликта: укрепление групповой идентичности, снижение общественного напряжения и стимулирование выработки новых норм. Предложенное автором разграничение между деструктивным конфликтом и регулируемым спором, по сути, заложило теоретическую основу для современных процедур альтернативного разрешения споров.

Со своей стороны М. Вебер предложил многомерную модель конфликта, согласно которой источник конфликта кроется в конкуренции за экономические блага, социальный статус и политическую власть [3, с. 301–320]. Автор подчеркивал роль легитимного господства и формально-рационального права как инструментов минимизации деструктивных столкновений, одновременно указывая на риски правового формализма и отчуждения.

В течение XX века сформировались ключевые исследовательские школы социального конфликта. Структурный функционализм в лице Т. Парсонса рассматривал конфликт как дисфункцию, угрозу равновесию системы [22, с. 194–236]. Неомарксистская теория (Р. Дарендорф), напротив, видела в конфликте неизбежный и конструктивный элемент социальной жизни, требующий институционализации через правовые процедуры и арбитраж [7]. Л. Козер, развивая идеи Зиммеля, систематизировал представление о позитивных функциях институционализированного конфликта как инструмента выявления и разрешения социальных противоречий, стимулирующего развитие правовой системы [13].

Таким образом, согласно западному духу развития теорий конфликта, общество, способное обеспечить легитимные формы выражения и разрешения конфликтов, оказывалось более гибким, устойчивым и жизнеспособным, нежели система, практикующая их тотальное подавление.

В советский период, несмотря на господство марксистско-ленинской идеологии, были заложены основы отечественной конфликтологии как нового научного направления. Значительный вклад в развитие конфликтологии внес В. С. Нерсесянц, разработавший либертарно-юридическую концепцию, где право понимается как форма свободы и равенства, а конфликты — как столкновения притязаний на свободу [16]. В. Н. Кудрявцев дал классическое

определение юридического конфликта, проанализировал его структуру, стадии и предложил развернутую типологию [15]. Ю. А. Тихомиров сосредоточился на изучении коллизий правовых норм как системного вида юридических конфликтов, обосновывая необходимость формирования коллизионного права [28].

Современные российские исследователи развивают эти идеи, фокусируясь на механизмах разрешения коллизий в публичном управлении, роли координации и применении альтернативных способов разрешения споров.

Например, в исследованиях В. П. Беляева и Б. Б. Бидовой, посвященных вопросам защиты национальных интересов и контрольно-надзорной функции, центральное место занимает концепция публичной координации. Ученые определяют ее в качестве основного инструмента предупреждения и разрешения правовых коллизий, представляя такую координацию как форму согласованного взаимодействия в правовой сфере [2]. По мнению исследователей, ее надлежащее нормативное закрепление позволяет минимизировать конфликтный потенциал в рамках сложных систем публичного управления.

Изучение механизмов управления юридическими конфликтами, включая альтернативные, которыми, в частности, занимается Т. В. Худойкина [30], отражает адаптацию юридической науки к реалиям, подчеркивая недостаточную гибкость традиционного судопроизводства для споров, где важны отношения или конфиденциальность.

Тем не менее современная эпоха ставит перед юридической конфликтологией принципиально новые задачи, требующие переосмысления традиционных категорий. На первый план выходят следующие проблемы:

1. *Киберконфликты.* Киберпреступность, информационное противоборство, утечки данных стирают географические и юрисдикционные границы, создают анонимных субъектов правонарушений, ставят под вопрос традиционные режимы доказательств и судебные процедуры. В настоящее время международная арена не представляет однозначных и реальных способов разрешения подобных конфликтов. Тем не менее попытки предотвращения и частичного снижения числа подобных конфликтов посредством нормативного регулирования на международном уровне все-таки принимаются, в частности недавно подписан ряд соглашений между Россией и Китаем, Китаем и США, Китаем и Великобританией о кибербезопасности, в рамках которых государства-участники обязуются не только сотрудничать, но и не допускать кибернападений на сторону соглашений [31]. Однако законодательство хронически отстает от темпов технологического развития.

2. *Глобальные юридические коллизии.* Климатические иски к государствам и корпорациям, деятельность транснациональных корпораций, регулирование миграции, контроль над космическими и цифровыми ресурсами порождают конфликты, для разрешения которых недостаточно национальных правовых систем. Требуется разработка наднациональных механизмов и поиск баланса между государственным суверенитетом и императивами глобальной справедливости и безопасности, а также тесное международное сотрудничество

большого числа государств, что довольно затруднительно в условиях повышенной международной напряженности.

Указанные вызовы знаменуют новый этап общественной трансформации, где юридический конфликт все более осознается как индикатор системных дисфункций и потенциальный ресурс для развития права. В текущих реалиях акцент смещается с пассивного разрешения споров на проактивное создание правовой международной среды, которая изначально минимизирует деструктивный потенциал противоречий и обеспечивает легитимные, гибкие и технологичные средства для их выявления и урегулирования.

Результаты исследования

Эволюция идей о понимании конфликта представляет собой процесс его десакрализации, рационализации и последующей юридизации. Данное явление прошло долгий путь становления от статуса космического закона или божественной кары и его осмысления как свойства человеческой природы и элемента социального устройства до утверждения в качестве автономного объекта профессионального научного познания и целенаправленного правового регулирования.

В процессе этой эволюции из широкой категории социального противоречия выделилось специфическое видовое понятие «юридический конфликт», под которым можно понимать особое правовое отношение, возникающее между субъектами права в связи с реализацией, применением или толкованием права и характеризующееся противоречием их интересов, охраняемых законом, целей и правовых позиций. Генезис такого типа противоречий неразрывно связан с процессами автономизации права как особой нормативной системы, его отделения от религии, морали и обычая.

Современная концепция юридического конфликта является синтезом исторических идей: античного понимания права как беспристрастного арбитра, средневекового критерия надличностной справедливости, доктрины общественного договора и социологического анализа его функций Нового времени.

В XX–XXI веках утвердился комплексный превентивно-трансформационный подход. Конфликт перестает восприниматься исключительно как негативный фактор, подлежащий искоренению или подавлению, и все более осознается как индикатор глубинных проблем правовой системы, диагностический инструмент и потенциал для ее обновления. Соответственно, стратегическая задача смещается от простого разрешения споров к проактивному проектированию такой правовой среды, которая минимизирует деструктивный потенциал противоречий и содержит встроенные легитимные механизмы для их трансформации в источник общественного развития.

Современные вызовы (цифровизация, глобализация) обуславливают новую волну трансформации концепции. Киберконфликты и глобальные коллизии

требуют выработки инновационных правовых механизмов, сочетающих традиционные гарантии справедливости с гибкостью, трансграничностью и технологичностью. Это актуализирует необходимость дальнейшего развития коллизионного права, международно-правового регулирования и интеграции альтернативных способов разрешения споров в цифровую среду.

Ответом на вызовы киберпространства и глобальных проблем должно стать дальнейшее развитие правовых механизмов, сочетающих традиционные гарантии справедливости с гибкостью, технологичностью и способностью к трансграничному регулированию. Понимание исторических корней и теоретического многообразия подходов к конфликту является необходимым фундаментом для такого развития, позволяя не просто реагировать на вызовы, но проактивно формировать правовую реальность, способную к устойчивому развитию в условиях неизбежных социальных противоречий.

Таким образом, историко-теоретический анализ не только раскрывает богатство интеллектуальной традиции осмысления конфликта, но и предоставляет концептуальный инструментарий для ответа на острые вызовы современности, подчеркивая, что понимание прошлого является ключом к построению эффективных правовых моделей будущего.

Список источников

1. Афанасьева В. К., Дьяконов И. М. Литература древней Месопотамии / пер. с аккад. М.: Алетейа, 2000. 456 с.
2. Беляев В. П., Бидова Б. Б. Правовые основы координации в сфере обеспечения национальных интересов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15. № 3. С. 10–19.
3. Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. 702 с.
4. Гегель Г. Философия права / пер. с нем. Б. Г. Столпнера. М.: АСТ, 2023. 544 с.
5. Гершинкова Д. А. Климатические судебные иски: зарубежный опыт и перспективы в России // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 3. С. 116–131.
6. Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001. 478 с.
7. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 142–147.
8. Доватур А. И., Кессиди Ф. Х. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.
9. Дынник М. А. Материалисты Древней Греции. М.: Госполитиздат, 1955. 239 с.
10. Золотарев А. Ю. Ордалии в англо-нормандское время // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2018. Т. 18. № 3. С. 314–318.
11. Кант И. К вечному миру: философско-исторические и политические сочинения. М.: РИПОЛ классик, 2019. 171 с.
12. Кессиди Ф. Х. Гераклит. М.: Мысль, 1982. 199 с.
13. Козер Л. Функции социального конфликта / пер. с англ. О. Назаровой. М.: Идея-пресс: Дом интеллектуальной книги. 2000. 205 с.
14. Кофанов Л. Л. Дигесты Юстиниана. Т. 1. Кн. I–IV. М.: Статут, 2002. 583 с.

15. Кудрявцев В. Н. Юридическая конфликтология (главы автора Кудрявцева В. Н.). М.: Юр. Норма, ИНФРА-М, 2016. 101 с.
16. Лапаева В. В. Либертарно-юридическая теория Владика Нерсесанца и ее вклад в развитие правовой теории и практики // Научный Арцах. 2025. № 2 (25). С. 11–27.
17. Лихачев Д. С. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. XII век. СПб.: Наука, 2004. 685 с.
18. Локк Дж. Два трактата о правлении / пер. с англ. Е. С. Лазутина, Ю. В. Семенова. М.; Челябинск: Социум, 2014. 480 с.
19. Макиавелли Н. Государь / пер. Г. Д. Муравьева. М.: АСТ, 2022. 256 с.
20. Маркс К. Капитал / пер. с нем. С. Алексеева. М.: АСТ, 2019. 541 с.
21. Нерсесянц В. С. Политические учения Древней Греции. М.: Наука, 1979. 261 с.
22. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2002. 880 с.
23. Пашенцев Д. А. Антропология государства: очеловечивание правовой реальности как вызов Левиафану // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. 2020. № 3. С. 34–39.
24. Переломов Л. С. Конфуций: «Лунь юй». М.: Восточная литература, 1998. 588 с.
25. Сошников А. Е. Конфликт: историко-психологический анализ понятия // Известия Самарского научного центра РАН. 2008. № 6-2. С. 188–194.
26. Столяров А. А. О граде Божьем // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. III. М.: Мысль, 2010. С. 117.
27. Сысоев Г. Д. Жан-Жак Руссо как политический мыслитель // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2021. № 3 (35). С. 80–88.
28. Тихомиров Ю. А. Коллизийное право: учеб. и науч.-практ. пособие. М.: Юринформцентр, 2000. 393 с.
29. Трунцевский Ю. В. Закон как код и прецизионное право в ракурсе датификации // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 1. С. 49–67.
30. Худойкина Т. В. Юридический конфликт: Теоретико-прикладное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Нижний Новгород, 2002. 488 с.
31. Шхагапсоев З. Л., Бураева Л. А. Киберпреступность и киберконфликты в современной России // Проблемы в российском законодательстве. 2018. № 3. С. 48–50.

References

1. Afanasyeva V. K., Dyakonov I. M. Literatura drevney Mesopotamii / per. s akkad. M.: Aleteya, 2000. 456 p.
2. Belyaev V. P., Bidova B. B. Pravovye osnovy koordinatsii v sfere obespecheniya natsional'nykh interesov // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo. 2025. T. 15. №. 3. S. 10–19.
3. Weber M. Izbrannoe. Obraz obshchestva. M.: Yurist, 1994. 704 s.
4. Hegel G. Filosofiya prava / per. s nem. B. G. Stolpnera. M.: AST, 2023. 544 s.
5. Gershinkova D. A. Klimaticheskiye sudebnyye iski: zarubezhnyy opyt i perspektivy v Rossii // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2021. T. 17. №. 3. S. 116–131.
6. Hobbes T. Levifan. M.: Mysl', 2001. 478 s.
7. Dahrendorf R. Elementy teorii sotsial'nogo konflikta // Sotsiologicheskiye issledovaniya. 1994. №. 5. S. 142–147.

8. Dovatur A. I., Kessidi F. Kh. Aristotel'. Sochineniya: v 4 t. T. 4. M.: Mysl', 1983. 830 s.
9. Dynnik M. A. Materialisty Drevney Gretsii. M.: Gospolitizdat, 1955. 239 s.
10. Zolotarev A. Yu. Ordalii v anglo-normandskoye vremya // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya. 2018. T. 18. №. 3. S. 314–318.
11. Kant I. K vechnomu miru: filosofsko-istoricheskie i politicheskie sochinenia. M.: RIPOL klassik, 2019. 171 s.
12. Kessidi F. Kh. Geraklit. M.: Mysl', 1982. 199 s.
13. Coser L. Funktsii sotsial'nogo konflikta / per. s angl. O. Nazarovoy. M.: Ideya-press, Dom intellektual'noy knigi, 2000. 205 s.
14. Kofanov L. L. Digesty Yustiniana. T. 1: Kn. I–IV. M.: Statut, 2002. 583 s.
15. Kudryavtsev V. N. Yuridicheskaya konfliktologiya (glavy avtora Kudryavtseva V. N.). M.: Yur. Norma, INFRA-M, 2016. 101 s.
16. Lapaeva V. V. Libertarno-yuridicheskaya teoriya Vladika Nersesantsa i ee vklad v razvitiye pravovoy teorii i praktiki // Nauchnyy Artsakh. 2025. №. 2 (25). S. 11–27.
17. Likhachev D. S. Biblioteka literatury Drevney Rusi. T 4. XII vek. SPb.: Nauka, 2004. 685 s.
18. Locke J. Dva traktata o pravlenii / per. s angl. E. S. Lazutina, Yu. V. Semyonova. M.; Chelyabinsk: Sotsium, 2014. 480 s.
19. Machiavelli N. Gosudar' / per. G. D. Muravyeva. M.: AST, 2022. 256 s.
20. Marx K. Kapital / per. s nem. S. Alekseeva. M.: AST, 2019. 541 s.
21. Nersesyants V. S. Politicheskiye ucheniya Drevney Gretsii. M.: Nauka, 1979. 261 s.
22. Parsons T. O strukture sotsial'nogo deystviya. M.: Akademicheskiiy proekt, 2002. 880 s.
23. Pashentsev D. A. Antropologiya gosudarstva: ochelovechivaniye pravovoy real'nosti kak vyzov gosudarstvu // Vestnik MGOU. Seria: Yurisprudentsia. 2020. №. 3. S. 34–39.
24. Perelomov L. S. Konfutsy: Lun' yuy. M.: Vostochnaya literatura, 1998. 588 s.
25. Soshnikov A. E. Konflikt: istoriko-psikhologicheskiiy analiz ponyatiya // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. 2008. №. 6-2. S. 188–194.
26. Stolyarov A. A. O grade Bozhyem // Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t. Vol. III. M.: Mysl', 2010. S. 117.
27. Sysoev G. D. Zhan-Zhak Russo kak politicheskiy myslitel' // Sovremennyye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk. 2021. №. 3 (35). S. 80–88.
28. Tikhomirov Yu. A. Kollizionnoye pravo: ucheb. i nauch.-prakt. posobie. M.: Yurinformtsentr, 2000. 393 s.
29. Truntsevskiy Yu. V. Zakon kak kod i pretsizionnoye pravo v rakurse datifikatsii // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2021. T. 17. №. 1. S. 49–67.
30. Khudoykina T. V. Yuridicheskiiy konflikt: Teoretiko-prikladnoye issledovaniye: dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.01. Nizhniy Novgorod, 2002. 488 s.
31. Shkhagapsoev Z. L., Burayeva L. A. Kiberprestupnost' i kiberkonflikty v sovremennoy Rossii // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. 2018. №. 3. S. 48–50.

Статья поступила в редакцию: 15.01.2026;
одобрена после рецензирования: 15.02.2026;
принята к публикации: 05.03.2026.

The article was submitted: 15.01.2026;
approved after reviewing: 15.02.2026;
accepted for publication: 05.03.2026.

УДК 340

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-262-114-117

Н. В. Михайлова

Московский университет МВД России
им. В. Я. Кикотя,
Москва, Российская Федерация,
net-46@mail.ru

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
Метшин И. Р. Казанская губерния
в составе Российской империи:
вопросы сохранения государственного единства.
М.: Норма, 2025. 68 с.**

UDC 340

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-262-114-117

N. V. Mikhailova

V. Ya. Kikot Moscow University
of the Ministry of the Interior of Russia,
Moscow, Russian Federation,
net-46@mail.ru

**BOOK REVIEW:
Metshin I. R. Kazan province within the Russian Empire:
issues of preserving state unity. Moscow: Norma, 2025. 68 p.**

Глобальные политические трансформации, происходящие в современном мире, неизбежно влияют на государственно-правовую реальность, заставляя унитарные и федеративные государства осуществлять поиск новых, отвечающих существующим вызовам моделей укрепления единства и целостности. Россия представляет собой государство, которое исторически имеет сложный субъектный состав, что связано с многонациональным населением, огромными территориями, природно-климатическим разнообразием. В течение веков России удавалось сохранять государственное единство, несмотря на многочисленные внешние и внутренние угрозы. Накопленный опыт свидетельствует о том, что сформировалась устойчивая правовая традиция управления регионами, направленная на их позитивное взаимодействие с центральной властью. Важное место в этой традиции занимает право, так как его нормы определяют модели взаимодействия публичной власти и общества [2, с. 30].

Рецензируемая монография посвящена Казанской губернии, ее развитию в эпоху Российской империи, которое исследовано через призму сохранения государственного единства. Эта губерния, по всей видимости, выбрана для научного анализа неслучайно. С одной стороны, Казань относилась к числу центральных, более «старых» регионов империи. С другой стороны, ее население было достаточно разнообразным в национальном плане, поэтому можно говорить о пересечении в губернии русских, татарских и иных исторических традиций осуществления власти и управления. Кроме того, Казанская губерния относилась к числу хорошо развитых в экономическом отношении регионов, так как здесь на высоком уровне находилось сельское хозяйство, процветали торговля и речное судоходство. В силу сказанного этот опыт представляет несомненный интерес.

Монография имеет четкую структуру. Она состоит из двух глав, объединяющих четыре параграфа. Изложение материала выстроено по принципу от общего к частному. В первой главе проанализированы особенности системы управления в Российской империи с акцентом на систему губернского управления. Показана роль деления на губернии в системе организации территориального управления в Российской империи, подчеркивается значение должности губернатора и объема его полномочий. Сделан вывод, что «система губернского управления стала основой для административно-территориального деления страны, она определяла особенности организации провинциальной жизни, играла роль в обеспечении государственного единства, решении возникавших социально-экономических и внутривластных проблем» [1, с. 32].

Во второй главе на примере Казанской губернии раскрываются и детализируются положения, обоснованные в первой части работы. Дан историко-правовой анализ возникновения губернии и этапов ее социально-экономического развития, отмечается высокий уровень образования и благотворительности в Казани во второй половине XIX века. Особое внимание уделено организации публичной власти в губернии. Автор акцентирует внимание на нормотворческой

деятельности губернатора, городских дум, других органов, наделенных соответствующими полномочиями. Исследуются конкретные постановления, иные правовые акты, определена степень нормативности содержащихся в них положений, выявлена сфера действия. Отдельное внимание уделено актам земских учреждений, деятельность которых также рассматривается в контексте укрепления государственного единства. Приводятся конкретные примеры, представляющие и сегодня немалый интерес с позиций не только историко-правовой, но и теоретико-правовой науки.

Привлекает внимание активное использование в монографии архивных материалов из фондов Государственного архива Республики Татарстан. В республике сохранилось много очень интересных с научно-юридической точки зрения документов. Они отражают опыт управления Казанской губернией, ее уездами и городами в период Российской империи. В монографии предпринята попытка на основе архивных документов показать, как в прежние исторические эпохи решались вопросы взаимодействия региональных органов власти, проблемы развития образования и социальной сферы. И. Р. Метшин убедительно демонстрирует, что этот опыт полезен и в наши дни: он может подсказать ответы на ряд вопросов, актуальных в современных условиях, связанных с эффективностью территориального управления, укреплением государственного единства.

Представляет интерес вывод автора, что деятельность местных органов власти, существовавших в Казанской губернии, по реализации возложенных на них полномочий способствовала формированию локального правового пространства, которое органично встраивалось в общеимперское право. Наличие такого пространства исследователь рассматривает в качестве еще одного фактора укрепления государственного единства.

В целом работа И. Р. Метшина «Казанская губерния в составе Российской империи: вопросы сохранения государственного единства» представляет собой качественное, основательное с точки зрения методологии и источниковой базы исследование важной историко-правовой проблемы. Автору удалось внести свой вклад в исследование исторического опыта, связанного с сохранением государственного единства, раскрыть обнаруженные закономерности на местном материале, показать значение сделанных выводов для современного политико-правового развития. Монография, без сомнения, найдет своего заинтересованного читателя. В то же время масштаб затронутой тематики позволяет поставить вопрос о целесообразности ее дальнейшего исследования.

Список источников

1. Метшин И. Р. Казанская губерния в составе Российской империи: вопросы сохранения государственного единства. М.: Норма, 2025. 68 с.
2. Пашенцев Д. А. Российская правовая традиция перед вызовом глобализации // Юридическая наука. 2016. № 1. С. 29–32.

References

1. Metshin I. R. Kazanskaya guberniya v sostave Rossijskoj imperii: voprosy` sokhraneniya gosudarstvennogo edinstva. M.: Norma, 2025. 68 s.
2. Pashentsev D. A. Rossijskaya pravovaya traditsiya pered vy`zovom globalizatsii // Yuridicheskaya nauka. 2016. № 1. S. 29–32.

Статья поступила в редакцию: 15.01.2026;
одобрена после рецензирования: 15.02.2026;
принята к публикации: 05.03.2026.

The article was submitted: 15.01.2026;
approved after reviewing: 15.02.2026;
accepted for publication: 05.03.2026.

УДК 340

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-262-118-124

С. В. Пашенцева

Российский государственный социальный университет,
Москва, Российская Федерация,
sp10-73@mail.ru

ОБЗОР ТРЕТЬЕЙ ПОКРОВСКОЙ НАУЧНОЙ СЕССИИ АССОЦИАЦИИ ИСТОРИКОВ ПРАВА

Аннотация. Статья представляет собой обзор двух научных мероприятий, которые прошли в рамках Третьей Покровской научной сессии Ассоциации историков права. Участники сессии обсуждали важные и интересные вопросы, связанные с развитием регионального юридического образования. Показано содержание основных докладов, прозвучавших в рамках научной сессии, отмечены идеи, высказанные участниками в ходе дискуссии. Констатирован неснижающийся интерес научной общественности к историко-правовому прошлому, к вопросам исторического просвещения, его роли в правовом и патриотическом воспитании студентов.

Ключевые слова: региональное образование; юридическое образование; историко-правовая наука; историческое просвещение; история права.

UDC 340

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-262-118-124

S. V. Pashentseva

Russian State Social University,
Moscow, Russian Federation,
sp10-73@mail.ru

REVIEW OF THE THIRD POKROVSKY SCIENTIFIC SESSION OF THE ASSOCIATION OF LEGAL HISTORIANS

Abstract. The article is an overview of two scientific events that took place within the framework of the Third Pokrovsky Scientific Session of the Association of Legal

Historians. The session participants discussed important and interesting issues related to the development of regional legal education. The content of the main reports presented during the scientific session is shown, and the ideas expressed by the participants during the discussion are noted. The scientific community's continuing interest in the historical and legal past, in issues of historical education, and its role in the legal and patriotic education of students is noted.

Keywords: regional education; legal education; historical and legal science; historical education; history of law.

В Покровском филиале Московского педагогического государственного университета (Покров, Владимирская область) состоялась Третья Покровская научная сессия Ассоциации историков права (30–31 января 2026 г.). Как и в предыдущие годы, в рамках сессии были проведены два мероприятия. Первое из них — Всероссийская научная конференция «Проблемы регионального образования в фокусе историко-правовой науки», приуроченная к 25-летию Покровского филиала МПГУ. На конференции были зачитаны приветствия, поступившие в адрес участников: от президента Российской академии образования Ольги Юрьевны Васильевой и министра молодежной политики Владимирской области Елены Владимировны Яниной. Также с приветствиями выступили Сергей Евгеньевич Бирюков — депутат Законодательного собрания Владимирской области, председатель комитета по вопросам образования, культуры, туризма, спорта, молодежи и средствам массовой информации, Александр Владимирович Курбатов — глава городского округа Покров.

В рамках заседания прозвучали доклады участников, которые представляли научные и учебные организации из разных регионов страны, включая Москву, Санкт-Петербург, Владимир, Курск, Тамбов, Нижний Новгород, Архангельск, Пензу, Красноярск, Волгоград. Все выступления были объединены общей тематикой, связанной с развитием регионального образования и местом истории государства и права в подготовке студентов-юристов.

Научная часть конференции открылась докладом доктора юридических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы РФ Дмитрия Алексеевича Пашенцева, в котором была подчеркнута значимость регионального образования для развития малых городов, реализации демографической политики, а также для укрепления государства. Докладчик обозначил системообразующую роль Покровского филиала как одного из центров регионального образования Владимирской области.

Доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия Александра Андреевна Дорская раскрыла междисциплинарное измерение понятия «историческая память», показала его образовательное, научное и воспитательное значение.

В докладе профессора кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, профессора, заслуженного работника высшей школы РФ Натальи Владимировны Михайловой была раскрыта тема «Познание истории государства и права России и краеведческая работа в регионах». Н. В. Михайлова подчеркнула сущность краеведческой работы как комплексной деятельности по изучению, сохранению культуры, природы, экономики определенной местности (малой родины). Эта работа дает возможность через историю отдельных регионов познать историю российской государственности в целом. В докладе, на примере ведения краеведческой работы в Московском университете МВД России и его филиалах в разных уголках нашего Отечества, была раскрыта деятельность краеведов по сбору материалов, позволяющих познать историю в лицах и делах. Особо была отмечена результативность проведения выездных семинаров, направленных на углубленное восприятие истории государства и права России, на воспитание патриотизма, любви к родному краю и Родине.

Доктор юридических наук, профессор Марина Владимировна Баранова в своем докладе на тему «Юридическая техника как фактор формирования новой компетентностной модели специалиста» отметила, что компетентностная модель современного юриста предполагает наличие прочных системных знаний, навыка критического мышления, владение приемами анализа сложных правовых явлений. Образовательный процесс подготовки такого специалиста обогащается и гармонизируется за счет универсальности технико-юридического знания, придающего структурность и единство подхода в теоретических, историко-правовых, отраслевых, сугубо прикладных научных разработках и учебных дисциплинах. Юридическая техника включает систему профессиональных юридических правил, средств, технологий, оптимизирующих, гармонизирующих, унифицирующих весь спектр юридической деятельности. Ее практическая ориентированность позволяет проводить качественный анализ вызовов, возникающих перед юридической наукой, образованием и практикой. Юридическая техника как наука, получившая в правовой доктрине название «юртехнетика», способна самосовершенствоваться в условиях интенсивной цифровизации, ускорения, усложнения, юридизации социальных процессов. Именно это надпредметное, комплексное знание, гармонично сочетающее теоретические и прикладные начала, способствует обеспечению эффективного взаимодействия смежных направлений юридической науки, преобразует имеющиеся средства и алгоритмы, обеспечивает имплементацию нового знания и инновационных инструментов в юридическую практику, создает базовую основу для профессионального формирования представителей юридической практики.

В докладе «Конструирование национальных символов в политике памяти: на примере “Тринадцати роз” в Испании», который представила доктор юридических наук Елена Юрьевна Калинина, речь шла о реальной истории расстрела тринадцати женщин в послевоенной Испании, которая на сегодняшний день

представлена в политико-правовом и общекультурном дискурсе как парадигмальный пример мифа — промежуточной формы между историческим фактом, выявленным на основе письменных и устных источников, литературой, художественным и документальным кино. Этот миф стал основой формирования исторической памяти, и в этом процессе каждый автор выстраивал собственную аргументацию, опираясь на одни и те же документы, слушая воспоминания одних и тех же людей, изучая одни и те же истории. Факты воспринимались эмоционально, а поскольку эмоция не просто непосредственно связана с памятью, но и является ее основой, то историческая память оказалась основанной на мифе. В результате пример «Тринадцати роз» не только послужил тому, чтобы преступления авторитарного националистического режима в Испании не остались забытыми, но и стал центром дебатов из-за сложного и противоречивого процесса формирования исторической памяти, которая, как отмечали некоторые авторы, сегодня следует массовым схемам стереотипизации образов, коммерциализируется как продукт потребления, что несет в себе скрытую опасность превращения трагического исторического факта еще в один товар.

В докладе доктора юридических наук Натальи Федоровны Медушевой были раскрыты особенности формирования российской системы аттестации научно-педагогических кадров в XVIII – начале XX в. Показано, что в Российской империи существовало внимательное отношение к процессу защиты диссертационных работ, которое рассматривалось как дело государственной важности. Место человека в общественной жизни определялось рангом, чином, это отразилось и на организации присвоения ученых степеней. Особое внимание уделялось диссертациям по юридическим наукам, которые были менее политизированы, нежели работы, защищаемые в европейских университетах, обладали высоким уровнем актуальности, богатым и глубоким анализом теоретико-исторических проблем правового знания, демонстрировали новые методологические подходы и обширную эмпирическую базу. Только с 1864 по 1916 г. было защищено 2 266 диссертаций (помимо медицинских), притом значительное число диссертаций по социогуманитарным наукам освещали юридические темы, многие из которых имеют важное значение для развития историко-правовой науки и в наши дни. В докладе был сделан вывод, что изучение диссертационных работ досоветского периода является необходимой составляющей при подготовке диссертаций по юридическим наукам в наше время.

Ольга Васильевна Моисеева, кандидат юридических наук из Тамбовского государственного университета, раскрыла тему «Особенности интеграции историко-правовых знаний в современную молодежную политику (на примере Тамбовской области)». По мнению докладчика, интеграция историко-правовых знаний в современную молодежную политику регионов обусловлена ключевым вектором развития нашего государства, где на законодательном уровне предусмотрено воспитание подрастающего поколения в русле необходимого

сохранения исторической памяти, уважения к Отечеству и вкладу людей в историю родного края. Краеведение в рамках регионального уровня организации молодежной политики является базой, фундаментом, на котором можно эффективно выстраивать историко-правовое образование, воспитание и культурно-ценностное развитие молодежи. В Тамбовской области историко-правовые знания гармонично встроены в региональную повестку дня, выступая центральной идеей различных мероприятий, проектов, акций. В частности, на сегодняшний день в Тамбовской области реализуется региональный историко-патриотический проект «О России с любовью», краеведческий проект «Хранители исторической памяти Тамбовской земли», работает региональный патриотический форум «Тамбовпатриот», реализуется акция «Герои Тамбовской земли» и многие другие.

Надежда Вячеславовна Чуб, кандидат юридических наук, доцент Юго-Западного государственного университета, представила доклад на тему «Опыт государственно-правовой поддержки военных кадров (XVIII – первая половина XIX в.)». Она отметила, что российское государство издавна устанавливало привилегии, награды, льготы, пособия военным кадрам за высокие риски, связанные с их участием в боевых действиях и служебных командировках. В XVIII в. военной отрасли уделялось пристальное законодательное внимание, а организационно-структурное преобразование проходило по мобилизационно-фискальной модели развития. Реорганизация армии на регулярных началах потребовала централизации снабжения войск продовольствием. Было предусмотрено хлебное и денежное обеспечение военных чинов; монастырское пропитание увечных бойцов; инвалидные команды; организация военных городов — поселений с возможностью обучения в гарнизонных школах детей солдат и нижних чинов. Устанавливалась ответственность военачальников за невыплату заслуженного довольствия подчиненным. Однако социальное отношение государства к судьбам отставных военных в XVIII в. было недостаточно урегулировано, материальная поддержка не обеспечивала их повседневные нужды. В XIX в. предписывалось сохранять статские должности за чиновниками, поступающими в ополчение. Появилось расписание гражданских мест по министерствам и губернским присутствиям, которые могли замещать только отставные инвалиды. Постепенно сокращались сроки обязательной военной службы. Данный историко-правовой опыт необходим для укрепления служебной мотивации современных военных кадров и развития профессиональной адаптации ветеранов боевых действий.

В своем докладе «История Великой Российской революции и современное образование» кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры истории государства и права Московского университета МВД России Павел Петрович Марченя предложил рассматривать вопросы изучения и преподавания истории советского периода в контексте проблемы цивилизационной идентичности элит и масс. По мнению докладчика, даже в учебной литературе до сих пор сохраняется антисоветская направленность в освещении места

и роли российской революции в мировой и отечественной истории, а также прозападная ориентированность в оценках всероссийских попыток якобы построить новую «советскую цивилизацию». Все это оказывает разрушительное воздействие на сознание граждан России и выступает идеологически значимым деструктивным фактором, препятствующим выходу из современного цивилизационного кризиса.

Второй день научной сессии продолжился секцией «Историческое просвещение как основа правового и патриотического воспитания детей и молодежи» в рамках XVIII Международной научно-практической конференции «Шамовские чтения». Директор Покровского филиала Московского педагогического государственного университета, кандидат филологических наук, доцент, почетный работник сферы образования РФ Людмила Васильевна Бойченко рассказала о роли творческого наследия православного писателя С. И. Фуделя в вопросах просвещения и воспитания студентов, а также о музее писателя, созданном при Покровском филиале МПГУ.

Заместитель начальника кафедры философии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, майор полиции, кандидат юридических наук Дарья Олеговна Ефременко отметила, что историческое просвещение в вузах сегодня выступает одним из ключевых инструментов формирования общероссийской гражданской идентичности и коллективной исторической памяти. Оно определяет мировоззренческий суверенитет государства и основывается на принципе россиецентричности. В условиях информатизации образовательного процесса и его динамично меняющейся нормативной составляющей важно сохранять живое общение педагога и обучающихся, а современные цифровые технологии обучения использовать как дополнение к традиционным методам.

Профессор Наталья Федоровна Медушевская представила доклад на тему «Роль методологии историко-правовых исследований в решении задач исторического просвещения». В нем проанализированы закономерности социально-гуманитарного познания, такие принципы постнеклассической историко-правовой науки, как междисциплинарность, антропоцентризм, аксиологичность, лингво-семиотический дискурс, мировоззренческая детерминированность, многомерность. Отмечается, что, используя арсенал познавательных средств таких методологических стратегий, как системная, историческая, культурологическая, антропологическая, феноменологическая и изучение ментальностей, можно создать логически завершенные представления об изучаемом объекте; выявить скрытые, изъятые или фальсифицируемые источники, основанные на мнениях заблуждающихся свидетелей; адекватно и объективно понять историко-правовой текст и выраженную в нем идею; рассмотреть бытие человека внутри правовой реальности. Роль методологии историко-правовых исследований заключается в формировании мировоззрения, способного критически оценивать исторические и современные события государственно-политической жизни России и всего мирового сообщества с целью выработки

умений противостоять чуждым нашему обществу ценностным установкам и навязываемым социально-политическим позициям.

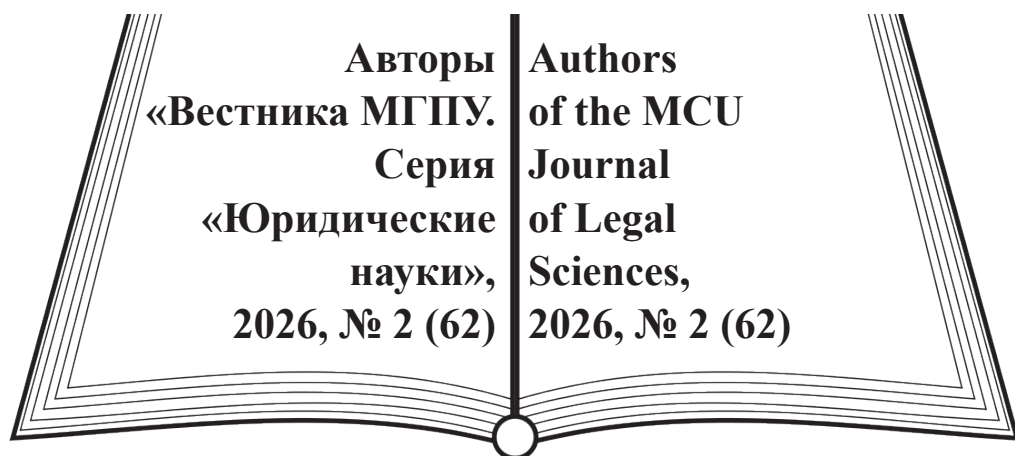
Ольга Борисовна Купцова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, выступила с докладом «Преподавание теории государства и права с использованием латинской терминологии и фразеологии в русле развития тенденций современного юридического образования». О. Б. Купцова отметила, что в процессе развития теории государства и права как науки и как учебной дисциплины постоянно осуществляется поиск возможностей обновления ее содержания, совершенствования методик преподавания, а также определение дальнейших перспектив развития. Теоретические исследования и опыт преподавания позволяют сделать вывод о том, что применение латинской терминологии и фразеологии в процессе освоения теории государства и права способствует повышению эффективности процесса обучения и формированию профессионального языка юриста. Данная новация может быть использована в следующих направлениях:

- 1) повышение эффективности усвоения категориального аппарата теории государства и права и актуализации знаний по данной дисциплине;
- 2) формирование общеупотребительной лексики как один из аспектов развития профессионального языка юриста;
- 3) в русле приемов опережающего обучения для формирования прочных межпредметных связей с другими дисциплинами;
- 4) для конструктивного переключения внимания на занятиях и снижения усталости. Кроме того, это способствует повышению познавательного интереса к процессу обучения, формированию правосознания и правовой культуры, профессионального кругозора.

На мероприятии прозвучали и иные важные и интересные доклады, состоялась плодотворная научная дискуссия по вопросам развития исторического просвещения и регионального юридического образования.

Статья поступила в редакцию: 18.09.2025;
одобрена после рецензирования: 18.10.2025;
принята к публикации: 05.11.2025.

The article was submitted: 18.09.2025;
approved after reviewing: 18.10.2025;
accepted for publication: 05.11.2025.

Васильев Павел Вячеславович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правовых дисциплин Ульяновского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Vasiliev Pavel Vyacheslavovich — PhD in Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Legal Disciplines of the Ulyanovsk branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

E-mail: vapv22031979@yandex.ru

Гусарова Марина Александровна — доктор философских наук, профессор кафедры психологии, философии и социологии Российского университета спорта «ГЦОЛИФК».

Gusarova Marina Aleksandrovna — Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Psychology, Philosophy and Sociology of the Russian University of Sports «GTSOLIFK».

E-mail: gusarovathebest@mail.ru

Дорская Александра Андреевна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева.

Dorskaya Alexandra Andreevna — Doctor in Law, Professor, Head of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the North-West Branch of the Lebedev Russian State University of Justice.

E-mail: adorskaya@yandex.ru

Дорский Андрей Юрьевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета.

Dorsky Andrey Yuryevich — Doctor in Philosophy, Professor, Head of the Department of Mass Communications Management of the St. Petersburg State University.

E-mail: dorski@yandex.ru

Караман Александр Акимович — кандидат юридических наук, советник ректора Российского государственного гуманитарного университета.

Karaman Alexander Akimovich — PhD in Law, Advisor to the Rector of the Russian State University for the Humanities.

E-mail: alexman-k@mail.ru

Копликов Тимур Андреевич — аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Koplikov Timur Andreevich — Postgraduate Student of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

E-mail: tkoplikov@mail.ru

Львов Алексей Витальевич — кандидат юридических наук, доцент, доцент департамента права Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета.

Lvov Alexey Vitalievich — PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Law of the Institute of Economics, Management and Law of the Moscow City University.

E-mail: zvonarevav@mgpu.ru

Метшин Ильсур Раисович — кандидат юридических наук, глава администрации города Казани.

Metshin Ilсур Raisovich — PhD in Law, Head of the Kazan City Administration.

E-mail: gorduma.kazan@tatar.ru

Михайлова Наталья Владимировна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, заслуженный работник высшей школы РФ.

Mikhailova Natalia Vladimirovna — Doctor in Law, Professor, Professor of the Department of History of State and Law of the V. Ya. Kikot Moscow University

of the Ministry of the Interior of Russia, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation.

E-mail: net-46@mail.ru

Пашенцева Светлана Васильевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры психологии, конфликтологии и бихевиористики Российского государственного социального университета.

Pashentseva Svetlana Vasilievna — PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Psychology, Conflictology and Behavioural Science of the Russian State Social University.

E-mail: sp10-70@mail.ru

Певцова Елена Александровна — доктор юридических наук, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заслуженный работник образования Московской области, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, почетный работник науки и высоких технологий Российской Федерации, ректор Российского государственного университета народного хозяйства имени В. И. Вернадского.

Pevtsova Elena Aleksandrovna — Doctor in Law, Doctor in Pedagogical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Honored Worker of Education of the Moscow Region, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Science and High Technologies of the Russian Federation, Rector of the Vernadsky Russian State University of National Economy.

E-mail: mail@rgunh.ru

Степанов Михаил Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Stepanov Mikhail Mikhailovich — PhD in Law, Associate Professor, Leading Researcher, Department of Theory of Law and Interdisciplinary Research of Legislation of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

E-mail: stepanovtao@mail.ru

Чаплин Никита Юрьевич — кандидат юридических наук, депутат Государственной Думы Российской Федерации.

Chaplin Nikita Yuryevich — PhD in Law, Deputy of the State Duma of the Russian Federation.

E-mail: chaplin@duma.gov.ru

Шахновская Ирина Викторовна — кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой конституционного и уголовного права Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой,

Shakhnovskaya Irina Viktorovna — PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional and Criminal Law of the Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk.

E-mail: i.shakhnovskaya@psu.by

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Редакция просит авторов при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ. Серия „Юридические науки“», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы:

1. Используемый шрифт — Times New Roman, кегль — 14, межстрочный интервал — 1,5, поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании; греческими буквами — в светлом прямом. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Содержание статьи должно отражать следующие обязательные структурные элементы:

- введение (постановка проблемы, определение цели и задач исследования, актуальность, новизна и значимость);
- анализ существующих подходов к решению поставленной проблемы, степень научной разработанности;
- исследовательская часть (включая доказательную базу и научную аргументацию);
- результаты исследования;
- библиография.

3. В публикации должны быть приведены все источники финансирования исследований, включая прямую и косвенную финансовую поддержку.

4. Объем статьи, включая список литературы, постраничные сноски и иллюстрации, не должен превышать 40 тыс. печатных знаков (1,0 а. л.).

5. В начале статьи должна быть представлена следующая информация:

- классификационные индексы Универсальной десятичной классификации — УДК (выравнивание по левому краю);
- инициалы и фамилия автора (полужирный шрифт, выравнивание по левому краю);
- сведения об авторе (выравнивание по левому краю);
- заголовок (полужирный шрифт, выравнивание по центру);
- аннотация к статье (объем не менее 100 слов, оформление по образцу);
- ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний, разделенных точкой с запятой).
- благодарности (при необходимости) организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи, сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации статьи, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья.

Требования к аннотации: объем не менее 100 слов (100–120 слов). Из содержания аннотации должно быть возможно получить целостное представление о статье, ее методологии и теоретической значимости.

Структура аннотации: цель статьи, методология, основные результаты, теоретическая значимость.

Ключевые слова: 5–7 ключевых слов или словосочетаний в единственном числе и именительном падеже, разделенных точкой с запятой.

6. Статья снабжается пристатейным списком литературы, составленным в алфавитном порядке на русском языке и транслитерированным, оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

Примеры оформления:

Викулова Л. Г., Троепольская Ю. Б. Туристический каталог в публичном медийном пространстве // Человек в информационном пространстве: сб. науч. тр. Ярославль: ЯГПУ, 2016. С. 80–87.

Иванов А. А. Психология. 2-е изд. СПб.: Наука, 2001. 530 с.

Курбанова М. Г. Эргонимы современного русского языка: семантика и прагматика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Волгоград, 2015. 23 с.

Набоков В. Собр. соч.: в 4 т. / отв. ред. и сост. В. В. Ерофеев. М.: Правда, 1990. Т. 1. 414 с.

Плотникова С. Н. Дискурсивные технологии и их роль в конструировании социального мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия «Право». 2015. № 3 (714). С. 72–83.

7. Ссылки на литературу из пристатейного списка приводятся в тексте в квадратных скобках, например: [3, с. 57] или [6, т. 1, кн. 2, с. 89].

Ссылки на интернет-ресурсы, архивные документы и нормативные источники помещаются в тексте в круглых скобках или подстраничной сноской по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

Пример оформления:

Члиянц Г. Создание телевидения // QRZ.RU: сервер радиолобителей России. 2004. URL: <http://www.qrz.ru/articles/article260.html> (дата обращения: 21.02.2006).

8. В материалах может быть использована подстрочная ссылка для выражения авторской позиции и (или) авторского комментария на фрагмент текста. Подстрочной ссылкой оформляются также используемые нормативные правовые акты с указанием данных о доступе. Оформление подстраничных сносок и примечаний в статье должно быть однообразным, нумерация сквозная.

9. В начале статьи (после аннотации на русском языке) приводятся на английском языке сведения об авторе, название статьи, аннотация и ключевые слова.

10. Рукопись статьи подается в редакцию журнала в электронной форме по адресу: pashencevda@mgru.ru (в формате doc, docx).

11. К рукописи прилагаются отдельным файлом сведения об авторе (Ф. И. О., ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

12. На первичное рассмотрение рукописи на предмет ее соответствия тематике издания и требованиям к оформлению отводится 14 дней. В случае несоблюдения какого-либо из настоящих требований автор по требованию главного или ответственного редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки. Редакция не вступает в полемику с автором в случае его несогласия с принятым решением.

13. Журнал публикует только оригинальные работы, соответствующие требованиям журнала по соблюдению этики научных публикаций.

14. Все статьи, предназначенные для публикации в «Вестнике МГПУ. Серия Юридические науки», проходят процедуру рецензирования и утверждения редакционной коллегией журнала и редакционным советом Института права и управления МГПУ.

15. Подача статьи в редакцию журнала означает согласие авторов с изложенными правилами и согласие на размещение полной версии статьи в сети Интернет на официальном сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, на сайте МГПУ (раздел «Наука») в свободном доступе, с использованием представленных личных данных в открытой печати.

16. Публикация в журнале для авторов бесплатна. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ

УДК 340.13

Д. Д. Пашенцева

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация
...a@yandex.ru

Нормотворческие полномочия органов городского общественного управления Российской империи после реформы 1870 г.

Аннотация. В статье поставлена задача проанализировать природу актов, принимавшихся органами городского общественного управления Российской империи после городской реформы 1870 года. Используются формально-юридический и исторический методы. На основе норм Городового положения 1870 года выявлены особенности этих актов, влиявшие на их место в системе права Российской империи. Проведено разграничение нормативных и ненормативных актов, принимавшихся городскими думами. Выявлена взаимосвязь данных актов с полномочиями органов городского общественного управления, а также с разграничением функций городских дум и городских управ. Сделан вывод, что полномочия городских дум по изданию как нормативных, так и ненормативных актов вытекали из функций и обязанностей, непосредственно закрепленных в Городовом положении 1870 года, а также из модели их взаимодействия с городскими управами и правительством.

Ключевые слова: городское общественное управление; Российская империя; городская дума; Городовое положение; нормативный акт.

Научный журнал / Scientific Journal

Вестник МГПУ.

Серия «Юридические науки»

MCU Journal of Legal Sciences

2026, № 2 (62)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
ПИ № ФС77-82091 от 12 октября 2021 г.

Главный редактор:

доктор юридических наук, профессор *Д. А. Пашенцев*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Т. П. Веденеева

Редактор:

Т. Е. Михайлова

Корректор:

К. М. Музамилова

Перевод на английский язык:

М. В. Лебедева

Техническое редактирование и верстка:

А. В. Бармин, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

Телефон: 8-499-181-50-36.

https://www.mgpu.ru/centers/izdat_centre/

Подписано в печать: 02.06.2026 г.

Формат: 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага: офсетная.

Объем: 8,25 печ. л. Тираж: 1 000 экз.